

Мембери

переводчика

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. Бархударова*

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1976

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК № 13
ИЗДАЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров,
А. В. Кунин, Г. Я. Туровер,
В. Д. Уваров, М. Я. Цвиллинг (отв. ред.)

Авторы несут ответственность за аутентичность
цитируемого материала.

Тетради переводчика. Вып. XIII. М., «Междунар.
Т 37 отношения», 1976.

128 с.

XIII выпуск «Тетрадей переводчика» знакомит читателя с проблемами теории перевода, лексикографии и затрагивает вопросы трудности перевода научно-технической литературы.

В разделе художественного перевода представляет несомненный интерес для читателей статья о сохранении эквивалентности при переводе «Евгения Онегина» на английский язык, а также статья о русских переводах стихотворения Э. По «Ворон».

Т $\frac{70104-028}{003(01)-76}$ 47-76

4

І. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В. Н. Комиссаров
(Москва)

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

(По материалам Всесоюзной научной конференции)

С 13 по 16 мая 1975 года в МГПИИЯ имени М. Тореца проходила Всесоюзная научная конференция «Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков». В работе конференции приняло участие большое число советских исследователей проблем перевода, а также группа ученых из ГДР, Болгарии и Венгрии. Участники конференции заслушали 149 докладов и сообщений по различным проблемам теории перевода. В целом материалы конференции свидетельствуют о том, что в СССР и братских социалистических странах проводятся широкие исследования различных аспектов переводческой деятельности. Особенно успешно идет разработка лингвистической теории перевода. Большинство докладов и сообщений представляет несомненную теоретическую и практическую ценность. Они отражают растущий интерес языковедов к особенностям функционирования языковых систем при переводе — этом важном виде речевой коммуникации.

Конференция дала возможность ведущим специалистам в области теории перевода укрепить научные контакты, более подробно информировать друг друга о проделанной работе, наметить пути дальнейших исследований. Многие участники конференции подчеркивали важность сотрудничества и объединения усилий для решения переводческих проблем и отмечали большую роль, принадлежащую в этом деле специальным изданиям, в частности «Тетрадам переводчика».

Материалы конференции весьма обширны и дают представление о состоянии теории перевода на современном этапе ее разработки. Они, несомненно, будут внимательно изучаться всеми теоретиками и практиками перевода. По-

нятно, что сколько-нибудь подробный анализ этих материалов — задача, далеко выходящая за рамки отдельной статьи. В предварительном порядке можно лишь кратко остановиться на некоторых узловых проблемах теории перевода, обсуждавшихся на конференции.

Хотя за последние годы в изучении переводческой деятельности достигнуты несомненные успехи, в целом теория перевода все еще находится в процессе становления. Для современного этапа развития этой теории характерно поэтому особое внимание к методологическим основам переводоведения, стремление объединить данные отдельных исследований в рамках широких общетеоретических концепций. Можно заметить, что методологическая проблематика теории перевода рассматривается в настоящее время в более конкретном научном плане, чем раньше. В этой связи характерно, что на Всесоюзной научной конференции почти не затрагивались, например, такие вопросы, как «Перевод — это наука или искусство?» и «Возможен ли перевод вообще?», которые в течение многих лет широко обсуждались в переводческой литературе. Постановка проблем в столь общей форме представляется сейчас малопродуктивной. Понятно, что перевод в смысле «практическая деятельность (или действия) переводчика» не может быть наукой, то есть системой теоретических концепций. Антиномия «наука — искусство» может означать лишь вопрос: осуществляется ли перевод с помощью каких-то знаний (и, следовательно, умению переводить можно научиться, усвоив необходимые знания) или же умение переводить — это искусство, для овладения которым необходим особый природный дар, имеющийся лишь у некоторых людей. Но при такой постановке вопроса исчезает предмет спора. Очевидно, что для умения переводить необходимы обширные знания, в частности, знание правил функционирования ИЯ и ПЯ, соотнесения единиц этих языков и т. п., и эти знания могут быть, в принципе, приобретены любым человеком. Но очевидно также, что наиболее высоких результатов в любой деятельности могут достигать далеко не все желающие заниматься этой деятельностью, что для этого нужны особые способности, талант. Понятно, что успешно решать наиболее сложные проблемы перевода могут лишь люди, обладающие необходимыми способностями, и такое умение есть искусство, недостижимое для тех, кто не обладает подобным талантом.

Аналогичным образом снимается и антиномия «пере-

водимость — непереводаемость», связанная с вопросом о принципиальной возможности перевода. Общеизвестно, что перевод не означает абсолютного тождества содержания исходного и конечного текстов, иначе говоря, при переводе всегда происходит утрата, приращение или преобразование информации (лингвистической или экстралингвистической, явно выраженной или подразумеваемой и т. п.). Известно также, что, несмотря на это, практически существуют переводы, обеспечивающие полноценную межкультурную коммуникацию, то есть успешно выполняющие те задачи, ради которых они осуществляются. Иначе говоря, любой оригинал одновременно может считаться непереводаемым в смысле отсутствия абсолютного тождества с переводом и должен быть признан принципиально переводаемым в смысле возможности создания полноценной функциональной замены его на другом языке и передачи любой части содержания оригинала, которую переводчик считает важной для данного акта межкультурного общения, и возможности компенсации неизбежных потерь.

На Всесоюзной научной конференции 1975 года значительное место заняло лишь обсуждение третьей из традиционных общих антиномий переводоведения — следует ли стремиться к созданию единой теории (науки) перевода, охватывающей всю проблематику перевода, или должны существовать самостоятельно психологическая, литературоведческая, лингвистическая и прочие теории перевода. В выступлениях участников конференции приводились доводы в пользу как одной, так и другой точки зрения. Думается, однако, что и здесь речь идет не о взаимоисключающих решениях. Понятно, что такое многогранное явление, как перевод, может быть объектом изучения разных наук и составлять часть их предмета исследования. При этом размежевание областей исследования не совпадает с делением перевода на отдельные виды в зависимости от характера оригинала или используемой при переводе формы речи (письменной или устной). Если, например, выделить перевод литературных произведений в особый вид — художественный перевод, то литературовед будет изучать его как особый вид литературного творчества, психолог интересуется спецификой психических процессов, связанных с осуществлением индивидуумом (переводчиком) этого вида речевой деятельности, а языковед будет изучать взаимодействие языковых систем в процессе межкультурного общения. Понятно, что каждый из них будет решать свои задачи с

помощью методов, разработанных в его науке, и результаты исследования будут формулироваться в терминах соответствующей науки. Цель исследования в значительной степени определяет и тот аспект переводческой деятельности, который находится в центре внимания исследователя. Так, для психолога перевод — это прежде всего деятельность **переводчика** с ее особым психологическим механизмом восприятия, понимания, работы памяти, воображения, особой мотивацией, операцией переформулирования мысли и т. п. Для языковеда же перевод в первую очередь интересен как особый вид речевой коммуникации, при котором коммуниканты пользуются разными языковыми системами. В процессе перевода происходит объединение в едином акте общения речевых произведений на разных языках, которые рассматриваются участниками коммуникации как взаимозаменяемые (коммуникативно равноценные). Объединение в едином коммуникативном акте речевых отрезков, состоящих из единиц разных языковых систем и построенных по правилам смысловой и синтаксической организации, специфичным для каждой такой системы, предполагает, с одной стороны, некоторые общие черты этих систем и их функционирования, а с другой стороны, лингвистическую ограниченность подобной общности. Таким образом, межкультурное общение, осуществляемое в акте перевода, предстает перед лингвистом как особый вид соотношенного функционирования двух языковых систем и в качестве такого входит в предмет его науки.

Выделение разными науками своих объектов анализа в переводческой деятельности не означает, конечно, что между ними должна быть какая-то непреодолимая грань. Существуют пограничные области исследования, каждая наука может использовать какие-то данные смежных наук, изучающих другие аспекты перевода и т. д. Однако в любом случае она сохраняет свою специфику, свои методы анализа, свой понятийный аппарат.

Таким образом, представляется неизбежным существование лингвистической, психологической, литературоведческой и прочих теорий перевода в рамках соответствующих наук. Это, однако, не означает принципиальной невозможности или нецелесообразности постановки вопроса о единой науке — переводоведении, предметом которой был бы феномен перевода в целом. Аналогичные вопросы уже поднимались в других областях знания. Предлагалось, например, создать такую научную дисциплину, как «чело-

вековедение», сводящую воедино данные всех наук о человеке, или объединить в рамках «речеведения» все исследования любых аспектов речевой деятельности. Подобные предложения преследуют благую цель: избежать искусственного дробления единого объекта, суметь охватить сложное явление во всей совокупности его сторон, обеспечить наиболее полное и целостное познание реальности. Все это весьма заманчиво. Можно лишь мечтать о такой теории перевода, которая бы в единой системе понятий описывала лингвистические, психологические, литературно-художественные, культурно-этнологические и прочие аспекты переводческой деятельности. Однако создание такой теории — дело чрезвычайно сложное. Прежде всего необходимо, чтобы ее составные части, развивающиеся в рамках отдельных наук, были доведены до достаточно высокого уровня. Понятно, что путем сложения разных видов незнания нельзя получить необходимое знание. Объединять следовало бы достижения, а не нерешенные проблемы. Самое же главное в том, что создание единой теории — это не простое сложение данных разных наук. Эти данные должны быть переосмыслены и интерпретированы по отношению друг к другу, должно быть изучено их взаимодействие и место каждого из них в общей системе. Иначе говоря, необходимо будет создать совершенно новую сложную дисциплину, для которой теории перевода в рамках отдельных наук будут, в лучшем случае, лишь отправными точками. Возможность создания такой дисциплины в настоящее время представляется весьма проблематичной, но в теоретическом плане нет оснований для того, чтобы противопоставлять ей изучение отдельных аспектов перевода с помощью методов языкознания, психологии и т. д.

Важнейшей методологической проблемой современной теории перевода, которая явно или имплицитно затрагивалась многими участниками конференции, остается проблема текста. Именно в тексте переплетаются многие теоретические и практические вопросы переводческой деятельности. Как и любой человек, пользующийся языком, переводчик имеет дело не с абстрактной языковой системой, а с речевыми произведениями — текстами, объединяющими структурно и семантически некоторую совокупность высказываний. Текст представляет собой основной источник информации, которая снимает многозначность языковых единиц и позволяет правильно осмыслить содержание высказывания. Без такой информации переводчик часто не в сос-

тоянии сделать выбор из возможных соответствий в языке перевода словам и словосочетаниям оригинала. В этом смысле текст выступает в качестве важнейшей единицы перевода. Характер текста, его жанровая принадлежность могут ставить перед переводчиком специфические задачи, требовать от него особых знаний или умений. Переводчику порой представляется, что текст (обычно имеется в виду конкретный текст со всеми его индивидуальными особенностями) — это единственно реальный и определяющий фактор в переводе, что здесь начало и конец всех переводческих проблем. Такое гипертрофирование индивидуальных особенностей речевого произведения, разумеется, неоправдано, поскольку при этом не учитывается, что любое высказывание представляет собой частный случай манифестации системы языка в соответствии с правилами ее функционирования в речи. По этой же причине нельзя согласиться с часто высказываемым мнением, что теоретическая проблематика перевода лежит исключительно в области речи, а не языка.

В то же время представляется неоспоримым, что тексту принадлежит важнейшее место и в теоретическом исследовании переводческой деятельности. Как и для языкознания вообще, для лингвистического анализа перевода единственно непосредственно наблюдаемыми фактами являются акты речи и их результаты — речевые произведения. Поэтому в любом лингвопереводческом исследовании исходным полевым материалом служат тексты оригинала и перевода, а основным методом анализа — сопоставление соотнесенных отрезков в этих текстах. Теоретические постулаты, с помощью которых исследователь пытается описать и объяснить феномен перевода, должны основываться на результатах подобного сопоставления и подтверждаться при их проверке на новых множествах текстов. Например, выводы о коммуникативной равноценности соотнесенных единиц двух языков должны доказываться их реальной взаимозаменяемостью в текстах оригинала и перевода. Только при сопоставительном анализе текстов возможно рассмотрение проблем, связанных с типами переводческой эквивалентности, использованием компенсации, решением прагматических «сверхзадач» при переводе и т. п.

Развитие теории перевода тесно связано с рядом аспектов лингвистики текста, которые нуждаются в дальнейшей разработке. Сопоставление содержания текстов оригинала и перевода предполагает умение анализировать это содер-

жание, выделять в нем основные компоненты, учитывать особенности смысловой структуры текста в ИЯ и ПЯ. Крайне важны для исследования перевода и проблемы, связанные с соотношением целого и его частей в тексте. В частности, остается недостаточно изученным вопрос о том, насколько самостоятелен смысл минимальной единицы текста — отдельного высказывания. Известно, что смысловой структурой обладает как высказывание, так и текст в целом. Однако мы еще мало знаем о том, в какой степени общая структура текста определяется структурой высказываний, входящих в его состав, какие элементы общей структуры текста относительно независимы от его составляющих. Существует ли принципиальное различие в организации эквивалентных текстов в разных языках? Иначе говоря, в какой степени адекватный перевод всех высказываний текста в отдельности обеспечивает адекватный перевод текста в целом? Есть ли какие-либо элементы структурной организации текста, без передачи которых нельзя осуществить его адекватный перевод? Необходимы многочисленные исследования всего комплекса теоретических вопросов, возникающих в связи с передачей в переводе значительных отрезков речи. С этой задачей тесно связана общелингвистическая проблема соотношения языка и речи, закономерностей языковой структуры и правил ее реализации в речевом общении. Взаимодействие языков в процессе перевода (типы соответствий, трансформаций, перифраз и т. п.) обусловлено как соотношением их структур и правил функционирования, так и особенностями построения крупных структурно-функциональных комплексов в каждом языке. Это определяет и возможность использования при лингвистическом анализе перевода различных моделей языкового синтеза.

Непосредственно примыкает к проблематике текста и вопрос о прагматических аспектах перевода. В докладах и выступлениях участников Всесоюзной научной конференции прагматика перевода рассматривалась весьма широко: от анализа сравнительной прагматической ценности отдельных единиц сопоставляемых языков до изучения влияния на процесс перевода социальной стратификации языка и ролевых отношений коммуникантов. В этой области теория перевода широко использует данные социалингвистики, завоевывающей все более прочные позиции в современном языкознании.

Сложность изучения прагматики перевода заключается,

в частности, в том, что исследователь сталкивается здесь с целым рядом разнородных факторов. Во-первых, в значении отдельных единиц и структур языка содержатся оценочные элементы, выражающие отношение к обозначаемым явлениям, общее для данного говорящего коллектива. Во-вторых, различные способы организации высказываний также могут быть связаны с определенным отношением коммуникантов к высказываемому. В-третьих, неодинаковую прагматическую ценность могут иметь в каждом языковом коллективе тексты, принадлежащие к разным жанрам или сферам деятельности. В-четвертых, определенная оценка говорящего коллектива может быть закреплена за каким-то типом событий или явлений, описываемых в тексте. В-пятых, текст оригинала может быть особо ориентирован на какую-то группу людей, имеющих особое отношение к описываемому. Затем следует учитывать возможность того, что на подобную группу людей будет ориентирован текст перевода, независимо от прагматики оригинала. Далее, на процесс перевода может оказать влияние и прагматическая задача самого переводчика (с какими целями он осуществляет перевод), и условия осуществления переводческого акта, определяющие отношение переводчика к своей работе, и т. д. По-видимому, для успешного изучения сложного комплекса прагматических аспектов перевода необходимо прежде всего четко разграничить общенародную прагматику, характеризующую весь языковой коллектив, и индивидуальные прагматические факторы, зависящие от особенностей конкретного акта перевода.

Из остальных общеметодологических вопросов, обсуждавшихся на Всесоюзной научной конференции, упомянем лишь о проблеме взаимодействия теории перевода с иными разделами языкознания. Теория перевода давно уже широко использует достижения грамматики, лексикологии, стилистики, семасиологии и других областей лингвистических изысканий. В последнее время все большее внимание языковедов привлекает и противоположное направление исследований: использование переводческих данных в качестве материала для решения ряда задач в смежных областях. В докладах конференции можно найти немало доказательств, что переводы могут плодотворно использоваться как лингвистический источник. Это лишний раз свидетельствует о том, что перевод представляет собой вид речевой коммуникации, в основе которого лежат универсальные свойства человеческого языка и который поэтому имеет

много общего с другими видами использования языка в коммуникативных целях.

Значительное место в работе конференции заняли сообщения о результатах исследований, раскрывающих отношения эквивалентности между единицами двух языков, выявляющих различные типы переводческих соответствий. Такие сообщения охватывали большой круг лексико-фразеологических, грамматических и стилистических проблем перевода. Характер этих заметок не позволяет мне остановиться более подробно на отдельных выступлениях. Отмечу лишь, что авторам многих работ, представленных на конференции, удалось преодолеть две основные трудности, с которыми всегда сталкивается исследователь лингвистических проблем перевода. Первая трудность заключается в том, что нередко, прежде чем анализировать собственно переводческую проблему (тот или иной аспект соотношения функционирования двух языков), исследователь бывает вынужден проделать большую работу по изучению интересующего его явления в ИЯ или ПЯ, после чего у него уже не остается ни сил, ни времени для сбора и анализа переводческих фактов. В результате среди работ по теории перевода можно встретить фактически «одноязычные» исследования, в конце которых скороговоркой указывается, что описанные языковые факты (обычно это какие-то явления в ИЯ) представляют несомненный интерес для перевода. Другая опасность состоит в том, что сами по себе факты перевода подчас бывают столь поучительны и разнообразны, что простое описание таких фактов уже достаточно ценно. В результате появляются весьма интересные работы с богатым фактическим материалом, в которых, однако, отсутствуют сколько-нибудь значительные теоретические обобщения. Материалы Всесоюзной научной конференции свидетельствуют о том, что указанные опасности успешно преодолеваются и все большее число лингвопереводческих исследований вносит серьезный вклад в развитие теории перевода.

Ряд сообщений на конференции был посвящен «орудиям труда» переводчика, прежде всего двуязычным словарям. Работа по совершенствованию переводных словарей ведется в настоящее время в двух направлениях. С одной стороны, издаются все более полные двуязычные словари как общие, так и по отдельным отраслям знания. С другой стороны, ведутся исследования по разработке словаря нового типа, специально ориентированного на профессионального пере-

водчика. Такой словарь во многом должен начинаться там, где кончается обычный двуязычный словарь. Он будет содержать не только слова, но и словосочетания, перевод которых требует особых приемов, давать разностороннюю информацию, предостерегающую переводчика от ошибок и позволяющую ему сделать правильный выбор, указывать способы перевода возможных дериватов и метафорических употреблений и т. п. Сложная задача составления «словаря для переводчика» требует широких предварительных исследований.

На повестке дня стоит и вопрос о создании общедоступного «терминологического банка» — справочного центра, где переводчик мог бы быстро получить необходимую ему информацию о терминах и реалиях.

В заключение этих весьма фрагментарных размышлений в связи с Конференцией по теории перевода хотелось бы заметить следующее. Трудно переоценить значение подобных контактов исследователей перевода для дальнейшего прогресса в этой области. Однако эти конференции собираются с интервалом в 4—5 лет. Регулярная же связь между учеными, занимающимися проблемами перевода, еще должным образом не налажена. Многие участники конференции говорили о необходимости постоянно публиковать издания по проблематике переводческих исследований, научно-методические указания преподавателям перевода, различные справочные материалы и советы переводчикам-практикам, критические анализы издаваемых переводов и т. п. Иначе говоря, существует большая потребность в издании специального журнала, предназначенного для многих тысяч людей, занимающихся переводом. К сожалению, по своему объему и периодичности «Тетради переводчика» могут лишь в незначительной степени удовлетворить эту потребность.

II. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Ф. И. Маулер
(Орджоникидзе)

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИЛИНЕАРНОСТИ

(На материале английского перевода
«Евгения Онегина»)

Римляне говорили: «Habent sua fata libelli». Да, у книг своя судьба. Если же говорить о лучших творениях мировой поэзии, то их судьба особенно счастлива. Родившись один раз на языке оригинала, они непрерывно рождаются вновь и вновь на других языках, неся эстетическое наслаждение читателям разных стран и поколений.

Лучшее творение А. С. Пушкина роман «Евгений Онегин» занимает почетное место в мировой литературе. «Евгений Онегин» поражает красотой поэтической формы, гармоничностью построения, строжайшей строфикой, лексическим богатством, стилистическим разнообразием, звучностью рифмы. Все это ставит сверхсложные задачи перед литератором, который возьмет на себя труд перевести пушкинский шедевр на другой язык, ибо это произведение, по словам академика М. П. Алексеева, «одно из труднейших для передачи на любом иностранном языке»¹.

На английский язык «Евгений Онегин» переводился не раз. Согласно данным, имеющимся в распоряжении Института русской литературы (Пушкинского дома), существует, по крайней мере, шесть переводов романа на английский язык; из них один выполнен в XIX, остальные — в XX веке. Особой добросовестностью отличается перевод, созданный Бэббет Дейч. Он был впервые опубликован в 1936 году; позже переводчица не раз возвращалась к нему, и пересмотренное и улучшенное издание «Евгения Онегина» в ее переводе вышло в 1964 году в серии «Penguin Classics»².

¹ М. П. Алексеев. «Евгений Онегин» на языках мира. «Мастерство перевода», М., «Сов. писатель», 1965, с. 278.

² Alexander P u s h k i n. Eugene Oegin. A Novel in Verse. A new rev. ed. transl. by B. Deutsch. Ldn., "Penguin Books", 1964.

Б. Дейч внимательно прочитала текст романа, глубоко изучила его сложную и совершенную форму и, насколько это было в ее силах, донесла в основном его звучание до читателей. Не ставя перед собой задачи детально охарактеризовать перевод Б. Дейч, хотя его критический анализ был бы полезен, мы хотим лишь указать на некоторые его бесспорные достоинства.

Для иллюстрации приведем несколько отрывков из перевода Б. Дейч, в которых не только сохранено богатство содержания, но и передано точно и гармонично дивное звучание пушкинских стихов:

A man of rank, his worthy father
Would always give three balls a year;
He lived in debt, and did not bother
To keep his hopeless ledgers clear.

(I, 3)

A man of sense, I am conceding,
Can pay attention to his nails;
Why should one quarrel with good breeding?
With some folk, custom's rule prevails.

(I, 25)

The hazy dawn commences coldly,
The silent fields, abandoned, wait;
The hungry wolf is loping boldly
Along the highway with his mate.
The horse who scents them snorts and quivers,
The traveller, faint-hearted, shivers
And dashes uphill and is gone.

(IV, 41)

Переводчица стремилась передать как можно больше особенностей пушкинского стиха, в том числе аллитерации и анафоры:

No, *silent, wild, and melancholy,*
And *swift to flee from fun and folly,*
Shy as the doe who runs alone.

(II, 25)

And when a *star* dropped down the sky
And into golden fragments *shivered,*
She'd watch its flight with anxious eye,
And hurriedly before it *perished*
Confide to it the wish *she* cherished.

(V, 6)

Who will assent to all we say?
Who will not seek our faults to flout us?
Who will not spread vile lies about us?
Who will not weary us, with speed?
Who will supply our every need?

(IV, 22)

His slightest move is overawing;
He drinks — with greedy howls they swill;
He laughs, and they are all guffawing;
He frowns, and everyone is still...

(V, 18)

В основном успешно справляется Б. Дейч и с лексическими задачами. Как известно, лексика «Евгения Онегина» весьма неоднородна в стилистическом отношении: славянизмы перемежаются со словами просторечными, мифологизмы свободно соседствуют со словами повседневного быта, в тексте много французских слов. Решая лексические задачи, переводчица широко пользуется методом компенсации: в том или ином месте появляются архаизмы или французские вставки, компенсирующие то, что не было передано в другом месте:

Hence *oft* he had his stallion saddled
At the back porch in readiness.

(II, 5)

And *sooth*, I fled these haughty belles
Upon whose brows *methought* was hell's
Inscription graven plain...

(III, 22)

Indeed, today there is a vicious
Ennui pervading the *haut monde*.

(I, 42)

And in her mind a *billet doux*
To her dear hero she addresses.

(III, 10)

Есть в переводе и незначительное количество русских слов, понятных английскому читателю; их введение, несомненно, содействует сохранению национального колорита произведения:

He waits; and up a *troika* prances...

(IV, 44)

The bold *kibitka* swiftly traces
Two fluffy furrows as it races...

(V, 2)

Б. Дейч довольно легко справляется с синтаксическими трудностями и строит предложения в стиле традиционного английского поэтического синтаксиса, что придает ее переводу высокое поэтическое звучание.

Непреходящая красота «Евгения Онегина» во многом обязана богатству и звучности пушкинской рифмы. Б. Дейч стремится максимально отразить в своем переводе особенности чередования женских и мужских рифм, что уже само по себе нелегко, ибо для английской поэзии малохарак-

терны женские рифмы. Поэтический перевод — это известная аппроксимация. Поскольку он складывается из многих компонентов, то надо полагать, что степень приближения к оригиналу различна для них. В рассматриваемом переводе рифмы — это тот компонент, который дальше всего отстоит от оригинала. Винить в этом полностью переводчицу, однако, нельзя. По наблюдениям Б. В. Томашевского³, характер, звучность, вариантность рифм неотделимы от того языка, на котором создано поэтическое произведение. Сопоставительное исследование рифмики английской и русской поэзии, очевидно, обнаружит существенные различия в строении рифм, обусловленные не индивидуальными особенностями поэтов, а непреодолимыми различиями в этих языках. Для классической английской поэзии вообще характерно более свободное по сравнению с русской обращение с рифмами, и даже Байрон не является в этом отношении исключением. И все же нельзя не досадовать по поводу того, что в переводе Б. Дейч нередко встречаются бедные, неполные рифмы, снижающие общую ценность ее труда. В самом деле, как далеки от пушкинских употребленные переводчицей рифмы: domesticity — fancied me (IV, 13), agree — nobility (IV, 18), extraordinary — January (V, 1), head — visited (V, 20), heavily — beggary (V, 26)!

В своей книге «Высокое искусство» К. И. Чуковский посвятил ряд страниц проблеме эквилинеарности и вскрыл трудности, сопряженные с соблюдением этого принципа при создании англо-русских поэтических переводов⁴. К. И. Чуковский, по-видимому, считая, что требование эквилинеарности вполне разумно, все же сожалеет о том, что его неукоснительное выполнение ведет к большим потерям и искажениям смысла. Даже такой незаурядный мастер поэтического перевода, как М. Лозинский, не всегда справлялся с трудностями, сопутствующими соблюдению принципа эквилинеарности. При англо-русском переводе, в силу значительно различающейся длины слов в обоих языках, полная передача содержания неизбежно вступает в острое противоречие с принципом эквилинеарности. Единых решений, по-видимому, не может быть. В каждом отдельном случае, на основе оценки переводимого произведения, переводчик должен решить, что меньше повредит воссозданию

³ См. Б. В. Томашевский. Стих и язык. М.—Л., ГИХЛ, 1959.

⁴ К. Чуковский. Высокое искусство. М., «Искусство», 1964, с. 189 и сл.

целого — утрата каких-то частей содержания или отход от формы.

Когда речь идет о переводе такого самобытного поэтического творения, как «Евгений Онегин», в котором содержание идеально гармонирует с художественной формой, соблюдение принципа эквилинеарности представляется более чем желательным. И здесь будут трудности, но они будут различны в зависимости от того, на какой язык осуществляется перевод: если средняя длина слов в языке перевода больше, чем в русском, то эквилинеарность может быть достигнута лишь ценой каких-то неизбежных жертв; если же средняя длина слов в языке перевода меньше, чем в русском, то для соблюдения принципа эквилинеарности переводчик вынужден внести в свое произведение какие-то элементы, отсутствующие в оригинале. Именно так обстоит дело при переводе русской поэзии на английский язык. Полная передача в переводе семантической информации, содержащейся в том или ином отрезке подлинника (в данном случае в онегинской строфе), оставляет известный «вакуум». Необходимость соблюдения принципа эквилинеарности вынуждает переводчика чем-то его заполнить. Не могла, разумеется, уйти от этого и Б. Дейч — автор рассматриваемого перевода «Евгения Онегина».

Решая нелегкую задачу, стоявшую перед ней, Б. Дейч пользовалась целым рядом приемов, более или менее удачных, и, в конечном итоге, добилась полной эквилинеарности. При этом ей все время приходилось следить за тем, чтобы ее «отсебятины» гармонировали с окружающим контекстом и не воспринимались как «заплаты» на чудесной словесной ткани стихотворного романа.

Из совокупности использованных приемов расширения строфы можно выделить следующие наиболее типичные.

1. В текст романа вводятся не имеющие соответствия в оригинале глаголы и глагольные сочетания, вполне согласующиеся с теми, которые есть у Пушкина:

Родился на берегах Невы,...

Eugene Onegin, born and nourished
(I, 2)

Онегин за столом сидит
И в дверь украдкой глядит.

Onegin sits and drinks a health
And glances at the door by stealth.
(V, 17)

И, близ него ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

And an old gentleman espied her,
Asked who she was, set straight his wig,
And gave his neighbour's ribs a dig.
(VII, 49)

2. Переводчица вводит эпитеты, отсутствующие в оригинале:

Родился на берегах Невы,...	Where <i>old</i> Neva's grey waters flow...
Татьяна, милая Татьяна!	(I, 2) Tatyana, dear Tatyana! Weeping,
С тобой теперь я слезы лью,...	I share the <i>scalding</i> tears you drop...
Согретый вдохновенья богом,	(III, 15) Another, at a god's dictation,
Другой поэт роскошным сло- гом	Described with <i>frenzied</i> inspiration.
Живописал нам первый снег	First snow, and <i>delicately</i> wrote
И все оттенки зимних нег,...	Of wintry pleasures...
	(V, 3)

3. В переводе появляются сравнения, не имеющие соответствия у Пушкина:

Вот мой Онегин на свободе;	Now my Onegin, <i>keen as brandy</i> ,
Острижен по последней моде;	Went forth, in dress — a London dan-
Как dandy лондонский одет...	dy,
	His hair cut in the latest mode...
	(I, 4)
И отставной советник Флянов,	The old fat counsellor, Flyanov,
Тяжелый сплетник, старый	A gossip, glutton, clown, and cheat,
плут,	Who likes a bribe <i>as much as meat</i> .
Обжора, взяточник и шут.	(V, 26)
На солнце, на часы смотрел,	He marked the time, and presently
Махнул рукою напоследок —	He waved his hand, <i>as one who'd</i>
И очутился у соседок.	<i>rue it</i>
	And was at Olga's ere he knew it.
	(VI, 13)

4. «Евгений Онегин» изобилует лирическими отступлениями, авторскими оценками, в нем постоянно наличествует авторское «я». Пушкин охотно беседует со своими читателями, нередко обращается к ним с риторическими вопросами. Верно уловив эту особенность романа, Б. Дейч пользуется ею для того, чтобы, введя дополнительные суждения и вопросы от имени автора, добиться эквилинеарности:

Когда ж и где, в какой пусты- не,	When will you lose remembrance of them?
Безумец, их забудешь ты?	Where go, you madman, to forget?
Ах, ножки, ножки! где вы ны- не?	Ah, little feet, <i>how I did love them!</i>
	(I, 31)
А что ж Онегин? Кстати, братья!	And now what of Onegin? Truly
Терпенья вашего прошу:	<i>I fear, friends, lest your patience fail:</i>
Его вседневные занятия	His daily occupations duly
Я вам подробно опишу.	I shall, to pleasure you, detail.
	(IV, 36, 37)
Зизи, кристалл души моей,	Zizi, that asks to be embraced;
Предмет стихов моих невинных,	My soul's bright crystal, <i>what surpasses</i>

Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал.

*Your charm? My verses sang your
praise;
You made me drunk in other days.*
(V, 32)

5. К указанному выше приему примыкает другой — введение предложений, как бы предваряющих последующее повествование:

Но я не создан для блаженст-
ва...

*I must confess, though loath to hurt
you,
I was not born for happiness...*
(IV, 14)

Ах, новость, да какая!
Музыка будет полковая!

*His news sets girlish hearts to drumming:
A regimental band is coming!*
(V, 28)

Ей душно здесь ... она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселя-
нам...

*She stifles here... her heart is sore,
And turns to what is hers no more:
The country life, the rustic hovels.*
(VII, 53)

6. Переводчица вводит также элементы, обобщающие предшествующие стихотворные строки или комментирующие их:

Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед...

*Not so his calculating neighbour
Who thought our Eugene was a gull,
Another neighbour tapped his skull:
Why thus dispense with lawful labour?*
(II, 4)

Сегодня быть он обещал, —
Старушке Ленский отвечал, —
Да, видно, почта задержала.

*Something detained him. He intended
To come today, and without fail.
Perhaps what kept him was the mail.
Thus Lensky his good friend defended.*
(III, 36)

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.

*The pail is brought, the ice is clinking
Round old Moët or Veuve Clicquot;
This is what poets should be drinking.
And they delight to see it flow.*
(IV, 45)

7. Особенно часто Б. Дейч использует в своем переводе метод добавочной детализации, уточнения действия с помощью причастных и абсолютных конструкций:

Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваялся...

*One day when leading his battalion,
He fall from off his Kalmuck stallion...*
(VI, 5)

Плащи бросают два врага.

*Their gestures arguing decision,
The enemies their mantles doff.*
(VI, 29)

And wore, *her last defences down,*
A mob-cap and a wadded gown.
(II, 33)

Мне памятно другое время!
В заветных иногда мечтах
Держу я счастливое стремя...

With sighs I think, *bemused adorer*,
Aghast at time's swift slipping
 sands,
How once I held her stirrup for
 her...
 (I. 34)

Tatyana, *still an early riser,*
Found a white picture to surprise
her.
(V, 1)

He erred; for Eugene, *hardy sinner*,
Was sleeping, heedless of the clock.
(VI, 24)

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала...

But even then, *and more's the pity*,
Tatyana had no doll at all...
(II, 27)

The relatives — *and there are*
dozens —
 Are cordial to the country cousins...
 (VII, 44)

И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон,—

And Grandison, *who leaves us sleeping,*
The matchless bore — on these she
 mused.
 (III, 9)

And yet her trust he'd not belie,
He would not play the base deceiver.
 (IV, 11)

But from the ones we love and trust,
From our good friends, may Heaven
save us!
(IV, 18)

20

не очень строгим: далеко не всегда тот или иной прием выступает в «чистом виде», чаще всего он взаимодействует или дополняется другими. Очевидно, и не столь важно, чтобы их описание отличалось высокой строгостью.

Более важным представляется вопрос о том, насколько оправдано само расширение строфы за счет дополнительных элементов и насколько тот или иной прием согласуется с особенностями стиля переводимого автора.

Если мы признаем, что при поэтическом переводе необходимо максимально сохранить художественную форму оригинала (против этого едва ли кто-нибудь станет возражать), то мы должны согласиться и с тем, что литератор, желающий донести до английского читателя русские поэтические произведения, не может сделать это иначе, как путем введения элементов, которых нет в оригинале. Последнее особенно верно в отношении «Евгения Онегина» с его совершенной строфикой, являющейся одним из важнейших достоинств этого уникального шедевра.

Что же касается характера приемов расширения, то их репертуар и частота применения должны, прежде всего, зависеть от стиля переводимого произведения. Поэтому в высшей степени необходимо, чтобы переводу предшествовало тщательнейшее исследование стилистической структуры оригинала, выявление мельчайших и наиболее индивидуальных особенностей поэтического почерка автора, причем анализ должен вестись не только в качественном, но и в количественном отношении, ибо важно установить не только то, какими стилистическими средствами пользуется автор, но и то, каково количественное соотношение этих средств. Оправданными следует признать лишь те приемы расширения, которые не являются чуждыми для переводимого автора, и вводить их следует в пропорциях, которые не отличались бы сильно от доли этих приемов в оригинале.

Разумеется, вводимые переводчиками расширения, особенно те, которые располагаются в рамках предложения, влекут за собой известное расслабление поэтической фразы, но это неизбежное зло, и оно тем меньше, чем вернее уловлены стилистические нюансы подлинника и чем больше эти расширения согласованы с ними.

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЯ Э. А. ПО «ВОРОН»

Имя Эдгара Аллана По стало известно русским читателям в середине 40-х годов XIX в. К этому времени знакомство России с американской литературой было весьма ограниченным: из крупных писателей знали Ф. Купера, значительно меньше — В. Ирвинга. Причин недостаточной осведомленности русских читателей было немало, и среди них не последнюю роль играл «языковой барьер». Если литературные связи России с Францией были традиционными и прочными, то этого никак нельзя было сказать об отношениях с молодой американской литературой. Поэтому неудивительно, что первый русский перевод рассказа Эдгара По «Золотой жук» был сделан не с английского, а с французского языка. Он был опубликован в «Новой библиотеке для воспитания» в 1847 году, и В. Г. Белинский отметил его в рецензии¹.

Россия является второй страной (после Франции), которая познакомилась с произведениями Эдгара По еще при жизни писателя. С начала 1850-го года переводы рассказов Эдгара По, выполненные анонимными переводчиками, начинают часто печататься на страницах русских журналов. Многие издатели считали его новеллы приятным развлекательным «чтивом» и публиковали их в дешевых сериях «Дорожной библиотеки», «Чтения для детей и для народа» и даже в «Библиотеке ужаса» рядом с «кровавыми драмами» Андре де Лорда и рассказами С. Пшибышевского. Многогранность дарования Э. По давала возможность акцентировать внимание на отдельных специфических сторонах его творчества. Так, например, журнал «Ребус», который «специализировался» по вопросам спиритизма и оккультных наук, восторженно приветствовал в Эдгаре По своего единомышленника.

Естественно, что и переводы этого времени отвечали своему назначению: они были далеки от точности, в них подчеркивалась чисто внешняя, развлекательная сторона.

¹ В. Г. Б е л и н с к и й . Собр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1956, т. 10, с. 142.

исчезала психологическая глубина, отличавшая лучшие произведения Эдгара По. Таковы сухие, малохудожественные переводы, вошедшие в сборник «Необыкновенных рассказов Э. По» (Спб., 1885). В том же году В. Н. Маракуев издал в Москве книгу «Повестей, рассказов, критических этюдов и мыслей» Э. По, в переводе также анонимном, и, по довольно точным словам К. Бальмонта², «совершенно лишенном литературного значения благодаря его малограмотности». Разумеется, такие переводы были лишь «кривым зеркалом» подлинника. И, вероятно, на какое-то время Эдгару По грозила судьба стать в глазах русских читателей автором забавного «Золотого жука» и десятка замысловатых рассказов, если бы его произведения не привлекли внимания крупных русских писателей, в первую очередь Ф. М. Достоевского. Поместив в своем журнале «Время» три рассказа Эдгара По («Сердце-обличитель», «Черный кот» и «Черт в ратуше»), Достоевский написал небольшую статью о его новеллах, отмечая своеобразие фантазии американского писателя. Особое восхищение у Достоевского вызвала «проницательность» и «поражающая верность, с какою рассказывает он о состоянии души человека»³.

Из переводов этого времени выделяются своими художественными достоинствами работы писателя-демократа Н. Шелгунова, опубликованные в журнале «Дело» в 1874 году. Однако в целом переводы 1850—1870 годов передавали лишь фабульную сторону рассказов. Первые переводы стихотворений Эдгара По появились только в конце 70-х годов.

Неудивительно, что внимание переводчиков в первую очередь привлек знаменитый «Ворон»; они стремились передать на русском языке его удивительное своеобразие. Сложная форма стихотворения, двойные и тройные внутренние рифмы, аллитерации, повторы, подхваты — все это требовало от переводчика высокого художественного мастерства.

Первый перевод «Ворона» принадлежал С. А. Андреевскому и был опубликован в марте 1878 года в «Вестнике Европы». Практически, это не перевод, а пересказ стихотворения, сделанный четырехстопным ямбом:

Когда в угрюмый час ночной,
Однажды, бледный и больной,
Над грудой книг работал я,

² Эдгар По. Баллады и фантазии. М., 1895, с. XII

³ «Время», 1861, кн. 1, с. 230.

Поник я головой усталой...
За дверью стук раздался вдруг:
То, видно, путник запоздалый...
Но — тихо было все вокруг...

Менее чем через год вышел в свет перевод Л. Пальмина⁶, в котором отчетливо просматривается «кондратьевский» вариант; сохранены те же рифмы, лишь ямб заменен анапестом:

Раз в унылую полночь, в молчаньи немо
Над истлевшим старинного тома листком
Задремав, я поник головою усталой...
Слышу в дверь мою легкий и сдержанный стук:
Верно, в комнату просится гость запоздалый...
Нет, все тихо и немо вокруг...

«Теоретическое» обоснование необходимости изменения размера подлинника, данное Андреевским, оказалось настолько живучим, что и в переводе Л. Оболенского⁷ мы вновь встречаемся с четырехстопным ямбом:

Да, я один, ея уж нет.
Всю ночь не сплю! Мерцает свет
От лампы в комнате моей,
А я один, один, больной,
С моей гнетущею тоской...

Ответ ворона «Nevermore» Оболенский переводит как «Возврата нет!», совершенно снимая звуковую имитацию.

Существует и перевод «Ворона» в прозе, сделанный неизвестным переводчиком⁸. Перевод крайне далек от оригинала. Так, например, строки

“Though thy crest be shorn and shaven, thou,” I said,
“art sure no craven”

были переведены таким образом:

«Хотя твоя голова и без шлема, и без щита, но ты
все-таки не трус».

Во всех ранних переводах «Ворона» заметно стремление переводчиков «подогнать» его под привычные русские поэтические формы, в результате этого Эдгар По полностью теряет свою индивидуальность и выглядит бледным отражением то Лермонтова, то Апухтина или Надсона.

Положение значительно меняется к концу 80-х годов, когда в русской литературе складывается направление,

⁶ Л. И. П а л ь м и н. Собрание стихотворений. Изд. 2-е. М., 1881.

⁷ Л. Е. О б о л е н с к и й. Последние поэмы. СПб., 1888.

⁸ Эдгар По. Повести, рассказы, критические этюды и мысли. М., 1885.

получившее название символизма и объединившее на некоторое время весьма различных писателей и поэтов.

В Эдгаре По символисты видели своего предшественника. Так, К. Бальмонт в предисловии к «Балладам и фантазиям По» (1895) утверждал, что «Э. По — первый по значению и первый хронологически поэт-символист XIX в.». Русские символисты разделяли восторженное отношение к Эдгару По Бодлера, который был для них одним из «учителей». (Стихами Бодлера увлекались и Бальмонт, и Мережковский, и молодой Брюсов.) Символисты считали своим долгом продолжить дело, начатое Бодлером, — доказать, что Америка потеряла в Э. А. По великого поэта. С конца 1880 и до 1910-х годов — в период, совпадающий с расцветом русского символизма, — происходит настоящее знакомство русских читателей с творчеством Эдгара По. В переводах, сделанных символистами, усилен элемент субъективизма, подчеркивается момент ужасного, мрачного. В трагической судьбе американского поэта символистам слышался вызов силам, враждебным искусству.

Популярность Эдгара По в России в конце XIX — начале XX вв. не уступала его популярности во Франции. Об этом можно судить по количеству переводов. В 1911—1912 годы выходит собрание сочинений Эдгара По в 5-и томах в переводе К. Бальмонта, неоднократно переиздававшееся; в 1914 году — «Полное собрание сочинений Эдгара По» в 3-х томах в переводе М. А. Энгельгардта. Переводит стихотворения Эдгара По В. Брюсов, хотя полностью его переводы появились уже после революции — в 1924 году. Первым из символистов «Ворона» перевел Д. Мережковский⁹. По своим художественным достоинствам этот перевод был неизмеримо выше предыдущих. Мережковский впервые в переводе попытался передать размер и внутреннюю рифмовку подлинника:

Погруженный в скорбь немую,
и усталый, в ночь глухую,
Раз, когда поник в дремоте
я над книгой одного
Из забытых миром знаний,
книгой, полной обаяний, —
Стук разнесся, стук неожиданный.
в двери дома моего:
«Это путник постучался
в двери дома моего,
Только путник —
больше ничего».

⁹ Д. М е р е ж к о в с к и й. Символы. СПб., 1892

Однако художественные средства, которыми пользуется Мережковский, довольно ограничены. Некоторые слова введены явно ради рифмы. Есть и прямые добавления в духе Мережковского, имеющие мрачный символический смысл:

«Тот не жди себе отрады,
в чьем доме на бюст Паллады
Сядет Ворон над дверями;
от несчастья никуда, —
Тот, кто Ворона увидел,
не спасется никогда...».

Этой произвольной вставкой Мережковский нарушает постепенность нагнетания настроения, к которой стремился Эдгар По. Ведь, по замыслу поэта, стихотворение должно достичь максимальной напряженности лишь к 15-й строфе — только тогда слово *nevermore* приобретает свой злобный оттенок. Мережковский уничтожил этот эффект, сразу указав на символический характер птицы. Неоправданным кажется и перебой ритма в конце каждой строфы, которого нет в подлиннике.

В 1885 году появляются «Баллады и фантазии По» в переводе К. Бальмонта. Восприятие поэзии Эдгара По русскими читателями связано именно с переводом «Ворона» Бальмонта.

Вопрос о творчестве Бальмонта-переводчика довольно спорный. Следует признать, что его авторитет как переводчика настолько подорван, что подчас заранее возникает отрицательное отношение к его работам. Еще современники отмечали, что «Бальмонт слишком самовлюблен, чтобы вдавить себя в рамки миросозерцания переводимого автора»¹⁰. Известно и пристрастие Бальмонта к звучным и ярким словам. Однако несомненно то, что уровень бальмонтовских переводов Эдгара По был гораздо выше всех предыдущих. Он первый дал почувствовать филигранно-тонкую форму его стиха. Перевод «Ворона» удивительно удачен по красоте, силе и близости к подлиннику; сравнительно мало отступлений и ошибок, которыми так пестрят, например, бальмонтовские переводы Уитмена. Сохранены внутренние рифмы, аллитерации.

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, вдруг неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался — постучался в дверь ко мне.

¹⁰ Евг. Загорский и Юлий Словацкий. Бальмонт как его переводчик. М., 1910, с. 25.

Конечно, перевод не свободен от недостатков, вызванных большей частью своеобразием творческой манеры самого Бальмонта, неизбежно сказывавшейся во всех переводах, сделанных им — будь то Эдгар По, Шелли или Уитмен. Так, в переводе появляются характерные «бальмонтизмы»:

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени рыданья...
Лишь — «Ленора!» — прозвучало имя солнца моего...
Но о чем твердит зловещий этим черным «никогда»?
Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда...

Однако переводы стихотворений Эдгара По — несомненно, большая удача Бальмонта. Работа над ними была своеобразным испытанием и одновременно школой для молодого поэта. Возможно, что некоторые образы и приемы американского романтика нашли преломление в творчестве Бальмонта. До переводов Эдгара По Бальмонт выпустил лишь один сборник стихотворений¹¹, где только намечаются те художественные особенности, которые свойственны его зрелой поэзии. Так, ранний Бальмонт довольно редко использует повторы и, как правило, дает повтор всей фразы. Наиболее характерный пример — стихотворение «На валу»:

Я стою на высоком валу,
Предо мною сверкает река.
Вечер стелет свою полумглу,
Небо стелет свои облака.
Я стою на высоком валу
И дрожит в моем сердце тоска.

Второй сборник стихотворений Бальмонта «Под северным небом» выходит в свет в 1894 году. Именно в это время поэт работает над переводами Эдгара По; полностью «Баллады и фантазии» издаются в 1895 году, однако отдельные стихотворения были напечатаны в журналах ранее, в том числе и «Ворон»¹².

В это время особенно заметно изменение поэтической техники Бальмонта, на которую, как нам кажется, оказало влияние близкое знакомство с поэзией Эдгара По и работа над переводами его стихов. Так, появляется стихотворение «Фантазия», напоминающее «Ворона» в бальмонтовском переводе своим ритмом, использованием внутренних рифм, которые, заметим, полностью отсутствуют в предыдущем сборнике:

¹¹ См. К. Бальмонт. Стихотворения. Ярославль, 1890.

¹² «Артист», 1894, № 4.

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез...
Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье — точно искрится звезда.
Точно светлый дождь струится, — и деревьям что-то мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.

Сравним с «Вороном» в переводе Бальмонта:

Взор застыл во тьме стесненный, и стоял я изумленный,
Снам отдавшись недоступным на земле ни для кого,
Но как прежде ночь молчала, тьма душе не отвечала...

Напомним этот отрывок у Эдгара По:

Deep into that darkness peering, long I stood there wondering, fearing,
Doubting, dreaming dreams no mortal ever dared to dream before;
But the silence was unbroken, and the stillness gave no token...

Как видим, система образов в обоих стихотворениях имеет много общего, вплоть до прямых текстуальных совпадений. Сходно по общему настроению и по поэтической технике с «Вороном» и бальмонтовское стихотворение «Грусть».

Следует отметить, что в первых прозаических опытах Бальмонта чувствовалось увлечение «стихотворениями в прозе» Тургенева (см. «Разлука» Бальмонта). Однако проза второго сборника — «Под северным небом» напоминает притчи Эдгара По (ср.: «Сказка Ночи» Бальмонта — «Тишина» По).

Влияние поэзии Эдгара По на Бальмонта не ограничивается лишь техникой стиха. Вновь и вновь Бальмонт возвращается к темам американского поэта. Таков его цикл «Отсветы зари»¹³ с двумя эпитафиями из Эдгара По. Следы увлечения Бальмонта поэзией Эдгара По особенно заметны в сборнике 1894 года. В дальнейшем их становится меньше. Это объясняется, в основном, ростом художественного мастерства самого Бальмонта. Однако некоторые особенности техники стиха, свойственные сборнику 1894 года, прочно вошли в «художественный арсенал» Бальмонта (в том числе повторы и внутренние рифмы).

Отношение Брюсова к поэзии Э. По также представляет сложный вопрос. «Ворон» в переводе Брюсова появился в 1905 году, однако полностью брюсовские переводы изданы в 1924 году. К этому времени Брюсов был уже далек от символизма, следовательно, в стихотворениях Эдгара По его привлекали иные, чем Бальмонта, аспекты. Нельзя

¹³ См. К. Б а л ь м о н т. Горящие здания. М., 1900.

назвать эти переводы и «увлечением молодости», так как они сделаны уже сложившимся мастером и стали одной из последних работ поэта. Брюсов занимался переводами поэзии Эдгара По в то время, когда его волновали поиски формы для выражения нового содержания, нового отношения к миру. И поэтому закономерен его интерес к поэзии По, представляющей собой одно из высших достижений в области формы. Однако Эдгар По мог привлекать Брюсова и по другим причинам: американский поэт был одним из первых, разрушивших традиционно-романтическое представление о вдохновении, показав поэзию как мастерство. Этот взгляд, несомненно, был близок Брюсову. Заслуживает внимания и то, что Брюсова, как и Эдгара По, интересовали проблемы, внешне далекие от поэзии. Так, в циклах последних лет («В наши дни», «В мировом масштабе») целые стихотворения посвящены «колбам, тиглям, рефракторам, скальпелям». В статье «Научная поэзия» Брюсов обосновывает необходимость связи искусства и науки. В связи с этим нельзя не вспомнить о последней книге Эдгара По, которая привела в недоумение американских литераторов в 1848 г. Эдгар По назвал ее «Эврика. Поэма в прозе» и, по существу, она является образцом «научной поэзии», где поэт пытается решить загадку образования Вселенной, используя известные ему научные данные. Следовательно, мы можем говорить о некоторых общих направлениях мысли двух таких различных, на первый взгляд, поэтов. И вполне естественно, что в лице Брюсова поэзия Эдгара По нашла не только переводчика, но и страстного приверженца и пропагандиста.

Перевод Брюсова¹⁴ (им было сделано три варианта перевода «Ворона», последний в 1924 г.) долгое время считался лучшим. Действительно, он производит впечатление наибольшей текстовой близости к оригиналу. На наш взгляд, Брюсов даже излишне скрупулезен в своем стремлении сохранить в неприкосновенности текст, так появляются строки:

Но не всем благословенье было —
Ведать посещение
Птицы ...,

буквально передающие английский оборот:

No living human being
ever yet was blessed with seeing...

¹⁴ В. Брюсов. Избр. соч. в двух томах. М., Гослитиздат, 1955, т. 2, с. 124.

Дальше по «тропе ужасного» идти некуда, и переводчик спокойно отбрасывает этот тон:

Бодрость в сердце ощущая,
Ни минуты не теряя...

Сравним у Эдгара По:

Presently my soul grew stronger; hesitating then
no longer...

Эпитеты, которыми пользуется Уманец, порой банальны:

Тишина была немая,
Без ответа, гробовая.

Перевод буквально пестрит обилием ненужных вводных слов, просторечий, измышлений самого Уманца:

Я вернулся в мрак алькова...
Вся душа пылать готова...
И смущен я был при этом
Тем осмысленным ответом...

Те же недостатки, а некоторые и в большей степени, свойственны переводу В. Федорова, где встречаются в парадоксальном сочетании архаизмы и «новации» переводчика:

«Это гость, — пробормотал я, —
Постучался в мой затвор,
Запоздалый визитер...»

В результате у читателя возникает образ некоего мещанина, к которому кто-то из друзей заглянул «на огонек»:

Взяв себя немного в руки,
Крикнул я в ответ на стуки:
— О, пожалуйста, простите —
Я сейчас сниму затвор!
Задремал я ... рад ... приятно ...
Но стучались вы невнятно,
Было даже непонятно —
Непонятно: стук ли, вздор?
...Только как могло случиться
Языку вам обучиться,
И салонный разговор
Завязать, седлая бюсты?

Излишне говорить, что подобный тон совершенно чужд поэзии Эдгара По.

Вероятно, не стоило бы останавливаться на этих переводах, считая их просто казусами, если бы они не иллюстрировали основные ошибки, которые возможны при переводе

такого сложного поэта, как Эдгар По: легко впасть в патетико-мистический тон, подобно Мережковскому, или снизить его, низведя до вульгарно-бытовой лексики, как случилось у Федорова и Уманца. На фоне подобных попыток особенно очевидными становятся настоящие переводческие удачи, как, например, у Бальмонта, и, отчасти, у Брюсова.

Советская переводческая школа, унаследовав лучшие традиции русских переводчиков, внесла немало своих черт: ей свойственно бережное отношение к тексту и стремление максимально сохранить своеобразие подлинника. Именно эти качества присущи переводу «Ворона» М. Зенкевича¹⁸. По точности он не уступает брюсовскому, а по богатству оттенков явно превосходит его. Особенно много находок связано с использованием аллитераций и ассонансов, например:

Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
«Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость какой-то запоздалый у порога моего,
Гость — и больше ничего».

Последний из переводов «Ворона» появился в 1972 году¹⁹. В. Бетаки отказывается от традиционной передачи повтора *nevermore* как «никогда». Его новый вариант — «не вернуть» — дает возможность избежать трафаретных рифм, прочно вошедших во все переводы (*никогда — навсегда — года — тогда* и т. д.), и ввести новые, в том числе и глагольные рифмы:

И не вздрогнет, не взлетит он, все сидит он, все сидит он,
Словно демон в дреме мрачной, взгляд навек вонзив мне в грудь,
Свет от лампы вниз струится, тень от ворона ложится,
И в тени зловещей птицы суждено душе тонуть...
Никогда из мрака душу, осужденную тонуть,
Не вернуть, о, не вернуть!

Таким образом, на примере анализа переводов одного стихотворения мы видим, как развивалась переводческая мысль в разные эпохи; как изменялся подход к переводу поэтического текста. На первых порах преобладало стремление передать лишь содержание стихотворения, исполь-

¹⁸ См. Эдгар По. Избранное. М., Гослитиздат, 1959.

¹⁹ Эдгар По. Избранные произведения в 2-х т. М., «Худож. лит.», 1972.

зовав для этого готовые поэтические формы, привычные для русских читателей (переводы Андреевского, Оболенского и др.). Но, исказив форму, переводчики неминуемо меняли и содержание, обедняя и упрощая его.

Стремление видеть в Эдгаре По лишь «поэта смерти» привело к тому, что некоторые переводчики пытались искусственно создать в стихотворении «атмосферу ужаса» (пер. Уманца).

Попытки Мережковского дать «символический» план стихотворения в самом начале, произвольно вводя в перевод свои добавления, вели к искажению подлинника и не могли удовлетворить читателя. Лучшие переводы (Бальмонта, Зенкевича), приближаясь по ритму к подлиннику, сохраняют своеобразие художественной манеры Эдгара По. Однако скрупулезное следование тексту стихотворения может привести к известной натянутости в переводе (как это случилось у В. Брюсова). Требование сохранения музыкальности стиха является одним из основных при переводе стихотворений Эдгара По.

Публикация новых переводов свидетельствует о том большом интересе к творчеству Эдгара По, который существует в нашей стране. Новое поколение переводчиков — а вместе с ними и миллионы читателей — заново открывают для себя удивительного поэта — Эдгара Аллана По.

От редколлегии

Одновременно со статьей Е. К. Нестеровой в редакцию поступил новый перевод стихотворения Эдгара Аллана По «Ворон», выполненный Виктором Михайловичем Василенко. Редколлегия сборника видит в этом совпадении подтверждение мысли автора предыдущей статьи о неослабевающем внимании советских читателей и переводчиков к творчеству замечательного американского поэта. Мы надеемся, что эта публикация вызовет интерес как практиков и теоретиков перевода, так и широких кругов любителей поэзии.

Эдгар Аллан По

ВОРОН

Как-то полночью глубокой размышлял я одиноко
Над старинным фолиантом — над преданьем давних лет,
И охваченный дремотой, стук услышал, но отчета

Дать не мог: «стучится кто-то, увидав в окошке свет.
«Гость,— промолвил я,— стучится в дверь мою, завидев свет,—

Ничего другого нет!»

Вспоминаю все я снова. Это был декабрь суровый
И поленьев блеск багровый тускло падал на паркет.
Тщетно ждал зари рожденья, в книгах не найдя забвенья.
Я хотел забыть Линору — ранней молодости свет!
Ангелы зовут Линорой — деву, свет ушедших лет.
В мире имени ей нет!

Шорох шелковый, не резкий, алой, легкой занавески
Наполнял безмерно страхом, погружая в смутный бред!
Сердце бедное смирняя, все стоял я, повторяя:
«То, наверно, гость, блуждая, ищет дверь? Кто даст ответ?
Гость, доселе незнакомый, в дверь стучится? Где ответ?
Только он, другого нет!»

И душа окрепла сразу. Не колеблясь уж ни разу,
«Сэр,— я молвил, — или леди, извинения мне нет!
Засыпал я, вы не знали, слишком слабо вы вначале,
Слабо в дверь мою стучали. Но, услышав вас, в ответ
Двери распахнул широко, распахнул я их в ответ»: —
Только тьма, иного нет!

Окруженный мглою ночи, напрягал я тщетно очи,
Грезил. Грез таких доныне никогда не видел свет.
Недоступен мрак был взору. Из безмолвного простора
Слово лишь одно «Линора» долетело как привет.
Я ли прошептал «Линора»? Эхо ль донесло привет?
Ничего другого нет!

В комнату с душой горящей я вернулся, и стучащий
Звук раздался: был сильнее он, громче, и в ответ
Я промолвил: «Окон раму ветер трогает упрямо,
Посмотрю я и увижу, разгадаю я секрет.
Успокоюсь я немного и узнаю, в чем секрет?
Ветер это или нет?»

Ставню я раскрыл с усилием и, подняв высоко крылья,
В комнату вошел степенно Ворон, живший сотню лет.
Мне не оказав почтенья, он прошел без промедленья,
И на бюст Паллады сел он, тенью смутною одет,
Сел на бюст над самой дверью, сумраком полуодет.
Вверх взлетел, другого нет.

Важен был, собой доволен. Улыбнуться поневоле
Он заставил, хоть грустил я, утомлен чредою бед.
И ему сказал нестрого: «Ворон, севший у порога,
Ты оставил царство Ночи, прилетев сюда на свет.
Как ты звался у Плутона, прежде чем увидел свет?»
Каркнул он: «Возврата нет!»

Удивился я ответу, что я мог сказать на это?
Понимал я: в слове странном никакого смысла нет.
Человеку не случилось, до сих пор не доводилось
Видеть птицу, чтоб садилась в комнате, как вестник бед,
Птицу-зверя, здесь на бюсте и в жилище тенью бед,
С именем «Возврата нет!»

Одинок, печален был он, лишь одно произносил он!
Душу вкладывал всецело в каждый странный свой ответ.
Слова он не знал другого. Крылья он сложил сурово.
Я шепнул: «Друзья, надежды—все ушли, пропал и след,
Ну а ты сюда вернешься, лишь ко мне придет рассвет?»
Каркнул он: «Возврата нет!»

И хотя ответ был мрачен — удивительно удачен,
Я сказал: «Одно запомнил, что узнал он в доме бед.
У гонимого судьбою заучил он это слово.
Неудачи и невзгоды были спутниками лет.
И в печальные напевы смысл проник за много лет,
Горький смысл: «Возврата нет!»

Я невольно улыбнулся, и к нему я повернулся,
Кресло к двери пододвинул, где скрывался мой сосед.
Я на бархат опустился и в раздумье погрузился.
Спрашивал: зачем явился он, свидетель прошлых лет?
Что в пророчестве суровом он принес из мрака лет,
Каркая «Возврата нет»?

Погружен в свои догадки, на него смотрел украдкой,
И душе моей молчавшей страшен глаз его был свет.
Думал, к бархату склоненный, лампой ночи освещенный,
Никогда здесь озаренный не увижу силуэт,
Здесь на бархате ни разу не увижу силуэт:
Умершим возврата нет!

Мне почудилось дыханье ароматное, шуршанье
Ангельских шагов во мраке, на ковре их легкий след.
Я воскликнул: «Бог, наверно, посылает мне спасенье?

Получу я утешенье после стольких горьких лет?
Позабуду я Линору, спутницу минувших лет!»
Каркнул он — «Возврата нет!»

Я вскричал: «О, Ворон вещий! Ты, быть может, дух зловещий?
Занесен ты сатаною или бурей? Дай ответ!
В этой горестной пустыне, в доме, данном мне отныне,
Слышу ужас, но увидев Галаадских гор хребет,
Обрету ль бальзам желанный, где бессмертных гор хребет?»
Каркнул он: «Возврата нет!»

«Птица ты иль дух, не знаю! Но тебя я заклинаю
Господом, пред кем склонил я сердце, небом всех планет!
Мне ответь: Верну ли снова деvu райского простора,
Ту, кого зовут Линорой ангелы среди бесед?
Имя чье в садах Эдема в звуке ангельских бесед?»
Каркнул он: «Возврата нет!»

«Словом этим заклеенный, птица! Дьявол! В мир Плутона,
Закричал я,— в бурю возвратись, покинь наш свет!
Не оставь пера, однако, лжи своей безмерной знака,
Что сюда принес из мрака. Удались, сгинь, словно бред!
Вынь из сердца клюв — и радость обрету, забыв твой бред!»
Каркнул он: «Возврата нет!»

Черные не дрогнут перья. Он сидит, сидит над дверью,
На Палладе молчаливо, неизменный мой сосед.
И глазами между тем он все глядит, глядит, как демон:
И грозит как будто всем он! Тень ложится на паркет,
И душе моей из тени, что ложится на паркет,
В прежний мир — возврата нет!

В. В. Биbihин
(Москва)

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ РАЗНЫХ ПЕРЕВОДОВ ОДНОГО ТЕКСТА

Одним из способов *критики перевода* — дисциплины, без которой немыслимо совершенствование переводческой практики, — может быть сравнение переводов одного и того же произведения, в том числе — переводов на разные языки. Последнее помогает, и, лучше, пониманию оригинала: как это ни парадоксально, некоторые его возможнос-

ти раскрываются лишь в переводе. В порядке рискованной аналогии вспомним, что иллюстрации Кибрика к «Кола Брюньону» заставили Ромена Роллана, как он сам признавался, по-новому взглянуть на свое произведение. Не претендуя на полноту и систематичность, мы предлагаем здесь результаты сличения переводов «Романса об испанской жандармерии» Федерико Гарсиа Лорки из стихотворного сборника «Цыганский романсеро» (1924—1927). Поскольку у нас не было никакой возможности учесть десятки существующих переводов этого шедевра Лорки, справедливо считающегося одним из средоточий его творчества (Л. С. Осповат), мы взяли достаточно произвольно, помимо четырех опубликованных русских переложений В. Парнаха¹, К. Гусева², И. Тыняновой³ и А. Гелескула⁴, еще польский перевод Зофии Шлейен, чешский — Люмира Чиврного, румынский — Теодора Бальша, французский — Андре Беламиша и ранний немецкий перевод Энрике Бека⁵. Непосредственным поводом к сравнению послужило для нас увлекательное и запоминающееся чтение А. Гелескулом своих работ на вечере, посвященном испанскому поэту, и попутно высказанное переводчиком мнение, что лучшим стихотворным переводом будет тот, который всего далее отступит от переводимого текста.

Первым, что самым явственным образом обозначилось уже при поверхностном сравнении перечисленных работ, было отличие переводов на русский язык от всех остальных. Отличие проявляется во всем, начиная со стихотворного размера. Все зарубежные переводчики передают испанскую силлабику силлабикой же или силлабо-тоникой (напр., четырехстопным хореем). Все русские переводы, кроме нескольких отдельных стихов у Парнаха и Гусева, — тонические (дольник, с элементами ударника, паузника). Самое же главное в том, что если зарубежные переводы в разной мере стремятся к дословности, а иногда почти «буквальны» (Беламиш, Бальш), то русские допускают в сравнении с ними прямо-таки огромную степень самостоятельной инициативы переводчика.

¹ «Хрестоматия по зарубежной литературе XX в.». М., Учпедгиз, 1955.

² К. Гусев. Стихи. Воронеж, 1946.

³ Ф. Гарсиа Лорка. Избранная лирика. М., Гослитиздат, 1960.

⁴ Ф. Гарсиа Лорка. Лирика. М., «Худож. лит.», 1969.

⁵ „Metamorphose der Nelke“. Moderne spanische Lyrik. Spanisch und Deutsch. Leipzig, 1968.

По своей эстетической ценности рассматриваемые работы, как это естественно ожидать, легко распадаются на две неравные группы. Именно, большинство из них — это всем хорошо знакомые «легкие» переводы ознакомительного типа, явно не ставящие целей полноценного воспроизведения поэтической глубины оригинала. Таков, например, перевод К. Гусева. Это, конечно, не значит, что подобные переводы плохи, ошибочны или неудовлетворительны: они образуют особый «жанр», у которого свои незаменимые достоинства. Не выставляя на первый план личности и художественной манеры переводчика, они заставляют читателя думать, догадываться о звучании оригинала, самостоятельно дорисовывать и тем самым творить художественную картину, что при достаточной точности перевода позволяет читателю с воображением живо воспроизвести дух источника. Сравним информацию, извлекаемую в данном случае, с информацией, получаемой от аккуратного подстрочника. Известно, что при переводе поэзии самый нехудожественный, но точный подстрочник предпочитается художественному переложению. «Одежда» поэтической мысли всегда зависит от языковой ткани, но живая суть поэзии более свободна и может быть уловлена через немногие безыскусные намеки.

В наше время, однако, к переводу предъявляются весьма высокие требования, и работы указанного ознакомительного типа не могут нас интересовать. Мы останавливаемся поэтому только на тех, которые ставят перед собой серьезные художественные и культурные задачи, стремятся заново воссоздать на родном языке художественные черты оригинала, а тем самым более или менее сознательно способствуют тому, чтобы произведение порвало с той языковой средой, в которой оно зародилось, — ведь имея адекватный перевод, мы как бы вполне отвлекаемся от внешней формы оригинала и получаем его подлинное содержание уже в формах другого языка.

К таким высоким требованиям среди указанных переводов приближаются, на наш взгляд, в первую очередь работы А. Гелескула, И. Тыняновой и Э. Бека. Однако перевод И. Тыняновой содержит такое большое число стилистических, смысловых и образных замечаний (до 40% всего текста), что очень трудно обосновать художественную необходимость столь коренной переработки исходного текста. Так, в стихах 13—16 «Романса» у Гарсиа Лорки сказано примерно следующее: «Они (жандармы) проходят, если

хотят пройти, и таят в голове смутную астрономию неконкретных пистолетов»:

Pasan, si quieren pasar,
y ocultan en la cabeza
una vaga astronomía
de pistolas inconcretas.

У И. Тыняновой читаем:

Не видят ни звезд, ни неба,
рыщут, как волки, повсюду,
в глазах их зияют жерла
сеющих смерть орудий.

Трудно отрешиться от впечатления, что переделка здесь произвольна, и ее можно избежать. Разумеется, в переводе И. Тыняновой, как и во всех других, есть свои находки и удачи. Но когда из двух стихотворных переложений, одинаковых по своим художественным достоинствам, одно оказывается резко «непохожим» на оригинал, всякий увидит здесь не достоинство, а скорее недостаток. Кроме того, находки и удачи принадлежат здесь И. Тыняновой не как переводчику, а как поэту.

Нам остается поэтому для сравнения «Романс об испанской жандармерии» А. Гелескула (правда, тоже изобилующий всякого рода заменами) и опубликованная еще в 1938 году в Цюрихе (с тех пор были многочисленные переиздания) работа старейшего и известнейшего немецкого переводчика Лорки Энрике Бека⁶.

Начнем с размера. «Романс об испанской жандармерии» Лорки написан полиритмическим восьмисложником, в котором около 40% общего числа стихов (124) составляют хоренческие (напр., ¡ Oh ciudad de los gitanos! — «О цыганская столица!» — Парнах), около 30% — дактилические (напр., Cuando llegaba la noche, noche que noche noche — «Ночь опустилась несмело, черная ночь, чаровница» — Тынянова), около 20% — смешанный стих типа 1⁷ с ударением на 2-м, 5-м, и 7-м слогах (напр., Silencios de goma oscura y miedos de fina arena — «Песчаные смерчи страха [и] клейкую тьму молчанья» — Гелескул, с одним лишним сло-

⁶ Э. Бек пользовался, по-видимому, таким изданием «Романса» Лорки, где в 87-м стихе вместо *cabellos* — *волосы* ошибочно стояло *caballos* — *лошади*; отсюда его перевод этого места: *mit den Pferden* — *с лошадьми*. Интересно, однако, что по той или иной причине ту же ошибку делают все переводчики, перечисленные нами, кроме Т. Бальша и А. Гелескула.

⁷ Классификация размеров дается по Т. Наварро Томасу.

гом за счет «жи»), и, наконец, около 10% — смешанный стих типа 2 с ударением на 2-м, 4-м и 7-м слогах (La luna y la calabaza — «Сердца из лаковой кожи» — Гелескул). Немецкий переводчик взял за основу преобладающий у Лорки хореический восьмисложник; его четырехстопный хорей довольно точно передает силлабику испанского стиха. Что касается А. Гелескула, то теоретически он в большинстве случаев воспроизводит испанский восьмисложник с тем типом ударения, который в тексте Лорки занимает только около 20%; в ряде случаев Гелескул вводит элементы тактовика и паузника. Фактически же перевод Гелескула звучит в целом как чисто тонический и совершенно не напоминает испанскую силлабику. В плане субъективного ощущения ритм русского перевода поражает как навязчиво резкий, напряженный, кричащий, насыщенный рваными паузами. Приходится признать, что немецкий перевод по производимому его ритмикой впечатлению все же гораздо ближе к легкому и летучему ритмическому кружеву Лорки. Весьма интересна попытка Энрике Бека передать также и полиритмию оригинала другими средствами. А именно, он, во-первых, сокращает некоторые четверостишия до 3-х стихов или удлиняет до 5-и; во-вторых, он отказывается от рифмовки. В результате всего этого разбивается монотонность и создается желаемое ощущение неуловимого колышущегося движения в связанной единым размером строфе.

Могут спросить, почему Лорка для столь трагической, поистине душераздирающей темы, как поругание его родной Андалузии бездушными силами бесчеловечного «порядка», отвел спокойную традиционную форму романса с почти нейтральным в эмоциональном отношении размером, и не прав ли в связи с этим русский переводчик, «скорректировавший» поэта употреблением поистине вопиющего, предельно нервного ритма. Предпосылки для ответа на этот вопрос находим у самого Лорки. В письмах периода создания «Цыганского романсеро» он говорит, например, следующее: «Полтора месяца сочинял романс «Бьют цыгана», но зато... доволен. Романс встал на свое место. Кровь из горла цыгана уже не кровь... это эфир!... Я ненавижу орган, лиру и флейту. Люблю человеческий голос. Одиноким человеческий голос, нищий от любви и не связанный мертвящими формами. Этот голос должен отделиться от гармонии вещей и концерта природы и течь своей одинокой нотой. Поэзия — это особый мир. Надо закрыть двери, через которые она проникает в грубые уши и на развязные языки». Далее

Лорка говорит, что стремится получить «ровный свет, и любовь и мир в форме»⁸. Другими словами, выбор гармонической, мягкой, ненавязчивой формы отвечает его основным эстетическим установкам. Поэт как бы заставляет свою форму кричать тишиной и поражать гармонией. Та же мягкость, заставляющая, однако, чувствовать за собой упрямую силу жизни, и в построении образов у поэта.

В начале романа появляются просто черные лошади. Здесь все ясно и нет ничего необычного. Но во 2-м стихе с неожиданной отчетливостью обнаруживается, что у лошадей черные подковы. То обстоятельство, что подковы коней зачем-то выкрашены в черный цвет,— абсурдно и загадочно. В своей нелепости и мучительной непонятности оно также и страшно. О конниках ничего не сказано: видны лишь их «плащи», на которых «отсвечивают» пятна чернил и воска:

Los caballos negros son.
Las herraduras son negras.
Sobre las capas relucen
manchas de tinta y de cera.

Трудно представить себе что-либо более скучное и казенное, чем эти закапанные чернилами и воском плащи. Итак, мы узнаем, что на черных конях с черными подковами едут, очевидно, крайне неинтересные, казенные и пошлые существа. Энрике Бек, сокращая четверостишие до обрывистого трехстишия, переводит дословно, с точностью до корневого значения: «Черные лошади. Черные подковы. На плащах лоснятся пятна от чернил и воска»:

Schwarze Pferde. Schwarze Eisen.
Auf den Capas glänzen Flecken,
die von Tinte sind und Wachs.

У Гелескула кони не просто черны, но «черным-черны»; черные подковы превращаются в «черный шаг печатный»; появляется новый образ — «крылья», очевидно, развевающихся на ветру плащей; самые эти плащи названы «чернильными»:

Их кони черным-черны,
и черен их шаг печатный.
На крыльях плащей чернильных
блестят восковые пятна.

⁸ Ф. Гарсия Лорка. Об искусстве. М., «Искусство», 1971, с. 161—163.

Оставляя в стороне вопрос о реалистичности образа «чернильных плащей», обратим внимание на то, что корень «черн-» употреблен у Гелескула четырежды, тогда как у Лорки — только дважды (слово «чернила» в испанском языке образовано, как и в немецком, уже от другого корня). Интересно, что многие переводчики поддаются искушению подчеркнуть здесь этот образ черноты: так, польская переводчица З. Шлейен повторяет слово «черный» трижды, К. Гусев и И. Тынянова, как и А. Гелескул, — по четыре раза, наконец, В. Парнах даже пять раз! Все это заметно отражается на общем впечатлении. В целом, «черные-черные кони», «черный печатный шаг», развевающиеся на ветру крылья «чернильных плащей» создают у Гелескула даже некий достаточно возвышенный образ, совсем непохожий на сочетание гнетущего абсурда и пошлой обыденщины в замысле Лорки.

Дописывая картину едущих жандармов, Лорка деловито поясняет, что конники, пишущие при свете свечных огарков свои акты и протоколы, не умеют плакать, потому что у них головы из свинца; со своими душами «из лаковой кожи», по точному переводу Гелескула, они подъезжают к нам по проезжей части дороги. Они мертвенно-горбаты (*jorobados*) и сонно-замкнуты (*nocturnos*); там, где «веет их дух», устанавливаются «резиновые тишины» и «страхи из мелкого песка»:

Tienen, por eso no lloran,
de plomo las calaveras.
Con el alma de charol
vienen por la carretera.
Jorobados y nocturnos,
por donde animan ordenan
silencios de goma oscura
y miedos de fina arena.

«Они проезжают мимо, если хотят проехать мимо», то есть, как хочет, по-видимому, сказать Лорка, они по-жандармски отрезаны от окружающего: они заняты своим, а именно, засевшей в их головах «смутной астрономией неконкретных пистолетов»:

Pasan, si quieren pasar,
y ocultan en la cabeza
una vaga astronomía
de pistolas inconcretas.

Этот последний образ, как и всякий поэтический образ, можно, конечно, понимать по-разному: возможно, жандармы погружены в какие-то полусознательные расчеты, в

которых фигурирует пистолет; возможно, весь мир им представляется какой-то комбинацией из пистолетов и т. д. — художественный образ никогда не исчерпывается даже суммой своих толкований. И переводят не *свое понимание* или *свое впечатление* от текста, которое является всегда лишь одним из возможных прочтений его, а *строение образов* оригинала, его *внутреннюю форму*. Одно дело перевод, и совсем другое — пересказ впечатления, полученного переводчиком от оригинала.

Верный своему принципу дословности, Энрике Бек выбирает в немецком языке наиболее точные соответствия испанским словам и испанской фразе, интернациональные слова, где это возможно, переносит без изменения (*ordenar* — *ordnen*, *vaga* — *vage*). Следуя Лорке, он даже употребляет во множественном числе слово «тишина» (*Schweigen*) и «страх» (*Ängste*). Вместе с тем, такой перевод, сколько мы ни вчитываемся в него, не производит впечатления чего-то сырого и искусственного. Строением своей фразы Э. Бек передает спокойную и в то же время глубоко впечатляющую обстоятельность Лорки, который в упор бесстрашно разглядывает человека со свинцовым черепом и душой «из лаковой кожи». Удалась Э. Беку и трагическая наивность этой обстоятельности. «Череп их из свинца, потому они и не плачут. Их души из лака — с тем они и приехали сюда издали по мостовой... И таят в голове смутную звездную науку неочевидных пистолетов»:

Ihre Schädel sind aus Blei,
darum weinen sie auch nie.
Ihre Seelen sind aus Lack —
damit kommen auf der Straße
über Land sie hergeritten.
... und verheimlichen im Kopf
eine vage Sternenkunde
unersichtlichen Pistolen.

Употребляя вместо «астрономия» устарелое и торжественно-комическое *Sternenkunde* — «звездная наука», Э. Бек удачно передает юмор, скрытый у Лорки в строках о «смутной астрономии» и «неконкретных пистолетах». Один из недостатков Э. Бека — чрезмерная логизация синтаксиса (напр., во 2-й строфе), излишнее упорядочение и выравнивание изложения (3-я строфа).

А. Гелескул вводит во 2-й строфе резкий риторически-сатирический элемент:

Надежен свинцовый череп —
заплакать жандарм не может;

Столь полная подмена жанра и тона должна быть признана большой неудачей переводчика. Ведь у Лорки «свинцовый череп» жандармов — вовсе не риторическая фигура, долженствующая непосредственно вызывать гнев и возмущение читателя, а фольклорно-мифологический образ примерно того же порядка, как, например, железный палец Вия у Гоголя или фаршированная голова городничего у Салтыкова-Щедрина. Далее, вместо «душа» у Гелескула выступает «сердце», о котором сказано, что оно из «лаковой кожи», что точнее передает значение испанского слова *charol*, чем просто «лак» у Э. Бека. И этот образ «кожаного сердца» нельзя не признать странным. Мы говорим обычно о железных, ледяных, косматых, черствых, черных, но не кожаных сердцах. Кроме того, в отличие от Лорки у Гелескула появляются «ремни», которыми жандармы «затягивают» свои кожаные сердца. У нас такой образ невольно вызывает по ассоциации представление о протезах, о трагическом единоростве человека со своим увечьем и вызывает некое болезненно-сочувственное отношение к жандармам. Затем, вместо «сонно-замкнутых» у Гелескула жандармы «полночны», что мало понятно. Вместо «страхов из мелкого песка» у Гелескула выступают «песчаные смерчи страха», что заставляет думать о страхе как грозном ужасе (*ravor*), а не страхе как томительной и иссушающей тревоге, о которой и говорит Лорка (*miedo*). Вместо «проходят мимо, когда захотят пройти мимо» Гелескул переводит «от них никуда не деться», что, конечно, опять-таки драматизирует и романтизирует скрытый здесь образ тупого бездушия. Далее, у Гелескула жандармы, в противовес Лорке, «мчат», что перекликается с романтической картиной развевающихся крыльев их плащей у Гелескула же в 1-й строфе (у испанского поэта этих «крыльев» нет). Наконец, у Гелескула жандармы: «затая в глубинах тусклые зодиак призрачных карабинов». Поскольку непонятно, о каких «глубинах» жандармов может здесь идти речь, что значат «тусклые зодиак» (зодиак, как известно, есть воображаемая линия, на которой расположены фигуры созвездий) и почему карабины «призрачны», вся система предложенных переводчиком образов, несмотря на ее подчеркнутую эффектность и изысканность, все же менее заряжена возможностями смыслового взрыва, чем «смутная астрономия пистолетов», которая, по Лорке, занимает «головы» жандармов.

Дальнейший разбор лишь подкрепил бы те первые и очевидные выводы, которые напрашиваются уже сейчас. Мож-

но было бы продолжить и усиленное толкование произведения Лорки, опираясь на переводы; но это заинтересовало бы только литературоведа, а не теоретика перевода.

Мы видели, как решительно (хотя и менее, чем у И. Тыняновой) перевод Гелескула меняет ритмико-образно-стилистический строй оригинала. Однако, несмотря на столь большую переводческую свободу, он не только не достигает явных преимуществ над дословно-точным переводом Э. Бека, но даже, возможно, иногда художественно уступает ему. Это и естественно. Вообще свобода, которой пользуется художник, никогда не гарантирует ему творческой удачи; напротив, она скорее таит в себе опасности, если не преодолена самодисциплиной. Свободное отступление от оригинала и не обеспечивает высокого качества перевода, и не является вообще признаком хорошего перевода. И наоборот, предельная ритмическая, лексическая и синтаксическая близость к оригиналу сама по себе несколько не означает какой-то неполноценности перевода или некомпетентности его автора. Критерии художественного достоинства совсем в другом.

Выскажем и другое предположение. Наибольшим мыслимым недостатком перевода надо считать, по-видимому, не «буквальность» его, а передачу вместо внутренней формы оригинала — впечатлений и настроений, которые сложились у переводчика по поводу этой внутренней формы. Нам кажется, что именно здесь надо искать причину того, что при блеске и изысканности отдельных поэтических находок перевод Гелескула в целом рисует парадоксальным образом поистине романтическую картину жандармов как яркой, стремительной и вездесущей силы, что вполне опрокидывает замысел Лорки нарисовать их пошлость, сухую бездушность, тупость и убожество. Возможно, по сходной причине у Энрике Бека в целом поэтический рассказ неожиданно приобретает чуждую Лорке подчеркнутую логичность и упорядоченность.

III. ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

С. С. Кузьмин
(Москва)

СМЕХ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

(На примере фразеологизмов)

Переводчики (особенно устные) знают, что смех — дело серьезное. Когда после перевода остроумного высказывания аудитория не реагирует должным (ожидаемым!) образом, всем — и переводчику тоже — становится ясно, что коммуникация не состоялась. (Такой момент, признаться, не из самых приятных.)

Поскольку эффект смеха часто достигается различным применением в речи именно фразеологизмов, переводчик должен отчетливо представлять себе, в частности, разницу между фразеологизмом и метафорой, их природу и возможности.

Как правило, переводчик теоретически (и особенно в отношении фразеологизмов своего родного языка) воспринимает фразеологизм правильно, сознавая, что образ его с т е р т, что компоненты его не должны восприниматься как метафора¹, где каждое слово выступает отдельно, передавая свое прямое значение.

Так, К. И. Чуковский пришел к верному выводу о том, «что реалии пословиц почти никогда не ощущаются теми, кто применяет их в живом разговоре», что «было бы нелепо переводить буква в букву английскую пословицу «Нет песни — нет и ужина» (точнее, “No song, no supper” — С. К.), когда по-русски та же мысль выражается формулой более привычной для нашего уха: «Под лежащий камень вода не течет». «Выражения, — продолжает он, — образность которых ускользает от внимания говорящих и слушающих, я назвал бы невидимками. Это мнимые образы,

¹ В дальнейшем изложении под метафорой понимается переменное сочетание слов метафорического характера, совпадающее по образности с переводимым фразеологизмом.

лишенные плоти»². Несмотря на этот правильный вывод, он, тем не менее, предложил противоположное. «У Диккенса,— пишет К. И. Чуковский,— один персонаж говорит: «Если тебе суждено быть повешенным за кражу ягненка, почему бы тебе не украсть и овцу?» [вот она, гносеологическая причина ошибки: этот персонаж не говорит по-русски, он употребляет «мнимый образ», «невидимку», словом, английский фразеологизм “You may (might, etc.) as well (as soon) be hanged for a sheep as a lamb”]. К. И. Чуковский делает вывод, что якобы этот английский фразеологизм было бы ошибочно переводить русской пословицей «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», так как (пишет он) «в этом переводе не чувствуется ни остроумия...», ни «...юмористического тона, свойственного английскому фольклору»³. Между тем, в этом английском фразеологизме (если его рассматривать вне того конкретного юмористического контекста, что создан Ч. Диккенсом) «остроумие» носителем английского языка не чувствуется, так как образ стерт, ибо это — фразеологизм⁴, а не метафора. Если, например, взять иной контекст, то это положение станет совершенно очевидным и для носителя русского языка. Например:

“He cleaned out everything in the bank — about ninety thousand dollars in cash. Then he telephoned me and told me what he’d done; said that if I wanted to make good the ten thousand, I’d get the rest of the assets back; that if he was going to jail he’d *as soon be hung for a sheep as a lamb*... That’s the kind of cur he is.” (E. S. Gardner, *The Case of the Buried Clock*)

Сравните два перевода:

1. [и сообщил],... что если он попадет в тюрьму, то и в этом случае *двум смертям не бывать, а одной не миновать*...

2. [и сообщил],... что если он попадет в тюрьму, то *поскольку суждено быть повешенным за кражу ягненка, то почему бы ему не украсть и овцу*...

Мы видим, что ошибочным является именно второй перевод — перевод путем метафорического образа, который

² К. Чуковский. Высокое искусство, М., «Сов. писатель», 1968, с. 125—126.

³ Там же, с. 129.

⁴ В данной статье мы не рассматриваем такое особое явление, как неологизмы, находящиеся на промежуточной стадии развития (становления) от переменного словосочетания к устойчивому.

не только непривычен для нашего уха, но и может быть истолкован неверно, то есть читатель перевода может придать ему значение, неадекватное значению английского фразеологизма. Рассмотрим следующий пример: 'английский отрывок и два его перевода.

The next moment the master faced the school. Every eye sank under his gaze. There was that in it which smote even the innocent with fear. There was silence while one might count ten, the master was gathering his wrath.

Then he spoke:

"Who tore this book?"

There was not a sound. *One could have heard a pin drop.*
(M. Twain, *The Adventures of Tom Sawyer*)

...Наконец он спросил:

— Кто разорвал эту книгу?

Ни звука. *Можно было бы услышать, как упала булавка.* (Перевод К. Чуковского)

...Наконец он заговорил:

— Кто разорвал эту книгу?

Ни звука в ответ. *Можно было расслышать падение булавки.* (Перевод Н. Дарузес)

Корней Иванович, несомненно, понимал, что английский фразеологизм "One could have heard a pin drop" соответствует русскому «Можно было услышать (было слышно, и т. п.), как муха пролетит». Однако он все же решил перевести английский фразеологизм, сохранив образ подлинника, рассчитывая сделать так, чтобы русский ребенок, читая про английскую «булавку», вспомнил и родную «муху». Это Чуковскому удалось. Чтобы усилить такую ассоциацию и повысить уровень идиоматичности метафоры за счет ассоциируемого с ней русского фразеологизма, он, в частности, придает метафоре конструкцию русского фразеологизма: «как муха пролетит» → «как упала булавка».

Другие переводчики тоже стали переводить этот английский фразеологизм, сохраняя его образ. Однако перевод «Можно было расслышать падение булавки» не имеет конструкции русского фразеологизма, ассоциация с русским фразеологизмом для русского читателя поэтому затруднена, а п о н я т ь слова «Можно было расслышать падение булавки» вполне м о ж н о и буквально. Остается лишь отметить, что понимание метафоры по ассоциации с аналогичным фра-

зеологизм не только в принципе возможно, но это явление продуктивно используется журналистами. Так, например, русский читатель без труда понимает слова из газеты «они хотят *подбросить дров в костер* противоречий» по ассоциации с фразеологизмом «подлить масла в огонь».

Фразеологизм, образ которого в оригинале «стал» значимым в результате специального стилистического приема, переводчики передают обычно либо фразеологизмом, либо метафорой, что вполне возможно в этом случае, так как особая связь между словом и компонентом метафоры при игре слов способна до некоторой степени повышать уровень выразительности самой метафоры. Однако и здесь способ перевода фразеологизма метафорой остается малопродуктивным, так как, во-первых, переводчики не всегда переводят игру слов игрой слов, и, во-вторых, даже при передаче в переводе игры слов ее эффект в случае использования фразеологизма значительно выше, чем при переводе метафорой. Например:

The Archbishop. I prophesy now that you will **be hanged**... if you do not learn when to laugh and when to pray.

Bluebeard. My lord, I stand rebuked. I am sorry; I can say no more. But if you prophesy that I shall **be hanged**, I shall never be able to resist temptation because I shall always be telling myself that I *may as well be hanged for a sheep as a lamb*. (B. Shaw, *Saint Joan*, Sc. II).

1. Перевод метафорой:

Архиепископ. Я предсказываю, что тебя **повесят** ..., если не научишься понимать, когда следует смеяться, а когда — молиться.

Блюбирд. Ваше Преосвященство, я принимаю упрек. Приношу извинения и молчу. Однако, если вы предсказываете, что я буду **повешен**, соблазн одолеет меня, ибо я всегда буду говорить самому себе, что, *поскольку суждено мне быть повешенным* за ягненка, то почему бы не украсть и овцу.

2. Перевод фразеологизмом:

Архиепископ. Я предсказываю, что тебя ждет **смерть** на виселице..., если не научишься понимать, когда следует смеяться, а когда — молиться.

Блюбирд. Ваше Преосвященство, я принимаю упрек.

Приношу извинения и молчу. Однако, если вы предлагаете мне *смерть* на виселице, соблазн одолеет меня, ибо я стану говорить себе: *«двум смертям не бывать, а одной не миновать»*.

С точки зрения идиоматичности, перевод, следовательно, может быть 1) фразеологическим, 2) метафорическим или 3) неидиоматическим. Фразеологический перевод — это перевод с использованием фразеологизма (деформированного или недеформированного, одного или нескольких). Метафорический перевод есть перевод идиоматический, но без использования фразеологизма языка перевода. Главной характеристикой метафорического перевода является небуквальное понимание его образности рецептором.

Не всякое калькирование делает перевод метафорическим. Сделать из кальки метафору означает избежать буквализма. Так, есть ряд способов, с помощью которых переводчик может обеспечить небуквальное понимание метафоры читателем. Например, перевод романа Вальтера Скотта «Роб Рой» на русский язык, сделанный Н. Вольпин (М., ГИХЛ, 1952), предлагает читателю следующие метафорические переводы: (1) «коробейник всегда говорит о своем коробе» — с. 288, (2) «плох тот ветер, который никому не навевает добра» — с. 309, (3) «вереск загорелся» — с. 418. Небуквальное понимание 1-го и 2-го предложений рецептором достигается «ассоциацией по аналогии» с известными русскими фразеологизмами 1) «у кого что болит, тот о том и говорит», 2) «нет худа без добра». Небуквальное понимание 3-го перевода достигается сноской переводчика, с помощью которой он создает «ассоциацию по указанию». Вот отрывок из перевода и сноски переводчика:

Из-за этого отчасти и загорелся сейчас наш вереск*.

* Шотландская поговорка, соответствующая нашему русскому выражению «сыр-бор загорелся».

Неидиоматический перевод не имеет образности. Это полноправный вид перевода при условии, что он обоснован требованиями адекватности (но отнюдь не фактом, например, отсутствия в языке перевода фразеологизма со *сходным* образом). Вот пример обоснованного неидиоматического перевода:

They seated themselves,
and Linda Calhoun looked
at George Latty as though

Когда оба они сели, Линда
посмотрела на Джорджа, как
бы сигнализируя, чтобы он на-

signalling him to *break the ice*. Latty, however, sat looking straight ahead.

“Well?” Mason asked.
(E. S. Gardner, *The Case of the Amorous Aunt*)

чал говорить. Но Джордж продолжал сидеть, глядя прямо перед собой.

— Я слушаю вас, — сказал Мэсон.

С одной стороны, перевод английского фразеологизма “to break the ice”, характеризуемого разговорным стилем, с помощью и м е ю щ е г о с я в русском языке образного фразеологизма «разбить лед молчания», стиль которого является книжным, не был бы адекватным. С другой стороны, неидиоматический перевод «начал говорить» полностью соответствует разговорному стилю отрывка.

Выводы 1. При переводе образного устойчивого выражения (фразеологизма) мы должны **стремиться** к передаче в переводе его идиоматичности в полной мере, с тем чтобы обеспечить образное понимание перевода слушателем или читателем.

2. Метафора способна обеспечить лишь слабую степень (уровень) идиоматичности, поскольку ее образ является значимым.

3. Высокую степень идиоматичности может обеспечить (адекватный) фразеологизм языка перевода.

Применение фразеологизмов в переводе помогает переводчику выполнить свою задачу — сообщить рецептору не только предметно-логическое, но и эмоционально-оценочное содержание информации (эти вопросы перевода шире рамок данной статьи и в ней поэтому в полном объеме не рассматриваются). В частности, для того, чтобы «переводить смех — смехом, улыбку — улыбкой»⁵, переводчику, например, необходимо уметь строить в переводе необходимые комбинации (сочетания) эмоциональных оценок, которые могут содержаться (а) во фразеологизме и (б) в окружающем фразеологизм контексте. В связи с этим, переводчику необходимо знать, что по своим основным эмоциональным характеристикам фразеологизмы делятся на три группы: (1) положительные, (2) отрицательные и (3) двойственные. Исходным моментом такой классификации служат

⁵ К. Ч у к о в с к и й. Указ. соч., с. 61.

две возможные принципиальные реакции слушателя, которому адресован фразеологизм, а именно: (1) положительная (удовлетворение, согласие и т. п.) и (2) отрицательная (негодование, обида и т. п.). Так, рассматривая реакцию на эмоциональное воздействие фразеологизма в контексте исходного языка (в речи), можно видеть, что ряд фразеологизмов (**первая группа**) способны передавать закрепленные за ними только положительные обертоны (+): «родиться в сорочке», «быть семи пядей во лбу», «(действовать) плечом к плечу с кем-л.», «Для милого дружка и сережку из ушка» и др. Ряд фразеологизмов (**вторая группа**) передают закрепленные за ними только отрицательные обертоны (—): «дать от ворот поворот кому-л.», «погреть руки на чем-л.», «играть на руку кому-л.», «Черного кобеля не отмоешь добела» и др. И, наконец, ряд фразеологизмов (**третья группа**) обладают способностью в положительном контексте приобретать (под его влиянием) положительные обертоны, а в отрицательном контексте — отрицательные, то есть ведут себя «двойственно» (+ или —): «(действовать) рука об руку с кем-л.», «шагать в ногу с кем-л., чем-л.», «задавать тон чему-л. в чем-л.» и др.

1-й пример (только +):

Когда испанский народ вел гражданскую войну, многие лучшие сыны советского народа встали с ним *плечом к плечу* (+), сражались вместе с испанским народом. («Правда»)

When the Spanish people were fighting their civil war, many of the Soviet people's finest representatives joined them, fighting *shoulder to shoulder* with the Spanish people.

2-й пример (только —):

Объективно же они *играют на руку* (—) правым силам, поскольку помогают запутывать и без того сложную политическую обстановку... («Новое время»)

Objectively they *play into the hands* of the rightist forces since they help to confound the already confused political situation...

3-й пример (+ и —):

В борьбе за построение коммунизма в нашей стра-

The glorious workers of agriculture are marching *side*

не *рука об руку* (+) с героическим рабочим классом идут славные труженики сельского хозяйства. («Правда»)

by side with the heroic working class in the building of communism in our country.

Народы Африки видят, что страны-колонизаторы действовали и действуют *рука об руку* (—) против восставших. («Правда»)

The peoples of Africa see that the colonial powers continue to act *hand in glove* against the rebels.

Эти «способности» фразеологизмов могут быть использованы переводчиком при передаче смеха (улыбки) способом создания в переводе эмоционально-оценочного (I) и положительного или (II) негативного преувеличения. Смех, улыбка могут быть вызваны, кроме того, построением в переводе (III) игры слов (каламбура).

I. Эффект положительного преувеличения

Способ положительного преувеличения наиболее простой. Положительное преувеличение осуществляется при положительном или отрицательном контекстах. Достигаемый эффект, соответственно, — юмор или ирония.

Например, когда о глупом человеке, известном своей чрезвычайной тупостью, говорят, что он просто «семи пядей во лбу», это — и р о н и я, достигнутая с помощью фразеологизма, формально передающего **положительную** эмоциональную направленность и оценку (то есть положительные обертоны), но употребленного в **отрицательном** (негативном) контексте.

С другой стороны, если сказать, к примеру, о студентах первого курса института, что у них «денег куры не клюют», это, конечно, ю м о р. Здесь положительное преувеличение происходит при **положительной** эмоциональной оценке в контексте, то есть при положительном отношении говорящего к предмету высказывания.

II. Эффект негативного преувеличения

Негативное преувеличение строится на эмоциональном контрасте между фразеологизмом, передающим негативную оценку, и положительным контекстом, в котором этот

фразеологизм употреблен. Важно помнить, что эффект негативного преувеличения всегда положительный: это — юмор. Практически, негативное преувеличение налицо, когда автор, говоря о самом себе или о тех, кого любит или уважает, употребляет фразеологизм, передающий негативные обертоны. Пример:

Я хлопнул себя по лбу... Значит, Люба Красик — партизанская разведчица!... Понятно, Люба не могла предполагать, что мы не знали ее истинной роли, и [наше] предложение о [ее] сотрудничестве [с нами] восприняла как гестаповскую провокацию... Отсюда — и отказ... Недоразумение мы с соседом [соседним партизанским отрядом] вскоре уладили... Условились также, что Красик будет предупреждена — на время она переходит в мое распоряжение. «Чтобы опять не *получить от ворот поворот*», — рассмеялся я. (И. Колос, *Прыжок в темноту*)

Перевод:

...“So that we wouldn’t *get the brush-off* again,” I laughed.

Выводы: Мы видим определенную закономерность в том, что (а) для создания эффекта юмора и при положительном преувеличении в исходном языке применяют (и, следовательно, целесообразно применять в языке перевода!) фразеологизмы только первой группы (+); (б) что для создания эффекта юмора при положительном преувеличении применяют в исходном языке (и, следовательно, можно применять в языке перевода!) фразеологизмы как первой (+), так и третьей (+ или —) групп и что (в) для эффекта юмора при негативном преувеличении применяют (и нам следует применять в переводе!) фразеологизмы только второй группы (—).

III. Эффект игры слов

Игра слов, примененная в положительном контексте, может дать юмористический эффект, а в отрицательном контексте — эффект сарказма. (Гневный сарказм, как известно, смеха не вызывает. Остроумный сарказм может.)

Два примера игры слов в **положительном** контексте (и предлагаемые варианты перевода):

Я как-то сказал об одном преуспевающем докторе, что у того «*денег куры не клюют*», и был очень удивлен, когда ребенок, придя к этому доктору, спросил:

— Где же у тебя твои куры? (К. Чуковский *Высокое искусство*)

Where, I wondered, was she? Did she miss me? Was she *eating her heart out*? Probably she was home, *eating a hamburger*. (R. S. Prather, *Sampler*)

Рассмотрим теперь два примера сарказма — результат игры слов в **отрицательном** контексте.

Медников вскипел:

— ...Я виноват, что тюремная администрация не видит, что у нее *творится под носом?*..

— Нос и у вас, насколько я могу заметить, есть, — окрылся внезапно таганский штаб-офицер. (С. Мстиславский, *Грач — птица весенняя*)

Once I said about a rather affluent doctor that he was *rolling in money*. When we went to visit this doctor I was truly surprised to hear our child say to him: "I want to see you *rolling*." (Или: Once I said about a rather affluent doctor that he was always *loaded with money*. When we went to visit this doctor I was truly embarrassed to hear our child ask him: "Doctor, how do you get *loaded*?"')

И думал я: «Где она сейчас? Скучает ли по мне? *Скребет ли у нее на душе?* Скорее всего, она дома и *скребет* по тарелке, уплетая свою котлету».

Mednikov flared up:

"...So I'm to blame if the prison administration can't see what's going *under its nose*?"

"You, too, have *a nose*, as far as I can see," the governor interjected sharply. (Tr. by D. Skvirsky)

В этом примере задача переводчика облегчена тем, что выражению «под носом у кого-л.» в языке перевода соответствует абсолютный моноэквивалент "under one's nose". В следующем примере переводчик не может перевести выражение "to be *the apple of one's eye*" с помощью русского **относительного** эквивалента «(беречь) как *зеницу ока*». В таких случаях встает задача найти в языке перевода

фразеологизм, передающий значение и обертоны фразеологизма исходного языка, с тем чтобы на ином, «мнимом» образе строить игру слов.

She was inclined to think marriage was the bunk, and that her father was a fool for letting himself get roped into it, that she hated her stepmother, that her stepbrother was *the apple of Mrs Ashbury's eyes*, and that she thought *the apple* was full of worm-holes. (A. A. Fair, *Gold Comes in Bricks*)

Она была склонна думать, что брачные узы — бессмыслица, что отец сглупил, дав себя ими опутать, что сама она ненавидит мачеху, миссис Эшбери, которая *носит* со своим сыном, *как с писаной торбой*, и что *торба* эта гнилая.

В нашем переводе «торба» могла бы быть и «дырявой», если бы не одно обстоятельство, точнее, явление. Дело в том, что свободное слово в метафорическом контексте (являясь частью метафоры) способно ассоциироваться с теми фразеологизмами, в которых это слово является фразеологическим компонентом. Это ведет к «вспоминанию» читателем (слушателем) какого-либо определенного фразеологизма, что может губительным образом помешать адекватной коммуникации. Так, слово «дырявая», употребленное в отношении метафорической «торбы», может, например, привести на память фразеологизм «голова дырявая», и, следовательно, можно понять, что человек, о котором так говорится в переводе, — глупый, неразумный, с плохой памятью и т. п. Слово «гнилая», напротив, недвусмысленно указывает на то, что человек, о котором идет речь, — плохой, испорченный, то есть «full of worm-holes».

При этом, чем больше компонентов одного фразеологизма употреблено в составе образного свободного словосочетания, тем больше оснований для возникновения (нежелательной или желательной) фразеологической ассоциации. Два компонента могут обеспечить возникновение ассоциации надежно.

Пример преднамеренного создания фразеологической ассоциации, где слова «hot water» ассоциируются у рецептора с фразеологизмом «to get in hot water» («попасть в беду»):

It was around four o'clock when my phone rang and Elsie Brand said, "Bertha wants to know if you can come

in." I winked at Elsie, patted her shoulder as I walked by, went from my private office through the general offices and through the door marked: B. COOL — Private. Nicholas Baffin was sitting there looking as though he had been washed in hot water without starch. (A. A. Fair, *Widows Wear Weeds*)

Пример непреднамеренного (ошибочного) создания фразеологической ассоциации:

«В течение последних двух суток отмечается улучшение состояния больного: он стал самостоятельно протягивать ноги». (Из истории болезни) («Крокодил»)

Выводы: (1) Для создания эффекта сарказма переводчику требуется не только отрицательный контекст, но также отрицательный либо двойственный фразеологизм, на котором и строится игра слов. (2) Переводчик должен также иметь в виду возможность возникновения фразеологической ассоциации в метафорическом контексте перевода.

Н. П. Брылева
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОРЯДКЕ СЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В данной статье мы пытаемся, на основе сопоставления грамматических систем, обобщить некоторые переводческие решения, связанные с проблемой порядка слов в языках аналитического и синтетического строя, в частности английском и русском. Уже сам факт наличия каких-то закономерностей в процессе перевода независимо от жанра переводимого материала должен свидетельствовать о том, что любой перевод во многом определяется отношением между исходным языком и языком перевода, и свобода выбора порядка слов в известной мере ограничена.

Сопоставительный анализ порядка слов проводился на уровне предложения. Мы брали повествовательные предложения определенных типов и рассматривали закономерности их перевода с английского языка на русский и порядок расположения компонентов предложения при переходе от одного языка к другому.

В связи с тем, что основные функции словопорядка в этих языках различны, было использовано понятие смысловой структуры, на основе которой, на наш взгляд, можно проводить сравнительный анализ. Была сделана попытка выявить некоторые закономерности в структуре предложения при замене одного плана выражения другим на базе семантического расположения элементов предложения. Этот словопорядок (за исключением особых случаев) должен оставаться неизменным при переходе от одного языка к другому, так как неизменность плана содержания является основным существенным моментом в процессе перевода. Семантический словопорядок выражает отношения между смысловыми группами, составляющими ткань содержания. Взаиморасположение этих смысловых групп диктуется принципами актуального членения.

В связи с наличием множества трактовок учения об актуальном членении представляется необходимым уточнить некоторые существенные для статьи вопросы. Прежде всего это касается терминов. До сих пор не установлены единообразные термины для обозначения компонентов актуального членения. Нет смысла обсуждать преимущества одних терминов перед другими, так как на практике они употребляются без существенных различий. Мы будем пользоваться терминами «тема» и «рема». За этими терминами могут стоять как отдельные слова, так и целые группы слов, то есть та или иная часть фразы может относиться к составу темы или к составу ремы.

Необходимо, однако, сказать о том, что отнесение той или иной части фразы к составу темы или составу ремы производится, как правило, интуитивно. Несмотря на существование определенного набора средств, которые сигнализируют тематичность и рематичность слова или групп слов, такой анализ нередко оставляет возможность и иной интерпретации.

В диссертации Л. А. Черняховской¹ состав темы и ремы определялся экспериментально, с помощью двух аудиторов — носителей английского языка. Расхождения в определении темы и ремы составили 0,4%. В результате этого анализа автором был сделан важный вывод о том, что в английском языке в большинстве случаев тема предшествует

¹ Л. А. Черняховская. Перестройка речевой структуры для передачи компонентов смыслового членения высказывания при переводе с русского языка на английский. Канд. дисс. М., 1971.

реме, и все высказывание строится по нарастающей гамме (НГ) коммуникативной нагрузки.

Как утверждает «Грамматика современного русского литературного языка»,² такое же расположение компонентов актуального членения характерно и для русского языка.

Однако, как отмечает Л. А. Черняховская, в английском языке существует определенное число предложений, в которых наблюдается отклонение от НГ (6,1 %, по результатам исследований). Это отклонение носит характер строгой закономерности и является постоянным структурным признаком актуального членения. Оно заключается в том, что «рематический пик», имеющий реализацию подлежащего, находится в начале предложения.

Необходимо отметить, что, сравнительно с русским языком, в грамматиках английского языка уделяется значительно меньше внимания вопросам соотношения грамматического и актуального членения. Причиной этого, очевидно, является большая грамматическая нагрузка порядка слов, который, как известно, играет существенную роль в оформлении актуального членения. Однако, на наш взгляд, здесь следует говорить не о незначительной роли семантического словопорядка, а о такой организации предложения в английском языке, при которой грамматический материал не оказывал бы «сопротивления актуальному членению». Эта мысль находит подтверждение в работе В. Матезиуса³, который отметил в английском языке тенденцию к построению таких повествовательных предложений, грамматическое подлежащее в которых являлось бы одновременно и основой высказывания.

При анализе мы исходим из принципа бинарности актуального членения, то есть в состав ремы, как и в состав темы, может включаться *n*-ое количество слов. При этом в составе ремы должен находиться коммуникативный центр — основная единица актуального членения. Мы присоединяемся к мнению О. А. Лаптевой⁴, которая считает, что «релевантным для единицы актуального членения оказывается только один признак — относительная степень коммуникативной (информативной) нагрузки», в соответ-

² «Грамматика современного русского литературного языка». М., Изд-во АН СССР, 1970, с. 596.

³ В. М а т е з и у с. Основная функция порядка слов в чешском языке. «Пражский лингвистический кружок», М., «Прогресс», 1967.

⁴ О.А. Л а п т е в а. Нерешенные вопросы актуального членения. «Вопросы языкознания», 1972, № 2.

ствии с которой и выделяется этот коммуникативный центр. Количество таких центров в высказывании может быть от одного до п. Естественно, субъективный момент здесь также полностью не исключается. Однако ограничение рамок анализа сравнительно короткими и несложными предложениями в некоторой степени облегчает нашу задачу.

Для анализа были взяты так называемые ядерные типы предложений, а также некоторое количество предложений, распространенных обстоятельством. В результате система моделей анализируемых предложений выглядит следующим образом:

$$\begin{array}{ll} \text{П} + \text{С} & \text{П} + \text{С} + \text{Д} + \text{О} \\ \text{П} + \text{С} + \text{Д} & \text{О} + \text{П} + \text{С} \\ \text{П} + \text{С} + \text{О} & \text{О} + \text{П} + \text{С} + \text{Д} \end{array}$$

Сравнение структуры именно таких предложений представляется нам наиболее целесообразным для того, чтобы выявить какие-то закономерности при переводе с английского языка на русский, ибо простота организации этих предложений максимально исключает воздействие грамматических факторов на порядок слов.

При сравнительном анализе во внимание принимались только так называемые обстоятельства внешних отношений⁵, выражающие различные условия протекания какого-либо процесса. В отличие от них обстоятельства внутренних признаков, а также различного рода определения могут рассматриваться как компоненты глагольных и именных сочетаний. Мы сочли неправомерным проводить сравнительный анализ порядка расположения определений и обстоятельств внутренних признаков на основе актуального членения, так как они не выделяются как синтаксические компоненты на уровне предложения. Здесь, на наш взгляд, необходимо воспользоваться принципом «категориальной однородности»⁶, под которым имеется в виду тесная связь двух членов предложения, проявляющаяся в том, что между ними не могут быть вставлены другие слова, а также в том, что при перемещении одного из этих членов предложения перемещается и другой (за исключением немногочисленных, стилистически обусловленных случаев).

Было проанализировано 800 примеров вышеуказанного характера, взятых из художественной (400) и научной (400)

⁵ Термины взяты из «Грамматики английского языка» Л. С. Бархударова, Д. А. Штелинга.

⁶ Термин взят из статьи В. Матезиуса «Основная функция порядка слов в чешском языке».

литературы. Примеры, в которых наблюдались синтаксические и морфологические изменения при переводе, а также изменения, касающиеся количественного состава компонентов предложения, были исключены из сравнительного анализа. Относительно общего числа (800) они составили примерно 100 (из них примерно 65 из художественной литературы). Ниже будет указано на некоторые причины, вызывающие изменения такого характера.

Остальные примеры (700) были подвергнуты первоначально семантическому анализу, что позволило выделить две основные группы. Первую группу составили примеры, в которых тема высказывания предшествует реме, и все высказывание строится по НГ коммуникативной нагрузки. На примеры группы I пришлось 90% всех проанализированных предложений. Вторую группу составили предложения, в которых наблюдается отклонение от НГ; рематический пик — подлежащее открывает высказывание. На примеры группы II пришлось 10% всех предложений. Анализ порядка слов английских и русских предложений проводился в соответствии с этими двумя группами.

Сравнительный анализ примеров группы I позволил выделить следующие подгруппы:

IA — прямые соответствия;

IB — изменение порядка следования второстепенных членов предложения (обстоятельств внешних признаков, дополнений).

В подгруппу IA вошли следующие типы предложений:

П + С	П + С + Д + О
П + С + Д	О + П + С
П + С + О	О + П + С + Д

Как можно видеть, прямые соответствия наблюдаются не только среди так называемых ядерных типов предложений, но и среди предложений, которые не относятся к числу ядерных.

Сравнительный анализ предложений типа П + С показывает, что в русском языке, также как и в английском, деление по непосредственно составляющим (НС) на подлежащее и сказуемое совпадает с последовательностью тема — рема.

1. Man is in a system. He plans, he builds, he operates, he controls. (M. K. Starr, *Production Management*)

Человек всегда находится в определенной системе. Он планирует, строит, управляет, контролирует.

2. The key was to room 224 of the O'Hagan Inn.
(A. Haily, *Airport*)

Ключ был от комнаты 224 в гостинице «О' Хейген».

Можно сказать, что прямые соответствия в предложениях этого типа имеют место в случаях совпадения грамматического и актуального членения. Не происходит никаких перестроек, связанных с изменением порядка слов, поскольку и в русском языке в такого рода предложениях слова располагаются по НГ, и тема должна предшествовать реме.

Анализ предложений типа П + С + Д показывает, что прямые соответствия имеют место в подавляющем большинстве случаев, независимо от того, приходится ли коммуникативный центр на глагол-сказуемое или на дополнение.

1. It is now or not at all. I will continue for ever, now, until I get him. This is the exertion. The effort. He made the effort. (J. Aldridge, *The Sea Eagle*)

Сейчас — или все пропало. Не останавливаться, не останавливаться, пока не доберусь до него. Еще усилие. Еще напряжение, последнее... Он совершил это усилие.

2. Each situation requires different behaviours and types of production decisions. (M. K. Starr, *Production Management*)

Каждая из этих ситуаций требует различного поведения и различного рода производственных решений.

При переводе английских предложений типа П + С + О прямые соответствия наблюдаются обычно в том случае, когда коммуникативный центр приходится на обстоятельство-распространитель.

1. The burst went over Burke's head. (J. Aldridge, *The Sea Eagle*)

Пули пролетели над головой Берка.

2. Safety problems for workers arise mainly in the production area. (M. K. Starr, *Production Management*)

Проблемы безопасности для работников возникают, главным образом, в производственных помещениях.

Результаты анализа предложений типа П + С + Д + + О показывают, что прямые соответствия обычно имеют

место в том случае, когда коммуникативный центр приходится на обстоятельство.

1. Nisus took them in a definite direction. (J. Aldridge, *The Sea Eagle*)

Нис вел их по определенному направлению.

2. Management exercises operating control over the production system in two different ways. (M. K. Starr, *Production Management*)

Руководство осуществляет оперативное регулирование производственной системы двумя путями.

Место прямого дополнения определяется правилами, указанными для предложений типа П + С + Д, а так как в них наблюдается большой процент прямых соответствий, то наличие дополнения лишь в незначительной степени повлияло на результаты анализа.

Для предложений последних двух типов важным является тот факт, что обстоятельство не меняет места в предложении, если на него приходится коммуникативный центр.

Сравнительный анализ примеров типа О + П + С показывает, что прямые соответствия, как правило, имеют место во всех предложениях. Коммуникативный центр при этом приходится на глагол-сказуемое.

1. But, lately, roles had changed. (A. Haily, *Airport*)

Но в последнее время роли переменялись.

2. Of major importance is the sensitivity of this estimate. In our example the sensitivity is low. (M. K. Starr, *Production Management*)

Первостепенное значение имеет «чувствительность» этой оценки. В рассматриваемом примере чувствительность низка.

Результаты анализа предложений типа О + П + С + Д показывают, также как и в предыдущем случае, что на прямые соответствия приходится подавляющее большинство примеров, за исключением небольшого числа случаев, когда месторасположение дополнения меняет порядок следования элементов предложения. Коммуникативный центр в этом

случае приходится на глагол-сказуемое или на дополнение.

1. Six months later, John F. Kennedy made his fateful Texas journey. (A. Haily, *Airport*)

А через полгода Джон Ф. Кеннеди отправился в свое роковое путешествие в Техас.

2. In the early 1900's Henry Ford introduced the moving assembly line. (M. K. Starr, *Production Management*)

В начале текущего столетия Генри Форд ввел сборочный конвейер.

В подгруппу IV вошли следующие типы предложений:

$$\begin{array}{l} \text{П} + \text{С} + \text{Д} \\ \text{П} + \text{С} + \text{О} \\ \text{П} + \text{С} + \text{Д} + \text{О} \end{array}$$

Анализ предложений типа $\text{П} + \text{С} + \text{Д}$ показывает, что перенос дополнения в местоположение перед глаголом-сказуемым или в начальную позицию перед подлежащим при сохранении прямого порядка слов наблюдается в незначительной части высказываний. Это, естественно, имеет место лишь в тех случаях, когда коммуникативный центр приходится на глагол-сказуемое.

1. It was early for that. (J. Aldridge, *The Sea Eagle*)

Для этого еще было рано.

2. "But I like Trans America best." (A. Haily, *Airport*)

«Но «Транс-Америка» нравится мне больше других».

Несмотря на изменение положения дополнения, состав подлежащего и сказуемого по-прежнему совпадает с составом темы и ремы. Наличие этих примеров очевидно связано с большей ролью порядка слов в русском языке при оформлении актуального членения.

Результаты анализа предложений типа $\text{П} + \text{С} + \text{О}$ показывают, что перенос обстоятельства в положение перед глаголом-сказуемым или в начало предложения происходит в тех случаях, когда на него не приходится коммуникативный центр.

1. Nisus became angry at such moments. (J. Aldridge, *The Sea Eagle*)

Нис в такие минуты становился грозен.

2. The word strategy was exclusively a military term at one time. (M. K. Starr, *Production Management*)

В свое время слово «стратегия» было исключительно военным термином.

Анализ предложений типа П + С + Д + О показывает также, как и в предыдущем случае, что изменение позиции обстоятельства происходит тогда, когда оно не является коммуникативным центром.

1. He saw Nisus there at the same moment. (J. Aldridge, *The Sea Eagle*)

В ту же минуту он увидел Ниса.

2. We shall re-examine this problem at that time. (M. K. Starr, *Production Management*)

Тогда мы еще раз вернемся к этой задаче.

В группу II входят все вышеперечисленные типы предложений. Однако мы не сочли целесообразным проводить анализ в соответствии с типами предложений в связи с тем, что главным в данном случае является изменение позиции подлежащего, а не второстепенных членов предложения. Результаты анализа показали, что перевод предложений группы II на русский язык во всех случаях был связан с изменением словопорядка. Как было сказано выше, в английских предложениях этого типа не соблюдается принцип НГ. В результате этого в русском переводе происходит перемещение подлежащего в конец предложения для расположения компонентов смысловой структуры по НГ.

1. A waitress came to their table. (A. Haily, *Airport*)

К их столику подошла официантка.

2. A large group of operation specialists developed. (M. K. Starr, *Production Management*)

Появилась многочисленная группа специалистов по анализу технологических операций.

Предложения такого типа подвергнуты подробному анализу в диссертации Л. А. Черняховской в плане перевода с русского языка на английский. А. Л. Пумпянский в своей статье⁷ также пишет о предложениях с так называемым «третьим» порядком слов — «сильное подлежащее + сказуемое». Однако у этих авторов нет упоминания о том,

⁷ А. Л. П у м п я н с к и й. О логико-грамматическом членении предложений. «Вопросы языкознания», 1972, № 2.

что эти предложения необязательно начинаются с так называемого «сильного подлежащего». Как показывают результаты анализа, в начале предложения может стоять и обстоятельство внешних отношений.

1. In the main passenger terminal, chaos predominated.
(A. Haily, *Airport*)

В здании аэровокзала царил хаос.

2. In practice, greater detail would be essential.
(M. K. Starr, *Production Management*)

На практике потребуется большая детализация.

Что касается расположения обстоятельств внутренних признаков и определений, то здесь, как мы уже указывали выше, необходимо обратиться к принципу категориальной однородности. По всей вероятности, этот принцип одинаков в английском и русском языках при выражении связи между большинством определений и существительными. Поэтому при переводе с английского на русский не наблюдается изменений порядка следования определения и существительного.

Этого, однако, нельзя сказать о связи между глаголом-сказуемым и обстоятельствами внутренних признаков. В английском языке в отличие от русского обстоятельства внутренних признаков, в зависимости от типа, характеризуются строго фиксированным местом по отношению к глаголу-сказуемому. Как показывают результаты анализа, если обстоятельство внутренних признаков не является коммуникативным центром, при переводе на русский оно может переместиться в положение перед глаголом-сказуемым или в начало предложения. В том случае, если оно является коммуникативным центром, оно обычно перемещается в позицию перед глаголом-сказуемым.

1. He was thinking suddenly about tall Read.
(J. Aldridge, *The Sea Eagle*)

И вдруг он подумал о высоком Риде.

2. Nisus shook his head slowly. (Ib.)

Нис медленно покачал головой.

Мы позволим себе не согласиться с А. Л. Пумпянским, который полагает, что только «постпозиция наречия в русском языке дает при логико-грамматическом членении предложения другую логико-грамматическую формулу. Ср.: 1) Эти вещества быстро реагируют. 2) Эти вещества реа-

гируют быстро». Автор считает, что «сильное» обстоятельство (то есть обстоятельство, на которое приходится коммуникативный центр) при переводе на русский язык должно оставаться в постпозиции к глаголу. Однако результаты анализа свидетельствуют о том, что такое «сильное» обстоятельство при переводе очень часто располагается перед глаголом-сказуемым.

1. Most individuals attempt to schedule their appointments intelligently. (M. K. Starr, *Production Management*)

Многие лица пытаются разумно составить календарные планы своих деловых свиданий.

2. No, I won't be downtown. We need that runway badly. (A. Haily, *Airport*)

Нам позарез нужна эта полоса.

100 примеров из 800 не были включены ни в одну из подвергнутых сравнительному анализу групп. Как уже указывалось выше, перевод этих предложений был связан с перестройками, касающимися качественного и количественного состава предложений. Для того, чтобы сделать сколько-нибудь системные обобщения предложений такого рода, необходимо применить также трансформационный метод и метод компонентного анализа.

Однако даже поверхностные наблюдения над этими примерами говорят о том, что перестройки происходят, в основном, по двум направлениям. С одной стороны, это касается употребления определений в английском языке. Здесь имеется в виду не только возможность употребления большого количества определений перед существительными, но и в некоторых случаях специфический характер этих определений. При переводе на русский язык в данном случае используются причастные и деепричастные обороты, подчинительная и даже сочинительная связь.

1. The small groups took to the more isolated bare mountains of Crete. (J. Aldridge, *The Sea Eagle*)

Мелкие группы уходили в ту часть острова, где горы дики и почти пустынные.

2. Burke was carrying the wet and dripping pigskin of water. (Ib.)

Берк нес бурдюк, с которого капала вода.

С другой стороны, перевод определенного количества предложений был связан с грамматическими трансформа-

циями — заменой английского подлежащего русским обстоятельством или дополнением. При этом в некоторых случаях имело место изменение структурного типа предложения — английское личное предложение менялось на русское безличное или неопределенно-личное.

1. Many industrial organizations interpret the organization chart in a literal sense. (M. K. Starr, *Production Management*)

Во многих промышленных организациях схемы организационной структуры понимают буквально.

2. Figure 2.3. demonstrates this case. (Ib.)

На рис. 2.3. показан этот случай.

Большую часть составили примеры с подлежащим — неодушевленным существительным. Мы присоединяемся к мнению М. А. Аполловой, которая объясняет употребление существительных, не обозначающих деятеля, с глаголами действия «стремлением сделать безличную по смыслу конструкцию грамматически личной»⁸. Однако здесь трудно говорить о каких-либо закономерностях как в отношении изменений, которым подвергается подлежащее, так и в отношении порядка слов, основываясь лишь на понятии актуального членения. Можно лишь еще раз подчеркнуть, что такие предложения являются подтверждением мысли В. Матезиуса о том, что в английском языке подлежащее используется для выражения темы, поскольку основная позиция подлежащего — начальная.

Таким образом, сравнительный анализ на уровне предложения позволяет нам говорить о наличии определенных закономерностей в словопорядке в некоторых типах предложений при переводе с английского языка на русский. Это касается как научно-технической, так и художественной литературы, несмотря на то, что при переводе художественной литературы было выявлено большее количество примеров, не поддающихся строгой регламентации.

Мы попытались исключить из рассмотрения субъективные моменты, сосредоточив внимание на объективных закономерностях, что позволило нам сделать следующие выводы:

1. В подавляющем большинстве примеров (630 из 700) не наблюдается никаких изменений, связанных с порядком

⁸ М. А. А п о л л о в а. О системном подходе к языку. «Тетради переводчика», вып. 10, М., «Международные отношения», 1973.

следования подлежащего и глагола-сказуемого. Решающим фактором в этом случае, на наш взгляд, является совпадение состава подлежащего и сказуемого с составом темы и ремы как в английском, так и в русском языках.

2. Результаты анализа свидетельствуют о том, что процент прямых соответствий среди вышеуказанных типов предложений довольно высок (450 примеров из 700).

3. 180 примеров, таким образом, приходится на предложения, в которых имеют место изменения, касающиеся позиции обстоятельства и дополнения. Как правило, порядок следования этих членов предложения меняется лишь тогда, когда они не являются коммуникативными центрами в составе ремы.

4. Во всех случаях, когда состав подлежащего и сказуемого не совпадает с составом темы и ремы, при переводе с английского языка на русский происходит перестройка порядка слов, связанная с изменением места подлежащего и сказуемого (70). Несмотря на тот факт, что количество примеров, в которых не соблюдается принцип НГ, относительно небольшое, необходимо обратить на них особое внимание в связи со спецификой их перевода на русский язык.

А. Е. Мосьяков
(Москва)

РАЗЛОЖЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПЕРЕВОД

Устойчивость фразеологических единиц не всегда помогает решить задачу воздействия на аудиторию. Поэтому зачастую автор пытается придать фразеологизму другой, не совсем привычный для читателя или слушателя вид, видоизменить его форму. Мы рассматриваем такое нарушение цельности фразеологической единицы как разложение фразеологизма. Сам факт, что компоненты фразеологизма способны в плане выражения выступать как отдельные слова, утрачивая свою лексическую самостоятельность в плане содержания, очень важен для понимания механизма разложения фразеологических единиц. Разложение фразеологизмов не может рассматриваться в отрыве от их стилистических функций, ибо автор действует всегда сознательно и намеренно меняет форму фразеологической единицы. Любое изменение фразеологизма оправдано и целенаправ-

лено. Ш. Балли замечал, что «нарушения привычных форм языка косвенно служат экспрессивности уже одним тем, что вносят в речь разнообразие. Нет ничего более однообразного, как повторение одних и тех же форм»¹.

Так, например, во многих случаях простая замена одного компонента фразеологизма другим приводит к **трансформации фразеологизма**. Так, *représentants de l'ordre* — «блустители порядка» становятся *représentants du désordre* («блустители беспорядка»); *intégrité territoriale* — «территориальная целостность» — *intégrité corporelle* — («телесная целостность»); *force de frappe* — «ударная сила» становится *force de pare* («папская сила») и т. п.

Но не следует полагать, что трансформация фразеологизма является лишь результатом замены одного компонента фразеологизма другим. Она может быть и результатом других видов разложения фразеологических единиц, например, вклинивания:

Ainsi, en deux siècles, un texte qui annonçait haut et clair la naissance d'une nation *est devenu, pour la majorité silencieuse de ses citoyens, de l'indochinois*. (« L'Humanité Dimanche »)

В статье речь идет о том, что текст Декларации независимости США воспринимается некоторыми американцами (у которых спрашивали, кто автор этого текста) как «подрывной и коммунистический». Экспрессивно-эмоциональная функция отрицательного отношения с оттенком сарказма реализуется в данном случае не только за счет таких выражений, как *haut et clair* — «громогласно» и *majorité silencieuse* «молчаливое большинство» (намек на речь президента США, в которой он говорил, что его политику поддерживает «молчаливое большинство» народа США), но, в значительной мере, трансформацией фразеологизма *c'est du chinois* («это тарабарщина, абракадабра») в *c'est de l'indochinois* (намек на агрессию США в Индокитае). Стилистический эффект от такого рода трансформаций огромен.

В ряде случаев трансформация фразеологизма является результатом комбинированного разложения фразеологической единицы (добавление новых компонентов, перемещение компонентов, замена одного компонента другим и

¹ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1955, с. 394.

т. п.). Так, библейский закон возмездия «око за око, зуб за зуб» — *œil pour œil, dent pour dent* в результате такого комбинированного разложения приобретает совсем иное звучание применительно к современному капиталистическому обществу: «*Pour un œil, les deux yeux. Pour une dent, toute la gueule*»... («*L'Humanité Dimanche*»)

Объектом трансформации зачастую становятся «крылатые» фразы, пословицы и поговорки. Так, «*La guerre de Troie n'aura pas lieu*» — «Троянской войны не будет» (название известной пьесы Ж. Жироду) становится «*La guerre du café Soluble n'aura pas lieu*» («*Le Monde*»), приобретая явно юмористический оттенок. «*L'Argent ne fait pas le bonheur*» — «Не в деньгах счастье» приобретает совсем иную стилистическую функцию в результате трансформации и вытекающего отсюда переосмысления значения всего фразеологизма: «*Les mines d'argent ne font pas le bonheur ... mais la grève y contribue*» («*L'Humanité Dimanche*»).

В статье говорится, что счастье шахтеров серебряных копеек — в их руках, в борьбе за свои права.

Известное выражение «*l'Etat c'est moi*», приписываемое Людовику XIV и употребляемое для характеристики лиц, занимающих руководящее положение в стране и творящих произвол, в заглавии одной из статей А. Вюрмсера приобретает более яркую и в то же время более конкретную стилистическую функцию в результате замены одного компонента другим: «*L'Etat c'est lui*» («*L'Humanité*»). В статье речь идет о господине Вилье, председателе Национального Совета французских предпринимателей.

Поговорка «*Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es*» — «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» приобретает совсем иное звучание в политической статье: «*Dis-moi qui te finance... je te dirai qui tu es*» («*France Nouvelle*»).

«*Crime et châtiment*» — «Преступление и наказание» (название романа Достоевского, ставшее фразеологизмом в силу популярности самого произведения во Франции) становится «*Frime et châtiment*» — «Притворство и наказание» («*Le Canard Enchaîné*») в заглавии статьи, посвященной некоторым вопросам поведения подсудимых в суде.

Мораль известной басни Лафонтена «*La raison du plus fort est toujours la meilleure*» — «У сильного всегда бессильный виноват» (Крылов) в результате трансформации приобретает совсем другую стилистическую функ-

цию в заглавии статьи, посвященной связи кандидатов на местных выборах с американской компанией «Форд»: «*La raison du plus Ford sera-t-elle la meilleure ?*» (Le «*Canard Enchaîné*»)

Известная фраза «*Le roi est mort, vive le roi !*» — «Король умер, да здравствует король!» становится: «*La région est morte, vive la région !*» (Le «*Figaro*») в статье, посвященной вопросам регионализации.

«*Silence, on tourne*» — «Внимание, съемки!» становится «*Silence, on coupe*» (Le «*Canard Enchaîné*») в заглавии статьи о цензуре и «*Silence, on détourne*» (Le «*Canard Enchaîné*») в заглавии статьи об уgone самолетов.

Старый принцип римских правителей «*divisez pour régner*» — «разделяй и властвуй» приобретает совсем иное политическое звучание в результате трансформации в статье, где говорится о политике президента США: «*A Washington, le président multiplie ses « appels à la paix ». Déguiser pour régner est sa devise*» («*L'Humanité Dimanche*») — «Притворяйся (миротворцем) и властвуй».

Характерно, что процесс переосмысливания и трансформации различных фразеологических единиц наблюдается и в русском языке, и даже в большей степени, чем во французском². Приведем всего лишь три примера трансформации фразеологизмов русского языка:

1) «Два короля — пара» («Известия») — в заглавии статьи, посвященной двум промышленным магнатам Запада;

2) «Скажи, кто твой воспитатель?..» («Известия») — в статье о проблемах обучения рабочей молодежи;

3) «Преступление без наказания» («Труд») — в заглавии статьи о нарушениях в порядке распределения жилой площади на одном из заводов в Днепропетровске.

Вышеприведенные примеры говорят о необходимости изучения процесса разложения фразеологических единиц в теории перевода. Без знания и глубокого понимания данного процесса во французском и русском языках переводчик будет сталкиваться все чаще и чаще с фактом «непере-

² Интересны в этой связи наблюдения В. М. Ронгинского над фразеологическими оборотами русского языка в заголовках произведений художественной литературы и публицистики. См. В. М. Ронгинский. Фразеологические обороты в заголовках произведений художественной литературы и публицистики. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе». Вологда, Сев.-зап. кн. изд-во, 1967.

водимости». Более того, возможны ошибки. Приведем всего лишь один пример.

Автор статьи, помещенной в «Nouvelle Revue Internationale», разбирает состав нового Национального собрания Франции, представляющего интересы крупного капитала, упоминая и комментируя слова одного политического лидера:

М. Х. disait un jour : « Il est trop commode de s'indigner contre les profits des trusts. Il n'y a rien de plus nuisible à toutes les classes sociales que de déclarer la guerre aux bénéfices des sociétés ». *On n'est jamais si bien servi que par soi-même !* (« Nouvelle Revue Internationale »)

В переводе данной статьи мы читаем:

«Слишком удобно,— говорил однажды г-н Х,— возмущаться прибылями трестов. Нет ничего более вредного для всех классов общества, чем объявление войны прибылям компаний». Своя рубашка ближе к телу! («Проблемы мира и социализма»)

Смысл фразеологизма в отрыве от контекста правильно понят переводчиком. (*On n'est jamais si bien servi que par soi-même* — «Никто о тебе не позаботится так, как ты сам; своя рубашка ближе к телу» и т. п.)

Однако функция фразеологизма не передана. В оригинале — функция экспрессивно-эмоциональная отрицательного отношения с оттенком иронии; в переводе — экспрессивно-эмоциональная собственно отрицательного отношения. Стилистическая функция реализуется за счет разложения фразеологизма (его «конкретизации») — «Лучше, чем сам г-н Х, не скажешь!» — таким, приблизительно, должен быть перевод. (По-русски в таких случаях говорят: «Унтер-офицерская вдова сама себя высекла».)

Таким образом, разложение фразеологических единиц ставит перед переводчиком целый ряд проблем. Данные проблемы могут быть решены, на наш взгляд, путем сопоставительного изучения фразеологии французского и русского языков в сфере речевого функционирования.

IV. ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Б. Н. Климзо
(Москва)

О ПЕРЕВОДЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В пособиях по техническому переводу принято говорить о научно-технической литературе в целом, а о ее языке — как о ясном и точном. Отсюда сам по себе напрашивается вывод о простоте перевода научно-технической литературы, причем чуть ли не единственной трудностью признается перевод терминов.

Однако научно-техническая литература не монолитна — ее можно разложить в спектр по жанрам, в котором такой «длине волны», как экспериментально-теоретическая статья, соответствует «пик» переводческих трудностей; перевод статей по ряду причин, о которых речь будет ниже, просто гораздо труднее, чем перевод монографий и учебников. Если же учесть, что объем переводимых статей во много раз превышает объем переводимых книг, то совершенно очевидно, что проблему перевода научно-технических статей следует рассматривать отдельно, уделяя ей самое пристальное внимание, поскольку в решении этой проблемы заинтересована многотысячная армия технических переводчиков.

Экспериментально-теоретические (или научно-исследовательские) статьи характеризуются следующими особенностями:

1. С грамматико-логической точки зрения, язык, на котором пишутся статьи, часто неясен и неточен, поскольку авторы статей далеко не всегда хорошо владеют письменной речью. В статьях встречаются грамматические ошибки, анаколуф, алогизмы, неправильно выраженные причинно-следственные отношения, замена ремы темой, нечеткие переходы между предложениями и абзацами, рыхлые синтаксические конструкции, окольные и неопределенные выражения. Переводчик (особенно, если это переводчик-инже-

нер¹) обычно даже не подозревает о возможности языковой неграмотности автора оригинала и копирует языковые ошибки (подобно тому, как переводчик-лингвист не сомневается в профессиональной грамотности автора и копирует погрешности, относящиеся к существу статьи, и опечатки).

Зная типичные ошибки подобного рода, можно сделать перевод более точным, чем оригинал.

2. С лексико-стилистической точки зрения, статьям присущи громоздкие предложения, перенасыщенные информацией, развернутые определения, не содержащие никакой информации клише, чрезмерная осторожность высказывания, тавтология, игнорирование правил пунктуации, употребление жаргонных, лишних, двусмысленных слов и неточных синонимов.

Если говорить об экспрессии, то стиль статей в большей степени отражает индивидуальность автора, которого иногда можно узнать по эмоциональности, манере аргументации, излюбленным штампам, привычке использовать некоторые малоупотребительные слова, склонности к рекламированию своей работы. Более того, даже в пределах одной статьи стиль неоднороден, так как раздел «Обсуждение», который по объему иногда превышает саму статью, пишется другими авторами, а значит отличается другими индивидуальными признаками; он содержит элементы самых разных стилей, начиная от канцелярского и кончая разговорным, например:

The perfect valve, like the perfect woman, simply does not exist, but you cannot get along without them.

А вот анекдотический пример, иллюстрирующий склонность некоторых авторов к псевдонаучным словам:

Proper functioning of this component is critically dependent upon maintaining dimensional integrity. (Вместо простого: This part just will not work, if it is bent.)

Зная типичные лексические и стилистические погрешности, можно сделать перевод более изящным и легким для чтения, чем оригинал.

¹ Переводчиком-инженером мы будем называть научного работника или инженера, обладающего той же средней суммой технических знаний, что и автор оригинала.

3. Публикация статьи обычно связана с описанием либо новой гипотезы, либо оригинальной модели, нестандартного эксперимента или необычной конструкции, а как следствие — в ней встречаются отсутствующие в словарях и часто совершенно случайные термины. Переводчик должен уметь анализировать такие термины и строить варианты соответствия.

4. В статьях велик удельный вес внелингвистической информации. В общем случае, прежде чем перевести внелингвистическую информацию, переводчик должен **идентифицировать** ее, то есть определить, к какой области она относится, затем **найти** соответствующие литературные источники и **просмотреть** их. Контекст статьи предельно сжат (назовем его условно микроконтекстом), а сроки, отводимые для перевода, малы — в этих условиях при встрече с внелингвистической технической информацией переводчика может выручить только **макроконтекст** или общая техническая эрудиция и знакомство с современным уровнем данной узкой области техники.

Переводчик-инженер обладает макроконтекстом, но переводчик-лингвист находится в более трудном положении — даже отличное знание английского языка не поможет ему компенсировать потерю времени на поиски внелингвистической информации.

5. Статьи предназначены для небольшого круга узких специалистов, поэтому авторы широко пользуются импликациями. В переводе импликации нужно устранять, так как русский язык в отличие от английского, образно говоря, не допускает сравнения «пирогов с сапогами». Инженеру легче обнаружить импликацию в научно-технической статье, но и лингвист, пользуясь формальной логикой, вполне может справиться с такой переводческой задачей.

6. Кроме текста или чисто лингвистического материала, статьи содержат графики, чертежи, таблицы и формулы, то есть материал отнюдь не лингвистического свойства. И лингвистическая и техническая части тесно переплетены и **равно** важны для читателя, поэтому для сохранения точности оригинала в целом адекватного перевода лингвистической части недостаточно — необходима еще и адекватная передача технической части. Нередко перевод даже невозможен без привлечения технических средств, например, для перевода термина приходится проделывать оценочный расчет.

При переводе статей нужно применять особый, так сказать, **технолингвистический** подход², среди технических средств которого можно указать перевод новых и случайных терминов с привлечением макроконтекста; перевод терминов с помощью рисунка, таблицы, расчета, формулы, иностранного справочника, литературы, указанной в библиографии к статье; уточнение порядка и округление значения величины; определение неправильно записанной размерности и пересчет размерностей и численных коэффициентов в эмпирических формулах; перевод подписи под рисунком параллельно с текстом; изменение записи формулы; расшифровку сокращений.

7. Статьи изобилуют огрехами оформительского характера и опечатками. Казалось бы это мелочь, недостойная упоминания, однако на ее устранение переводчик тратит подчас массу времени. Весьма распространены такие огрехи, как одинаковое обозначение разных величин, и наоборот — разное обозначение одинаковых величин; произвольное сокращение слов; одновременное использование разных систем единиц без указания размерности при численных значениях величин; дублирование обозначений в тексте, подписях под рисунками и надписях на рисунках, сопровождаемое расхождениями и ошибками, поскольку авторы часто используют в качестве иллюстраций фотоснимки с чертежей или демонстрационных плакатов. Иногда из-за неудачного сокращения автором объема статьи нарушается смысловая связь абзацев; бывает, что автор ссылается на отсутствующий рисунок или отвечает в своем заключении оппоненту, не участвовавшему в обсуждении статьи. Можно без преувеличения сказать, что практически не бывает статьи, в которой не нашлось бы тех или иных «ребусов».

Что касается опечаток, то порой они просто наводняют статью. Наиболее подвержены опечаткам обозначения величин и их индексы, а также формулы, что объясняется сложностью набора. Нередко наборщики меняют местами подписи под рисунками, что особенно трудно обнаружить, когда рисунки похожи; довольно обычны опечатки в ссылках на литературу.

Ликвидация подобного брака также способствует тому, что перевод становится лучше оригинала.

² Э. Ф. Скороходько, например, считает, что «перевод технической литературы относится к пограничной области между языкознанием и техникой» (см. его работу «Вопросы перевода английской технической литературы», Киев, Изд-во Киевского ун-та, 1963, с. 3).

8. Наконец, следует упомянуть еще один фактор, имеющий прямое отношение к проблеме перевода научно-технических статей, а именно: психологические барьеры на пути переводчика. Не имеющий инженерного образования лингвист не в состоянии правильно ориентироваться ни в области техники (трудно отличить новое от общеизвестного, классического), ни в массе переводческих задач технического характера. Он знает, что значение слова определяется прежде всего контекстом, и все же опирается в основном на словарь. В результате переводчик-лингвист нередко выступает в роли оператора перфорационной машины и выдает так называемый *dictionary translation*.

Переводчик-инженер впадает в другую крайность — он пренебрегает словарями, предпочитая переводить по догадке. Для него характерны такие мешающие хорошему переводу черты, как субъективное отношение к автору и содержанию статьи и вмешательство в оригинальный текст с целью внесения поправок по существу статьи.

Научить переводчиков приемам преодоления психологических барьеров не менее важно, чем научить их приемам перевода.

Мы перейдем теперь к иллюстрации некоторых переводческих задач языкового, логического и технического характера, так как анализ конкретных примеров поможет читателю получить более полное представление о **взаимосвязи и соотношении** лингвистической и технической частей в журнальных статьях.

Переводческие задачи языкового и логического характера

Импликация

1. The viscosity of the resulting mix, when properly proportioned, can then be pumped.

Вязкость — параметр жидкости и, естественно, не может перекачиваться насосом. Поэтому в переводе нужно добавить опущенные слова и частично перестроить предложение:

Вязкость правильно составленной смеси уменьшится, и смесь можно будет перекачивать насосом.

2. No other form of cooling is introduced between the furnace exit and the saturation condition.

Выход из топки — геометрическое понятие, а состояние насыщения — физическое, поэтому последнее нужно привести к «общему, геометрическому знаменателю»:

Никакого иного охлаждения газа на участке между выходом из топки и сечением, в котором существует состояние насыщения, не предусматривается.

3. As shown in Fig. 11, $1/2$ percent eccentricity toward the taps had a $1/4$ percent increase in the 0.7 beta coefficient.

Речь идет, конечно, не об увеличении коэффициента β выше значения 0,7 (так как β для данных трубопровода и диафрагмы постоянен), а о росте коэффициента истечения, который в предложении подразумевается. В переводе следует выполнить лексическое развертывание:

Как показано на фиг. 11, смещение диафрагмы с $\beta = 0,7$ в сторону отборов, соответствующее относительному эксцентриситету $1/2\%$, приводило к $1/4$ -процентному увеличению коэффициента истечения.

4. The specimen is first mounted in the flow chamber and connected to the pump.

К насосу присоединяется, конечно, не образец, а камера:

Образец устанавливается в проточной камере, которая затем присоединяется к насосу.

Анаколуф

If the material is coated, the coating is removed sacrificially at a rate proportional to the sodium concentration and only becomes insignificant at sodium equivalent in fuel levels less than 0.3 ppm.

Незначительной становится скорость коррозии, а не толщина покрытия:

Если материал имеет покрытие, последнее приносится в жертву коррозии со скоростью, пропорциональной концентрации натрия; эта скорость становится незначительной только при концентрации эквивалента натрия в топливе ниже $0,3 \text{ млн}^{-1}$.

Алогизм

When we were doing the work reported on in 1935, the only satisfactory way of measuring orifice edge sharp-

ness was to section the orifice and measure the rounding under a microscope. This, of course, was a very unsatisfactory way of doing it, since it destroyed the orifice plate.

Нелогично называть «очень неудовлетворительный способ» «единственным удовлетворительным». Следует опустить слово «удовлетворительный» в начале предложения, поскольку «единственный» достаточно характеризует способ как «единственно пригодный или удовлетворявший целям измерения»:

Когда мы проводили нашу работу, опубликованную в 1935 году, единственным способом измерения остроты кромки диафрагмы было разрезание диафрагмы и измерение скругления (разрезанной кромки) под микроскопом. Такой способ был, конечно, очень неудовлетворительным, поскольку он приводил к разрушению диафрагмы.

Тавтология

Нормы английского языка менее строги, чем нормы русского,— в частности, английский язык допускает тавтологию (М. Уэст и П. Кимбер вообще называют запретение повторять слова «стилистическим пугалом»):

1. Even with the greater length, the leakage *requirements* still *required* clouse clearances so that rubbing had to be anticipated.

2. The *provision* of *providing* spinning spare capacity also presents a problem in the control of the supply system.

3. These comparisons indicate that corrosion fatigue crack growth may be either time or cycle *dependent depending* on the load profile, loading frequency, and temperature.

При переводе необходимо устранять тавтологию, особенно в конструкциях типа «масло масляное»: the *tube* sizing of the *tubes*...; a large *amplitude* USO decreases in *amplitude*...; the *ambient environment* conditions...; the limiting *silica* concentration of *silica*.

Опечатки

1. Fig. 17. Stator blade tip clearance percent of blade weight.

2. Fig. 19. The influence of Reynold's number on the performance of turbomachinery.

Опечатки в этих двух подписях под рисунками бросаются в глаза: в первой подписи вместо weight должно быть height, так как **зазор** по торцу лопатки статора не может измеряться в процентах от **веса** лопатки. Во второй подписи вместо Reynold's number должно быть Reynolds number — общеизвестное число Рейнольдса.

3. Its (method's) consistency was tested by taking eight impressions of a single point on the plate and comparing the resulting radius measurements. Of the eight impressions only seven could be measured. A fragment of lead jutting out into the radius of the remaining impression made it possible to make any measurement. It was noted during the testing of the plates that this happened quite frequently, usually in one or two out of the eight impressions taken on each lead disc.

Если не ограничиваться формальным переводом и следить за логикой изложения, то легко догадаться, что вместо слова possible должно стоять противоположное по смыслу impossible:

Воспроизводимость результатов проверили, беря восемь отпечатков одной и той же точки на кромке диафрагмы и сравнивая измеренные радиусы полученных отпечатков. Измерения удалось провести только на семи отпечатках — на восьмом отпечатке кусочек свинца, выступивший за контур, сделал невозможным какое-либо измерение. Во время испытания диафрагм было отмечено, что подобный брак встречается довольно часто — обычно в одном-двух из восьми отпечатков, получаемых на каждом свинцовом диске.

Переводческие задачи технического характера

Как уже упоминалось выше, переводчику научно-технической статьи приходится решать массу различных задач технического характера. Мы ограничимся иллюстрацией четырех таких задач.

Привлечение макроконтекста при переводе термина

В статье о космическом скафандре встретилось предложение, смысл которого неясен из микроконтекста:

This results in decrease in the bellows volume with deflection requiring PV work.

Переводчик (неспециалист) ограничился поиском сокращения PV в ракетно-космическом словаре — в результате появился следующий перевод: «Это приводит к уменьшению объема сильфона при отклонении, требующемся при работе на летательном аппарате с полезной нагрузкой». Но как известно из термодинамики, PV work — это работа сжатия газа, равная произведению давления P на изменение объема V , поэтому перевод, конечно, выглядит совсем иначе:

Отклонение, требующее затраты работы на сжатие газа, приводит к уменьшению объема сильфона.

Поиск вариантного соответствия нового термина

В статье о выбросах окислов азота из дымовых труб электростанций переводчик встретился с терминами thermal NO_x и fuel nitrogen NO_x , например:

The results of this correlation for front fired oil burning units are shown in Fig. 7 as thermal NO_x .

Исследованиями выбросов стали заниматься относительно недавно, в связи с развертыванием борьбы с загрязнением воздуха, поэтому упомянутые выше термины не успели попасть в словари. Переводчик просмотрел переводы статей по выбросам, выполненные в ОНТИ теплотехнического института, и позаимствовал из них термины «тепловые NO_x » и «топливные NO_x ». Однако нетрудно заметить некорректность термина thermal NO_x . Определение thermal подчеркивает факт образования окислов в процессе тепловыделения в топке и почему-то дается только окислам, образуемым из азота атмосферного воздуха, а окислы, образующиеся из азота, связанного в топливе, называются fuel nitrogen NO_x , хотя они тоже появляются в процессе горения (тепловыделения) в топке. Поэтому более последовательно, по-

видимому, переводить thermal NO_x как «воздушные NO_x», сохранив за fuel nitrogen NO_x название «топливные NO_x».

Заметим, кстати, что работы, публикуемые на английском языке в трудах различных обществ и в международных журналах, нередко принадлежат иностранным ученым и представляют собой неотредактированные переводы на английский. В таких случаях нужно особенно бдительно относиться к словоупотреблению и терминам авторов.

Определение размерности путем оценки значения величины

As an example, if $I = 35$ deg, $T_1 = 520$ deg, approach = 16.5 deg, then $P = 0.47$ and $\psi^* = 4.9$.

В этом примере I — разность начальных температур воды и воздуха в радиаторной градирне, T_1 — температура воздуха на входе в градирню, а approach — температурный напор на холодном конце. Спрашивается, в каких градусах — Фаренгейта, Цельсия, Рэнкина или Кельвина — даны значения параметров? Первая и третья величины суть температурные разности, поэтому удобнее для проверки выбрать вторую величину, то есть T_1 . Если даже принять температуру воды на выходе из градирни совпадающей с T_1 (на самом деле она выше на 16,5°), то ясно, что вода при давлении, близком к атмосферному, не может существовать при 520° F, или 271° C, поскольку она закипает при 100° C; следовательно, градусы Фаренгейта и Цельсия отпадают и температура T_1 взята по термодинамической шкале Кельвина либо Рэнкина. Проверяем градусы Кельвина: 520° K = 520 — 273 = 247° C > 100° C. Остается проверить градусы Рэнкина: 520° R = 520 × 0,555 — 273 = 16° C. Этот результат вполне правдоподобен, а значит все параметры даны в градусах Рэнкина, которые нужно, конечно, перевести по всей статье в градусы Кельвина.

Пересчет размерности

Переход на международную систему единиц (СИ) совершается очень медленно, поэтому переводчику приходится заниматься утомительными пересчетами британских единиц в метрические либо в единицы СИ. В случаях, когда статья содержит много эмпирических формул и таблиц, подобные пересчеты отнимают больше времени, чем пере-

вод. Рассмотрим пример. В статье по усталостному разрушению металлов приведена формула $da/dn = 1.42 \cdot 10^{-13} \cdot (\Delta K)^{2.02}$. Необходимо записать ее в виде, приемлемом для русских читателей, то есть пересчитать численный коэффициент. Пересчет выполняется в следующем порядке: а) формула записывается в общем виде: $da/dn = D(\Delta K)^{\alpha}$. Известные размерности: $[da/dn] = \text{in}/\text{cycle}$; $[\Delta K] = \text{psi} \cdot \sqrt{\text{in}} = (\text{lb}/\text{in}^2)^{1/2} \text{ in}^{1/2}$; $\alpha = 2,02$ — безразмерный показатель степени.

б) определяется размерность численного коэффициента D:

$$D = \frac{\text{in} \cdot \text{in}^{2\alpha}}{\text{cycle} \cdot \text{lb}^{\alpha} \cdot \text{in}^{\alpha/2}} = \frac{\text{in}^{1+2\alpha-\alpha/2}}{\text{cycle} \cdot \text{lb}^{\alpha}} = \frac{\text{in}^{1+3/2\alpha}}{\text{cycle} \cdot \text{lb}^{\alpha}}.$$

в) находится коэффициент пересчета (логарифмирование опущено):

$$\text{КП} = \frac{25,4^{1+3/2 \cdot 2,02}}{0,454^{2,02}} = \frac{25,4^{4,03}}{0,454^{2,02}} = 2,25 \cdot 10^6.$$

г) вычисляется новый коэффициент: $D' = D \cdot \text{КП} = 3,2 \cdot 10^{-7}$.

д) формула записывается в пересчитанном виде: $da/dn = 3,2 \cdot 10^{-7} (\Delta K)^{2.02}$.

Заключение

В настоящее время теория перевода научно-технической литературы ограничивается сугубо лингвистическими исследованиями, а практические рекомендации сводятся к переводу отдельных слов, фразеологических сочетаний и грамматических форм. Лингвистические исследования так или иначе недоступны переводчикам, а упомянутые практические рекомендации, безусловно, очень полезны, но далеко не достаточны для перевода статей.

Переводчики нуждаются в пособии, в котором на базе общей теории и практического опыта переводов были бы даны решения переводческих задач лингвистического и технического характера. Такое пособие поможет переводчикам расширить арсенал переводческих приемов и средств, определить круг обязанностей и прав, избавиться от недостатков психологического характера и, в конечном счете, повысить качество переводов.

V. ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ И ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКА

Е. М. Штайер
(Москва)

DESIDERATA К ПОСОБИЮ ПО ПЕРЕВОДУ

Вышел в свет ряд пособий справочного характера, адресованных переводчикам и лицам, профессионально изучающим иностранные языки¹. Ниже, на примере одной из работ данной серии² будут рассмотрены некоторые вопросы организации, отбора и представления материала в пособиях такого типа.

* *

*

1. Ознакомление с «Пособием по переводу с русского языка на французский» показывает, что при организации материала используются, в основном, следующие принципы:

(1) приводятся словарные эквиваленты (французские) соответствующих русских слов и словосочетаний; при этом предполагается, что в любых контекстах некая русская лексическая единица может быть переведена при помощи представленной ей в соответствие французской лексической единицы. Эквивалентность устанавливается, таким образом, на уровне языка. Например: *moned* — *cyclomoteur*, *ком-плексный обед* — *repas à prix fixe* и т. д.;

(2) приводятся некоторые французские тексты; при этом предполагается, что в данном контексте некая французская лексическая единица может быть использована при переводе соответствующей русской лексической единицы;

¹ См., напр., А. А. Рудников. В помощь переводчику, М. «Высшая школа», 1963; «4000 полезных слов и выражений» (на англ., фр., нем., исп. языках). М., «Международные отношения», 1966, 1969; «Краткий русско-английский социально-экономический словарь». Пособие для переводчиков. М., АПН, 1971 и др.

² Н. Д. Требунов. Пособие по переводу с русского языка на французский. М., «Высшая школа», 1972.

однако не утверждается, что устанавливаемая таким путем эквивалентность может быть распространена на любые тексты, в которых встречается указанное русское слово или словосочетание. Эквивалентность устанавливается, таким образом, на уровне речи. Например, французское словосочетание *mettre la main sur* может быть использовано при переводе русского слова *найти* в следующем французском тексте: *Je n'arrive pas à mettre la main sur mon billet. Никак не могу найти билета.*

Отмеченное выше принципиальное различие не вполне, видимо, осознается автором, так как, с одной стороны, языковые (словарные) эквиваленты «актуализируются» в пособии при помощи, например, артикля (причем по-разному: иногда с определенным артиклем — *багажник* — *le coffre à bagages*, иногда с неопределенным — *аквалангист* — *un plongeur sous-marin*); с другой стороны, при представлении речевых эквивалентов контекст приводится лишь для французской части пособия. Очевидно, что принцип «помещения во фразу» желательно распространить и на русскую часть. Так, лексическая единица *de vous à moi* предлагается для перевода русской единицы *между нами* в следующем тексте: *De vous à moi, c'est une histoire à laquelle il n'était pas très bien préparé.* Остается неясным, однако, можно ли использовать указанный французский эквивалент *de vous à moi* при переводе следующих русских фраз: (1) *Между нами все кончено.* (2) *Между нами в театре сидела девочка.*

II. Итак, в соответствии с изложенными выше принципами организации материала, автор пособия стремится пополнить информацию русско-французских словарей (далее — РФС) путем включения в пособие:

(1) некоторых лексических единиц русского языка, незафиксированных в РФС; здесь автор использует, в основном, словарные эквиваленты;

(2) некоторых лексических единиц русского языка, уже зафиксированных в РФС, предлагая для их перевода не отмеченные словарями нетривиальные французские эквиваленты; здесь он использует, в основном, «синонимические (перефразистические) средства языка в широком смысле слова»³ (см. ниже) и контекстуальные эквиваленты.

В первом случае дополнительная информация пособия содержит слова, предназначенные для вновь появившихся,

³ См. Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., «Наука», 1974, с. 4.

требующих обозначения предметов, например: вычислительных агрегатов и музыкальных автоматов, ретрансляторов и водных велосипедов; новых обозначений существовавших и ранее, но используемых по-новому предметов. Так, в связи с развитием путешествий *traveller-chèque* (*traveler's cheque* в « *Dictionnaire du français contemporain* » J. Dubois et aut.) используется, наряду с *lettre de crédit*, для перевода слова *аккредитив*, а применение автобусов для транспортировки детей в школу приводит к образованию нового словосочетания *car de ramassage scolaire*.

К информации типа (1), кроме разного рода неологизмов, можно отнести также словарные эквиваленты, устанавливаемые благодаря регулярным контактам между носителями двух языков и более глубокому ознакомлению с жизнью друг друга. Эти эквиваленты не были зарегистрированы ранее составителями двуязычных словарей, например: *администратор в гостинице* — *réceptionniste d'hôtel* (*réceptionnaire* в словаре « *Petit Robert* »), *автор слов песни* (профессионал) — *parolier*, *порт приписки* — *port d'attache*.

К дополнительной информации типа (2) относятся: а) слова и словосочетания, обозначающие предметы (действия, свойства, отношения), представленные в РФС; однако для их обозначения пособие использует в русской и/или французской части средства, находящиеся в отношении синонимии в широком смысле слова с соответствующими единицами РФС; б) контекстуальные (речевые) эквиваленты, действительные лишь для определенных употреблений слов и словосочетаний в русской и/или французской части пособия.

В связи с помещением в пособие информации типа (2) уместно, видимо, спросить:

1) равноценны ли в принципе для пособия рассматриваемого типа сведения о разных средствах, позволяющих варьировать представление некоторого смысла, например таких, как лексические синонимы, синтаксические дериваты, актантные трансформы (конверсивы), развернутые структуры, содержащие десемантизированный и полнозначный элементы, принятые в языке метафоры и фигуры речи и др.;

2) равноценны ли для такого пособия сведения о потенциале варьирования средств выражения в его левой и правой части (на родном и иностранном языках);

3) что нужно сделать для того, чтобы обнаруженные ав-

тором пособия контекстуальные эквиваленты могли бы успешно использоваться при переводе и других текстов?

В дальнейшем изложении мы попытаемся дать ответ на поставленные здесь вопросы.

Очевидно, что не все средства синонимичного представления некоторого смысла в одинаковой мере «труднодоступны» для читателя пособия, правда, по разным причинам. В самом деле, некоторые из них грамматически регулярны, и навыки подобного преобразования всегда наготове в арсенале переводчика. Мы имеем, в частности, в виду варьирование выражения при помощи: а) синтаксических дериватов типа глагол ↔ имя существительное, обозначающее действие по глаголу: *снизить налоги* — *снижение налогов*; *alléger les impôts* — *allègement des impôts*; б) десемантизированных элементов, в частности так называемых «вербализаторов»: *влиять* — *оказывать влияние*; *influencer* — *exercer une influence*; в) слов, находящихся в отношении видовой модификации: *дачник* — *vacancier (estivant)*.

Явление лексической синонимии, естественно, не столь регулярно; и все же наличие подробных словарей синонимов⁴ делает информацию о них вполне доступной для переводчика; по этим соображениям многочисленные в пособии иллюстрации перевода с использованием лексических синонимов французского языка представляют, на наш взгляд, меньший интерес (ср., например: *видимость* — *apparence* (РФС), *façade* (пособие); *проводить политику* — *pratiquer une politique* (РФС), *appliquer une politique* (пособие) и т. п.

Напротив, долготелая работа автора в области перевода различных лексико-фразеологических единиц с русского языка на французский, использование в правой, иллюстративной части пособия не только (и не столько) простых лексических эквивалентов, но и их помещение во фразу, без сомнения, позволили ему предложить для ряда слов и словосочетаний, уже переведенных в РФС, оригинальные варианты перевода, которые могут разнообразить и «освежить» язык переводчика благодаря нетривиальным средствам синонимичного преобразования: а) метафорам: *провалиться на выборах* — *ramasser une veste aux élections*; б) конверсивам: *положить начало чему-л.* — *quelque chose prend le départ*; *у него протекает крыша* — *sa chambre prend l'eau par la toiture*; в) двойным синтаксическим де-

⁴ См., напр., Н. В é н а с. Dictionnaire des synonymes. Р., 1956.

риватам: *неустойчивая погода* — *instabilité climatologique*; г) идиоматическим средствам выражения некоторых типичных смыслов при определенных словах: смысл 'высокая степень' при слове *расти* выражается по-русски *расти как грибы*, по-французски — *pousser comme des pastèques*; при слове *футбол* — по-русски *большой футбол*, по-французски — *football de gala*; при слове *аплодировать* — *горячо аплодировать*, по-французски — *applaudir à tout rompre*; д) ситуационным эквивалентам: *осторожно, окрашено!* — *attention à la peinture*; *ну и жарница!* — *ça täre*.

При этом «жанр пособия» практически не ограничивает автора в отборе представленного материала. Как показывают приведенные выше примеры, пособие включает, правда, в непоследовательном и несистематизированном виде, элементы и двуязычного словаря, и словаря фразеологии, и словаря фраз-клише, и словаря сочетаемости (типа известных словарей А. Ройма и У. Лакруа); это последнее обстоятельство делает возможным применение собранного в пособии материала в качестве иллюстраций к статьям толково-комбинаторного словаря на семантической основе, работа над которым ведется в настоящее время⁵.

Если использование различных языковых средств для выражения заданного смысла на иностранном языке представляет известные трудности, в частности, из-за отсутствия специальных переводческих словарей, ориентированных на перефразирование, то варьирование языковой формы на родном языке является врожденной способностью носителя языка вообще, специалиста в области перевода в особенности. Поэтому, видимо, меньшую ценность для переводчика представляет информация о помещенных в пособие вариантах слова (*закрыто на учет* — РФС, *закрыто на переучет* — пособие); синтаксических дериватах (*снизить налоги* — *снижение налогов* и т. п.); лексических синонимах русского языка (*неявка спортсмена на соревнования* — *отказ спортсмена от участия в соревнованиях*). Избежать «дублирующей» информации такого рода можно, если последовательно придерживаться семантических принципов в организации левой (русской) части словника, о чем пойдет речь ниже.

Если иметь в виду, что обнаруживаемая автором контек-

⁵ См. Т. А. А п р е с я н, Ю. Д. А п р е с я н. Об изучении смысловых связей слов. «Иностранные языки в школе», 1970, № 2.

стуальная эквивалентность лексических единиц (в данном случае русского и французского языков) предназначена для использования при переводе также и других текстов, то крайне важно отграничить значения исходной — в общем случае полисемичной — лексической единицы; иначе, решить вопрос представления левой части словаря. В. Г. Гак пишет о «трагедии двуязычных словарей»⁶, правая часть которых не обеспечивает ни перевода, ни подлинного толкования слов исходного языка. Видимо, неблагополучие данного типа пособий по переводу, в которых значительное место отводится контекстуальным эквивалентам, состоит в отсутствии подчас элементарного толкования лексических единиц в левой части словника. Необходимость подобного толкования ощущается не так остро при переводе существительных конкретного значения, однако без семантического толкования, хотя бы в элементарной форме, трудно обойтись при представлении предикатных слов — глаголов, отглагольных существительных, наречий и т. п.

Нельзя сказать, что автор анализируемого пособия не осознает важности данной проблемы: решению ее служат, во-первых, иллюстративный материал правой части, а также разнообразные способы отграничения значений в левой части пособия: а) указания на синтагматические связи слов: *блеснуть* (на экзамене), *верный* (себе), *бросить* (сцену); б) указания на сферу употребления слова: *вбрасывание* (спорт.), *взять пассажира* (такси), *вариант* (самолета); в) указания на обозначаемую ситуацию: *ну и жарница!* Однако читатель легко заметит разнотипность этой информации, а нередко и ее отсутствие — так, нет никаких комментариев в левой части таких многозначных слов, как *выглядеть*, *выпускать*, *возиться*, *брожение*, *за дело* и др. Приводимые в правой части примеры вряд ли способны предотвратить возможные ошибки, связанные с особенностями сочетаемости рекомендуемых для перевода единиц. Так, если можно использовать выражение *prendre l'allure* при переводе на французский язык фразы *Эта претензия выглядит трагикомичной* — *Cette prétention prend l'allure d'une plaisanterie*, вряд ли можно употребить то же самое выражение при подлежащем, выраженном одушевленным существительным: *Он выглядит смешным*.

Современная семантическая теория вырабатывает спо-

⁶ См. В. Г. Гак. О двусторонней эквивалентности в двуязычных словарях. «Тетради переводчика», вып. 8, М., «Международные отношения», 1971.

собы представления словарных единиц. В частности, большую семантическую информацию несет такая форма записи слов, как предикатное выражение с указанием, в случае необходимости, семантических свойств актантов такого выражения, например:

А выпускает В, где А — слово со значением 'предприятие'; В — 'материальный предмет';

А возится с В, где А — 'лицо', В — 'предмет';

А выглядит + наречие, где А — 'слово, обозначающее в свернутом виде ситуацию'.

Несколько замечаний в отношении представления помещаемого в пособие материала связаны, в частности, с выбором заглавного слова. Здесь даны разные решения.

1. В качестве заглавного выбирается слово, представляющее описываемую словосочетанием ситуацию, вне зависимости от того, в какой из единиц словосочетания заключена трудность перевода. Так, в словосочетаниях *полное разоружение*, *жестокое (сокрушительное) поражение* трудность для перевода представляют прилагательные, — однако автор, на наш взгляд, справедливо выбирает в качестве заглавных слов, соответственно, *разоружение*, *поражение*.

2. В качестве заглавного выбирается слово, которое представляет трудность для перевода, хотя оно и не репрезентирует описываемую ситуацию, являясь подчиненным по отношению к ключевому слову. Так, в словосочетаниях *обычные вооружения*, *нанести удар* в качестве заглавных выбраны слова *обычные*, *нанести*.

3. Наконец, в качестве заглавного слова автор выбирает в идентичных ситуациях в одном случае слово, называющее ситуацию: *устранить недомолвки* — статья *недомолвки*, *встречать аплодисментами* — статья *аплодисменты*; в другом случае — зависимое: *устранить противоречия* — статья *устранить*, *встречать аплодисментами* — статья *встречать*.

Можно, видимо, найти аргументы в пользу каждого из решений. Первое дает более систематичное и экономное описание сочетаемости слова, представляющего ситуацию; оно более семантично, так как основывается на слове, полностью сохраняющем в словосочетании свое значение. Зато при втором решении в качестве заглавного выбирается как раз то слово, которое вызывает затруднения переводчика. Однако, поскольку оно является десемантизированным, идиоматическим элементом словосочетания, то поме-

щать его в качестве заглавия статьи представляется нерациональным (ср.: неодинаковость эквивалентов перевода слова *нанести* в *нанести* поражение, визит, ущерб и т. п.).

Возможное решение проблемы состоит в том, чтобы помещать в качестве заглавного слова статьи семантически однозначную лексическую единицу, называющую ситуацию, а идиоматический элемент словосочетания, представляющий трудность для перевода, не получая отдельного толкования и иллюстрации, должен отсылать к соответствующей статье (напр., *обычные вооружения* — см. *вооружения*).

Вряд ли целесообразно также помещать в отдельных словарных статьях глагол и имя, называющее действие по глаголу, например *разыграть ворота* — *розыгрыш ворот*.

* * *

Итак, понимание достоинств и слабостей практических пособий по переводу, учет ими достижений современной лексикографической теории поможет сделать их более интересными для переводчиков, повысит коэффициент их полезного действия.

Т. М. Мещерякова
(Москва)

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ГДР

Политическое, экономическое и географическое положение ГДР таково, что общение с другими странами, в первую очередь со странами социалистического содружества, для нее жизненно необходимо. В силу этого необходима развитая служба иностранной информации и соответствующие переводческие кадры.

Деятельность переводчика осуществляется в процессе непосредственного контакта с представителями многих государств, партий, общественных организаций и специалистами различных областей науки, техники и культуры разных стран мира. Поэтому к переводчику предъявляются особые требования не только в отношении его профессиональных знаний и умений, но и его идейно-политической марксистско-ленинской убежденности, его партийности.

Проблемы пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения, идейно-политического воспитания и повышения

теоретической и практической профессиональной подготовки уже работающих переводчиков и студентов соответствующих вузов поставлены в ГДР более широко и остро, чем в других странах.

Эти вопросы освещаются на страницах специального журнала для устных и письменных переводчиков высшей и средней квалификации — «Фремдшпрахен»¹, в ведомственной печати службы иностранной информации — «Интертекст»² и в бюллетене «Секции устных и письменных переводчиков при Союзе немецких журналистов (теперь — «Объединения переводчиков при Союзе журналистов ГДР»³).

Общественно-политической роли переводчика в общении с иностранными представителями придается в ГДР большое значение. Об этом свидетельствует учреждение в мае 1971 года «Объединения переводчиков при Союзе журналистов ГДР», являющегося общественной организацией переводчиков, работающих во всех областях политической, экономической и культурной жизни ГДР. Эта организация призвана не только представлять интересы данной профессиональной группы людей, но и проводить среди своих членов интенсивную работу по идейно-политическому воспитанию. Об этом свидетельствует также постановление правительства ГДР о выплате гонораров внештатным переводчикам, выполняющим переводы государственным и частным предприятиям, частным предприятиям с участием государства и другим учреждениям⁴. Постановление правительства ГДР было принято в соответствии с решением от 4.IX.1970 г. об «Установлении порядка и финансовой дисциплины при оплате труда лицам свободной профессии». В разработке данного постановления принимали участие ответственные сотрудники «Государственного управления

¹ „Fremdsprachen“, Zeitschrift für Dolmetscher, Übersetzer und Sprachkundige, VEB Verlag Enzyklopädie, Leipzig. Журнал выходит с 1958 г.

² „Informationen Intertext“, Fremdsprachendienst der DDR, Berlin.

³ „Nachrichten für Sprachmittler“, Sektion Dolmetscher und Übersetzer (SDÜ) beim Verband der Deutschen Journalisten (VDJ) Vereinigung der Sprachmittler beim Verband der Journalisten der DDR (VdJ). Бюллетень выходит с 1964 г.

⁴ „Gesetzblatt der Deutschen Demokratischen Republik“. Berlin, 5. Juli 1971. Sonderdruck Nr. 707. Anordnung über die Honorierung von Sprachmittlungsleistungen — Honorarordnung für Dolmetscher und Übersetzer. Staatsverlag der Deutschen Demokratischen Republik.

по вопросам труда и зарплаты ГДР» и представители «Объединения переводчиков при Союзе журналистов ГДР».

Постановлением предусматривается, что переводы могут производить лишь лица, имеющие специальное высшее или среднее образование и получившие официальное разрешение на выполнение данной работы. В состав окружной комиссии, принимающей решение по данному вопросу, входят два постоянных представителя «Объединения переводчиков при Союзе журналистов ГДР», представитель отдела культуры округа и представитель окружного управления финансов. В постановлении специально указывается, что недостаточно квалифицированные переводы либо возвращаются переводчику, либо за них снижается сумма оплаты. Спорные вопросы о качестве выполненного перевода решают представители «Объединения переводчиков».

Важно обратить внимание и на то, что данным постановлением подтверждаются в законодательном порядке такие положения теории и практики перевода, как характеристика сложности текста для перевода и характер выполнения в зависимости от цели его дальнейшего использования⁵. Дана характеристика видов устного перевода. Характеристики видов перевода положены в основу финансовых расчетов за произведенный труд.

Подготовке переводческих кадров придают в ГДР очень большое значение. В настоящее время, судя по печати⁶, подготовка переводчиков с высшим образованием производится при университетах в Берлине, Лейпциге, Ростоке и Трансвальде.

Нельзя сказать, чтобы методы подготовки данных специалистов были во всех указанных учебных заведениях идентичны. Пока еще, судя по статье директора «Интертекста», редактора журнала «Фремдшпрахен» Вальтера Грауля и

⁵ В связи с тем, что переводы иностранной литературы могут быть осуществлены или только в целях ознакомления ограниченного круга лиц с предметом изложения, или только для использования данного перевода в пределах одного предприятия или научно-исследовательского учреждения, в ГДР принято различать в целях экономики труда и материальных затрат три категории перевода в зависимости от характера его дальнейшего использования: перевод I категории (Rohübersetzung) — «перевод-сырец», в котором не требуется тщательной отработки терминов и стиля, перевод II категории (Arbeitsübersetzung) — рабочий вариант перевода, возможны стилистические погрешности, перевод III категории (veröffentlichungsreife Übersetzung) — перевод, готовый к печати.

⁶ W. G r a u l und H. G e o r g i. Zu den aktuellen Problemen des Sprachmittlungswesens. „Fremdsprachen“. Nr. 4, 1972, SS. 237—242.

доктора педагогических наук Гарри Георги⁶ («Интертекст»), существуют некоторые различия в требованиях, предъявляемых к студентам различных университетов.

Наиболее интересной является концепция подготовки переводчиков, разработанная на секции «Теоретическое и прикладное языкознание» в Университете имени Карла Маркса в Лейпциге (Sektion „Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft“ der Karl-Marx-Universität, Leipzig — TAS der KWU, Leipzig). Эта программа подготовки переводчиков и система работы профессорско-преподавательского состава находит энергичную поддержку со стороны общегосударственного центра переводов — организации «Интертекст» — и достаточно широко освещена в выпусках журнала «Фремдшпрахен», начиная с 1969 года.

Секция «Теоретическое и прикладное языкознание» Университета имени Карла Маркса в Лейпциге организована в январе 1969 года на основе «Института устных переводчиков при Университете имени Карла Маркса», факультета и кафедры филологии этого же университета. В задачи данной секции входит: 1) теоретическая разработка вопросов лингвистики как таковой, и особенно теории перевода; 2) исследование методов обучения языкам и переводу и привлечение студентов к научной работе; 3) подготовка кадров переводчиков средней и высшей квалификации. Помимо того, руководители секции стремятся найти формы организации повышения квалификации уже работающих переводчиков высшей квалификации (Sprachmittler).

Секция «Теоретическое и прикладное языкознание» готовит переводчиков со знанием двух иностранных языков трех видов квалификации:

1. Устных и письменных переводчиков, сдавших государственный экзамен на законченное высшее образование — Übersetzer und Dolmetscher mit Staatsexamen. Срок обучения 4 года.

2. Дипломированных устных переводчиков, имеющих право вести последовательный и синхронный перевод — Diplom-Konferenzdolmetscher. Срок обучения 5 лет.

3. Дипломированных письменных переводчиков — Diplom-Übersetzer. Срок обучения 5 лет.

Наиболее распространенная квалификация — устный и письменный переводчик, сдавший государственный экзамен. Этот переводчик имеет право работать во всех организациях, учреждениях и научно-исследовательских институтах ГДР. Переводчик этой квалификации должен уметь

переводить с двух иностранных языков на родной (немецкий) язык как тексты по специальности, связанной с областью его практической деятельности (напр., сельское хозяйство или электротехника), так и по общественно-политической тематике (перевод III категории), а с немецкого языка на иностранный он выполняет переводы только I и II категории⁷, переводы III категории он может выполнить лишь с помощью редактора или переводчика высшей квалификации. Переводчик данной квалификации находит себе применение и как устный переводчик, главным образом для сопровождения делегаций. Он может выполнять и последовательный перевод отрезков речи продолжительностью до 5 минут. Последовательный и двусторонний перевод выполняется им преимущественно с основным иностранным языком.

Переводчик данной квалификации аннотирует и рецензирует также иностранную литературу по своей специальности. Переводчик должен владеть машинописью как на родном, так и на иностранном языках. Скорость печатания: на родном языке — 250 ударов в минуту, на иностранном — 200 ударов в минуту. Он должен уметь диктовать перевод с листа на машинку или диктофон.

Кроме профессиональных требований, к переводчику предъявляются высокие требования как в области теоретического и практического знания двух иностранных языков, так и в отношении его идейно-политического уровня и морального облика⁸.

Переводчики с пятигодичной подготовкой в высшем учебном заведении руководят группами переводчиков или специальными отделениями соответствующих учреждений и редактируют готовые переводы. Наряду с практической работой они ведут научно-исследовательскую работу в области теории и практики перевода, могут преподавать в высшем учебном заведении.

Дипломированный переводчик устного материала должен быть квалифицированным синхронным переводчиком и

⁷ См. сноску 5 на с. 96.

⁸ Характеристика квалификации переводчиков всех трех видов изложена в специальной классификационной тарификации, то есть статусе квалификации и дальнейшего использования специалистов с высшим образованием: „Berufsbilder für Sprachmittler mit Hochschulbildung. Intertext“ — Verlag, Berlin, 1967; а также в статье директора «Интертекста» В. Грауля «Требования к специалисту, обладающему квалификацией дипломированного переводчика» („Anforderungscharakteristik des Diplomsprachmittlers. Intertext“, Zentrale Zeitung, Berlin, den 5.1.1970.)

обладать навыком синхронного перевода в течение 30 минут без замены. При последовательном одно- и двустороннем переводе он обязан запоминать и точно передавать материал, звучащий в течение 10 минут. Переводчик этой квалификации должен свободно работать, по крайней мере, с двумя иностранными языками.

Синхронный переводчик должен уметь переводить и письменные тексты, свободно владеть машинописью на родном и иностранных языках и также диктовать перевод с листа на машинку или диктофон как на родном, так и на иностранном языке.

Дипломированные переводчики должны обладать еще более глубокими знаниями марксистско-ленинской теории, а также уметь разбираться в основных вопросах языкознания и лингвистической теории перевода.

Дипломированный переводчик письменного материала обязан уметь делать переводы III категории, по крайней мере, на один из двух обязательных иностранных языков, с которыми он работает. Это относится к переводам по тематике его специализации или на общественно-политическую тематику. В несколько ограниченном объеме работ он привлекается также и для устного перевода, главным образом для последовательного одностороннего и двустороннего перевода (объем запоминания материала, звучащего 5 минут). Переводчик этой квалификации должен безукоризненно и быстро писать на машинке, диктовать машинистке или на диктофон.

Для обучения на секции «Теоретическое и прикладное языкознание» Университета имени Карла Маркса принимаются юноши и девушки, интересующиеся иностранными языками и практической деятельностью переводчика и владеющие одним из иностранных языков на уровне программы полной средней школы (erweiterte Oberschule), достаточным знанием лексики и грамматики, чтобы переводить на иностранный язык тексты средней трудности. Поступающие должны обладать автоматизированным навыком употребления грамматических конструкций иностранного языка. Поступающие должны хорошо владеть родным (немецким) языком, особое внимание обращается на выбор и сочетаемость слов, грамматический строй, орфографию и соблюдение основных требований стилистики.

Помимо этого, поступающие должны уметь пользоваться справочной литературой, печатать на машинке, пользоваться диктофоном и магнитофоном. Большое значение

придается также и состоянию здоровья поступающих, так как это является необходимой предпосылкой для успешной учебы и последующей работы.

Обязательным курсом обучения является четырехгодичный курс. На V курсе проводится специализация, совершенствуются навыки письменного или устного перевода, более глубоко изучается лингвистическая теория перевода, приобретаются навыки редактирования.

Основные комплексы учебных дисциплин на I курсе следующие:

1. Марксистско-ленинская методологическая подготовка.
2. Страноведение и международные отношения.
3. Практика языка и перевода с ориентацией на общеобразовательную и политехническую тематику.

4. Теоретические дисциплины языкознания и перевода.

В основу построения программы обучения положены следующие требования:

- а) концентрация обучения на основах наук;
- б) отказ от излишней специализации в подготовке переводчика;
- в) ознакомление студента лишь с тем теоретическим материалом, который относительно постоянен;
- г) развитие у студентов способности к самостоятельной, творческой работе с книгой, периодикой;
- д) воспитание у студентов стремления к постоянному совершенствованию своих знаний⁹.

Курс обучения первых четырех лет резко разграничивается на два цикла: на I—II курсах, кроме марксизма-ленинизма, введения в теорию языкознания, введения в теорию перевода, практики машинописи и ознакомления с электронной обработкой данных и машинным переводом, а также третьим иностранным языком (1 год) и других дисциплин, изучаются иностранные языки — первый (основной) — по 8 часов в неделю и второй — 8 часов в неделю. На втором курсе практическому изучению иностранных языков отводится по 4 часа в неделю¹⁰. На последующих двух курсах отсутствует обучение практике языка, и эти учебные

⁹ Prof. Dr. N e u b e r t. Die Hauptaufgaben der Sektion „Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft“ an der Karl-Marx-Universität, Leipzig. „Fremdsprachen“ Nr. 2, 1969, SS. 84—85.

¹⁰ См., Kommission Sprachmittler beim Rat der Sektion TAS der Karl-Marx-Universität, Leipzig, Rahmenstudienprogramm. (Типовая программа по специальности: устный и письменный переводчик, принятая в первой половине 1970 года).

часы заполняются теорией и практикой перевода. С такой постановкой дела вряд ли можно согласиться, учитывая, что:

1) далеко не все студенты имеют хорошую предварительную подготовку по двум иностранным языкам;

2) сами авторы программы указывают на то, что в группах без предварительной языковой подготовки приходится начинать с элементарного курса (см. с. 14 программы);

3) в течение первых двух лет авторы программы предлагают при указанном количестве часов изучить по лексике все темы, начиная с «семьи» и «квартиры» и кончая юриспруденцией, культурой и внешней политикой. Такой темп обучения возможен далеко не при всех условиях. Авторы программы возлагают надежды на то, что практика устного и письменного перевода на старших курсах полностью заменит практику языка в плане чтения и говорения. Вряд ли с этим можно согласиться, так как психологический аспект даже устного перевода имеет иной характер, чем психологический аспект спонтанной, неподготовленной речи. Оба эти аспекта подкрепляют друг друга в процессе обучения.

Нам представляется, что дальнейшее обучение практике языка на старших курсах способствовало бы лучшему усвоению теории и практики перевода. Оно систематизировало бы определенные знания и навыки в области сочетаемости слов и идиоматики, укрепило бы навыки грамматически правильной речи. Изучение иностранного языка на художественных произведениях дало бы образцы современной речи — устной и письменной, способствовало бы повышению культурного уровня студентов.

Большое внимание секция уделяет развитию самостоятельности студента. Здесь введено полное или частичное программированное обучение и внутривузовское телевидение, что дает возможность организовать работу студентов-очников по индивидуальному плану и превратить встречи с преподавателем в своеобразные научные дискуссии.

Только в курсе марксизма-ленинизма используется рецептивный метод обучения — лекции. При обучении другим теоретическим дисциплинам руководство секции стремится последовательно сочетать лекционную форму обучения с проведением семинаров. На старших курсах занятия проводятся преимущественно в форме семинаров. Широко используются записи лекций и технические аудиовизуальные средства.

Руководство секции стремится свести до минимума количество экзаменов и зачетов. Успеваемость по иностранным языкам, в основном, оценивается на основе обобщения текущих оценок за весь период обучения. Эту оценку дополняют (а не являются решающими!) оценки за классную работу и за комплексный экзамен по языку. Такую постановку дела следует приветствовать.

На семинарах по лингвистике уже с 6—7 семестра начинается подготовка студента к его дипломной работе. При столь раннем переходе к методам изучения материала путем докладов самих студентов возникает, пожалуй, опасение, не снижается ли тем самым степень систематизации и прочности знаний всего курса в целом¹¹.

В основе организации обучения студентов лежит принцип увязки теории и практики перевода. Студенты с самого начала включаются в посильную для них научно-методическую работу по темам, которые разрабатывают сами преподаватели. Таким образом, появляется своеобразное сотрудничество преподавателей и студентов. Студенты изучают литературные источники, анализируют языковой материал и приходят под руководством преподавателя к самостоятельным выводам. В ряде случаев они помогают преподавателям составлять учебные разработки по курсу общего перевода.

Материал, обобщающий этот первый опыт секции, опубликован в журнале «Фремдшпрахен», например, в №№ 1-м, 2-м, 3-м за 1970 год; это статьи Карин Ройшер «О значении прагматики» и Георга Трюбнера «Методическая разработка профессиональной лексики». Первая статья, опубликованная в двух номерах журнала, обобщает дипломные работы студентов, освещающие социально-политические факторы в языке западной прессы. В данной статье вскрыты языковые и внеязыковые средства, используемые в целях обработки общественного мнения. Эти работы студентов, освещающие различные стороны подобной языковой и внеязыковой деятельности западной прессы, представляют интерес для всех переводчиков политической литературы¹².

Статья Георга Трюбнера содержит обобщение дипломных работ студентов, посвященных методической разработке лексики и фразеологии по теме «футбол» на английском

¹¹ См. раздел „Fachstudienprogramm“ указанной выше «Типовой учебной программы» секции «Теоретическое и прикладное языкознание» Университета имени Карла Маркса, с. 7.

¹² K. R ä u s c h e r. Zur Bedeutung der Pragmatik. „Fremdsprachen“, Nr. 2, 1970, SS. 109—117. Nr. 3, 1970, SS. 189—195.

и немецком языках. Лексический материал отобран и расположен по порядку следования событий: приезд делегации, подготовка к игре (предметы костюма футболиста), встречи команд и т. д. Работа выполнена студентами на основе анализа спортивной страницы газеты "Morning Star"¹³.

В интересах повышения квалификации профессорско-преподавательского состава, а также с целью увязки теории перевода с практической деятельностью переводчика профессорско-преподавательский состав привлекается к переводческой работе. Кроме того, привлечение преподавательского состава непосредственно к переводческой работе способствует также большей практической направленности всего процесса обучения.

В журнале «Фремдшпрахен» опубликована статья Е. Флейшмана, доцента секции «Теоретическая и прикладная лингвистика» Университета имени Карла Маркса в Лейпциге. Он делится опытом организации заочно-очной подготовки переводчиков высшей квалификации в данной секции¹⁴. Такое обучение практикуется с 1967 года, оно было начато еще в «Институте устных переводчиков» при этом же университете. Цель организации этого обучения состоит в том, чтобы дать возможность получить диплом о высшем образовании лицам, уже работающим в должности переводчика устного или письменного текста, а также лицам, знающим иностранные языки и готовящимся стать переводчиками.

Обучение этого контингента учащихся основывается на уже имеющихся прочных навыках и умениях в области практического владения языком. Поэтому обучение практике языка вообще не проводится, обучают лишь практике перевода. Курс рассчитан на два с половиной года (5 семестров).

В начале каждого семестра студенты приезжают на трехнедельный установочный сбор. Кроме того, в течение семестра они 6 раз приезжают в Лейпциг на субботу и воскресенье, что составляет дополнительно 14 учебных дней. На установочном сборе проводится интенсивное обучение — по 35 часов в неделю. Таким образом, за два с половиной года 950 часов отводится на аудиторные занятия. Это со-

¹³ G. T r ü b n e r. Ein methodischer Beitrag zur fachbezogenen Lexik (Wortliste Fußball). „Fremdsprachen“, Nr. 1, 1970, SS. 69.

¹⁴ E. F l e i s c h m a n n. Teilstudium an der Sektion „Theoretische und angewandte Sprachwissenschaft“ der Karl-Marx-Universität. „Fremdsprachen“, Nr. 2, 1970, SS. 83—84.

ответствует 3/4 общего числа часов, отведенных для упражнений в устном переводе. На сборах, как указывалось, наибольшее внимание уделяется устному и письменному переводу, причем количество упражнений в переводе на иностранный язык постепенно увеличивается и начинает превалировать над упражнениями в переводе на родной язык. К концу занятий, на V семестре, вводятся первые упражнения в синхронном переводе.

Обучение основам марксизма-ленинизма проводится на первых двух семестрах, после чего студенты сдают государственный экзамен по этому предмету. Затем начинаются занятия по курсу «Международные отношения».

Окончившие эти курсы со знанием одного иностранного языка получают государственный аттестат переводчика со знанием одного иностранного языка (устный и письменный переводчик, сдавший экзамен по одному иностранному языку).

Диплом переводчика устного и письменного текстов можно получить только по сдаче полного курса по второму иностранному языку и защите дипломной работы по теоретическим проблемам перевода. На подготовку к экзаменам по второму иностранному языку и для написания дипломной теоретической работы дается не более пяти лет после очно-заочного обучения. Вторым языком необязательно должен быть русский или английский. Для подготовки к экзамену по второму иностранному языку разрешается посещать занятия в качестве вольнослушателя по языкам: русский, английский, французский, испанский, польский, чешский. Специального заочного обучения по второму иностранному языку нет. Заочно-очное обучение в ГДР платное — 120 марок в год.

* *

*

И, наконец, еще одна информация о подготовке переводчиков научно-технической литературы. Переводчиками технической и специальной литературы, как правило, бывают лица, имеющие незаконченное высшее техническое или иное специальное образование и владеющие иностранным языком. Как правило, они должны иметь соответствующее удостоверение. Лицам, сдавшим экзамен по теории и практике языка и перевода и защитившим дипломную работу, что большей частью делается экстерном, присваивается высшая квалификация переводчика технической литературы.

Другой путь подготовки переводчиков технической литературы — обучение студентов на специальных отделениях курсов технического перевода с соответствующей производственной практикой при секции «Теоретическая и прикладная лингвистика» Университета имени Карла Маркса или на факультете филологии и германистики Берлинского университета.

Итак, в ГДР в настоящее время создана довольно стройная система подготовки и использования кадров службы информации с высшим образованием. Лица, имеющие законченное высшее образование, называются Sprachmittler — языковые посредники, в отличие от лиц, имеющих среднее образование в этой области — Sprachkundige — лица, знающие иностранный язык.

К лицам, имеющим высшую квалификацию, относятся переводчики:

1. Übersetzer und Dolmetscher mit Staatsexamen — переводчики устного и письменного текста, сдавшие государственный экзамен; эти лица работают с двумя или с одним иностранным языком и не защитили дипломной работы.

2. а) Diplom-Konferenzdolmetscher — дипломированный переводчик, имеющий право вести синхронный перевод на двух иностранных языках.

б) Diplom-Übersetzer — дипломированный письменный переводчик.

в) Fachübersetzer — дипломированный переводчик технической литературы.

По окончании высшего учебного заведения переводчик любой квалификации повышает свои профессиональные знания и умения с самого начала практической работы, когда он входит в курс дела и осваивает специфику перевода в той или иной области политики, экономики, науки, техники и культуры.

Помимо того, в ГДР существует развернутая сеть учебных заведений для очно-заочного обучения лиц с законченным специальным переводческим образованием, по окончании которых выдается соответствующий (дополнительный) государственный диплом¹⁵. Лица, окончившие 4-х годичный курс обучения, могут готовиться и экстерном защитить диплом по 5-летней программе вуза. По окончании 5-летнего срока обучения можно заниматься на очно-заочных

¹⁵ „InterText“ Zentrale Zeitung. Berlin, 1970 Anforderungscharakteristik des Diplomsprachmittlers.

курсах для приобретения квалификации «дипломированный редактор переводов», «дипломированный синхронный переводчик» и «дипломированный переводчик-технолог по обработке информации на ЭВМ».

В той же системе можно дополнительно получить квалификацию дипломированного переводчика в области общественных, естественных или технических наук. Преподаватели высших учебных заведений по специальности «обучение переводу» подготавливаются на специальных курсах. Повышение квалификации переводчиков осуществляется также и через аспирантуру и в форме зарубежных стажировок, главным образом в социалистических странах. В ГДР существует также развернутая сеть подготовки переводческих кадров на уровне среднего специального образования, которые могут работать в качестве инокорреспондентов в государственных учреждениях, выполняют перевод I категории в организациях внешней торговли, в промышленности и в сфере обслуживания.

Итак, повышение требований к идейно-политической подготовке и профессиональной квалификации переводчика, научная разработка норм оценки труда переводчиков (определение сложности текста для перевода и необходимого качества перевода в зависимости от последующего его использования), а также развернутая система подготовки и повышения квалификации переводчиков выдвигает ГДР на одно из первых мест в области организации переводческого дела.

Ю. К. Якимович
(Москва)

О НОРМАТИВАХ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВНИКА ПЕРЕВОДНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ

Из многих проблем, связанных с составлением переводных специальных словарей, проблема словника представляется одной из важнейших, но разработана она совершенно недостаточно.

В предисловиях к переводным специальным словарям обычно указывается, что они предназначены служить справочниками при чтении и переводе специальной литературы. Очевидно, что при определении состава словника основным фактором должно быть целевое назначение словарей, то есть следует исходить из лексических особенностей специальной литературы. Каковы же эти особенности? Можно ли представить себе словник отраслевого словаря только как отраслевую терминологию, переведенную на другой язык или сопоставленную с соответствующей терминологией другого языка? Именно такая точка зрения высказывается иногда исследователями¹.

Разумеется, употребление научной и технической терминологии прежде всего характеризует стиль специальной литературы. Количество терминов в текстах научного и технического характера составляет в среднем 18% общего количества слов². В монографиях, журнальных статьях насыщенность терминологией может уменьшаться, а в технических описаниях, справочниках — возрастать. Учитывая сравнительно высокий процент содержания терминов, а также большую смысловую нагрузку, которую они несут,

¹ См., напр., Е. В. Кулибина. К вопросу о терминологии и терминологических словарях. «Вопросы частной лингвистики», вып. 29, Свердловск, 1960.

² Н. П. Ветлов. Теоретические основы терминологического минимума по специальным видам перевода. Автореф. канд. дисс. М., ИМГПИИЯ, 1968, с. 15.

следует придавать отбору терминологии для специальных словарей исключительно важное значение.

В методике разграничения терминологической и нетерминологической лексики различают семантический и статистический способы. Традиционным является семантический способ. Поскольку термин определяется как «слово (или словосочетание), языковой знак которого соотнесен с соответствующим понятием в системе понятий данной области науки или техники»³, то отличие термина от всех остальных слов заключается в характере функционирования и в сфере применения. Исходя из этих свойств термина, лексикограф отбирает нужные ему единицы.

Второй способ опирается на описание синтактики, то есть статистических и дистрибутивных особенностей текста. Формальные способы выделения отраслей и общетехнической терминологии могут оказать существенную помощь лексикографу в том смысле, что имея под рукой справочные материалы, полученные в результате применения формальных методов, например, частотные словари, лексикограф с большей уверенностью может судить о терминологических свойствах слова. Разработка формальных методов заставляет задуматься о применении машин в лексикографической работе; накопленный в этой области опыт говорит о том, что машины могут значительно облегчить отбор слов с заданными признаками (напр., непереходных глаголов или названий орудий действия), хотя основная часть работы по конструированию статей, по отысканию эквивалентов не может быть сделана машиной⁴.

Важнейшим качеством терминологий является системность. Терминология любой отрасли представляет собой совокупность больших и малых подсистем, наименьшей из которых выступает пара терминов. Обеспечение системности словника со стороны больших и малых подсистем терминов в словарях совершенно необходимо.

При всех специфических особенностях терминов им присущи и признаки, характеризующие лексико-семантическую систему языка в целом. Нерегулярность соответствий понятия и обозначения (полисемия, синонимия) представляет собой явление нежелательное в терминологии, но тем

³ В. С. Кулебакин и Я. А. Климовицкий. Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа. «Лингвистические проблемы научно-технической терминологии», М., «Наука», 1970, с. 19—20.

⁴ L. Z g u s t a. Manual of lexicography. Praha, 1971, p. 355.

не менее вполне реальное, и не считаться с ним нельзя. В частности, для конструирования словника существенное значение имеет вопрос о терминах-дублетах. Возникновение дублетных терминов связывают с историей становления той или иной отрасли знания, с развитием ее концептуальной стороны, а также с неупорядоченностью содержания терминологических систем на отдельных этапах⁵. Для нас имеет значение дублетность терминов в территориальной и временной плоскости. Случается, что первоначально для обозначения нового понятия берется заимствованный термин, который затем заменяется отечественным («метранпаж» — «верстальщик»). Заимствованный и свой термины могут долгое время сосуществовать. Например, в немецкой книговедческой терминологии довольно много пар терминов, один из которых заимствован из латыни, а другой имеет немецкое происхождение: Appendix — Anhang, Edition — Ausgabe, Corrigenda — Druckfehlerverzeichnis, Tektur — Deckblatt.

Вряд ли лексикограф в подобных случаях (если речь не идет о явных архаизмах) имеет основания ставить вопрос о «правильности» того или иного термина и, руководствуясь собственным вкусом, исключать в словарь один термин и отбрасывать другой.

Географическое расслоение терминологической лексики обусловлено тем фактом, что многие языки, в том числе и немецкий, являются языками не одной, а нескольких наций. Вполне закономерно, что некоторые термины употребляются локально ограниченно. Для языка швейцарских журналистов, например, возможна замена немецких терминов Redaktion и Seite французскими Ressort и Page.

Вполне возможно рассмотрение терминологии и в социологическом плане. Социальный аспект языковой дифференциации, как это показано в работах В. М. Жирмунского, О. И. Москальской, О. Каде и других исследователей⁶,

⁵ Е. Н. Т о л и к и н а. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. «Лингвистические проблемы научно-технической терминологии», с. 61—63.

⁶ См. В. М. Ж и р м у н с к и й. Национальный язык и социальные диалекты. Л., «Худож. лит.», 1936; е г о ж е: Проблема социальной дифференциации языков. «Язык и общество», М., «Наука», 1968; О. И. М о с к а л ь с к а я. Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка. «Норма и социальная дифференциация языка», М., «Наука», 1969; О. К а д е. Zur Parteilichkeit des Dolmetschers und Übersetzers. „Fremdsprachen“, 1966, Nr. 3;

отражает социальные отношения современности. В первую очередь это относится к терминологиям общественных наук, однако даже в области техники не исключена возможность проявления определенных идейных взглядов. В западно-германской педагогической литературе, например, встречается термин *Euro-erziehung* (воспитание «европейского духа»), в котором проявляется влияние современных идей капиталистического общества. Во время второй мировой войны был широко распространен термин *Vergeltungswaffe* («оружие возмездия»), заключающий в себе концепцию «отмщения» Англии за налеты английской авиации («оружием возмездия» называли самолеты-снаряды «Фау-2»).

Кроме терминов в специальную лексику входят номенклатурные наименования, профессиональное просторечие, устойчивые словосочетания и автоматизированные фразы, закрепленные за той или иной отраслью знания или сферой практической деятельности.

Понятие номенклатуры неоднозначно в лингвистической литературе. Номенклатурой называют как «совокупность терминов-названий, употребляющихся в данной научной области, названия типичных объектов данной науки»⁷ (напр., ботаническая номенклатура), так и те условные обозначения, которые этикетуют конкретные объекты, входящие в объем определенного понятия⁸ (напр., автомобиль „Wartburg“, танк „Scorpion“, доильный аппарат «Елочка»).

Вопрос о необходимости включения в отраслевые словари терминов-названий даже не возникает; относительно обозначений нетерминологического характера могут быть различные точки зрения.

Профессиональное просторечие, причины его возникновения и функциональные особенности изучены еще недостаточно глубоко. Просторечные выражения дублируют термин, дают его упрощенный или шуточный вариант: *Anhänger eines Lastkraftwagens* — *Hänger*; *Kapitän* — *der Olle*.

Конечно, преимущественной сферой использования просторечия является устная речь, однако оно нередко прони-

О. К а д е. Übersetzung und Gesellschaft. „Fremdsprachen“, 1966, Nr. 4; R. G r o ß e. Sprachsoziologische Schichtung im Wortschatz. „Deutsch als Fremdsprache“, 1972, Nr. 6.

⁷ О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов. М., «Сов. энциклопедия», 1969, с. 270.

⁸ См. П. В. В е с е л о в. Номенклатурное наименование и научно-технический термин. «Стандартизация», 1965, № 12.

кает и в письменную. Не избегает просторечия и зарубежная научная литература, на что обращают внимание некоторые исследователи⁹.

Наконец, для специальной литературы характерно употребление глаголов, прилагательных, причастий, устойчивых словосочетаний и автоматизированных фраз, которые, согласно взглядам советской терминологической школы, не являются терминами, но которые бесспорно обладают какой-то мерой терминологичности. Вряд ли можно оспаривать необходимость в словнике отраслевого словаря таких единиц, как «швартоваться», «определяться по солнцу», «перехожу на прием» и т. д.

Таковы в кратком изложении особенности лексики, характерной для специальной литературы. При конструировании словника и следует руководствоваться этими особенностями. Первым требованием к словнику отраслевого переводного словаря является терминологичность. Засорение словника общеупотребительными словами затрудняет работу переводчика и увеличивает объем и стоимость словаря. Издаваемые в нашей стране словари, в целом, отвечают этому требованию, хотя нельзя утверждать, что все они совершенно свободны от общеупотребительных слов. При желании почти в каждом словаре можно найти нетерминологические единицы, однако процент их достаточно низок. Так, в «Немецко-русском медицинском словаре» (сост. А. Ю. Болотина и др., М., 1970) можно считать излишними такие слова, как *Erfüllung* — *выполнение*, *gellend* — *пронзительный*, *Wendepunkt* — *поворотный пункт*, но подобных слов на 45 000 насчитываются единицы.

В равной мере требование терминологичности относится и к отбору словосочетаний. Любой термин может выступать в сочетании с большим количеством других слов и помещать в словарь даже наиболее типичные и употребительные нерационально. Интересным опытом является издание «Немецко-русского школьно-педагогического словаря» (сост. Н. А. Булах и др., М., 1972), где авторы сознательно поставили задачу иллюстрирования возможных структур сочетаемости терминов. Многие статьи этого словаря содержат по 30—40 словосочетаний, среди которых такие, как «воспитание солидарности», «ошибки в воспитании», «га-

⁹ См., напр., H. I s c h r e y t. Die Sprache der Kernphysik und Kerntechnik. „Muttersprache“ 1958, Nr. 3.

рантировать социалистическое воспитание», «нестрогий экзамен», «волноваться на экзамене» и т. д. Возможно, для словаря гуманитарного направления такой опыт представлял известный интерес, но все же вряд ли стоит следовать этому примеру и менять сложившиеся принципы отбора словосочетаний, поскольку перегруженность словника свободными сочетаниями не улучшает качества словаря.

Следующим требованием к словнику является соответствие терминологии профилю отрасли. Это означает, что отраслевой словарь не должен перегружаться смежными и общенаучными терминами. Общенаучные и общетехнические дисциплины дают терминологию всем отраслям знания; так, названия химических элементов и их соединений нужны в медицине, сельском хозяйстве, полиграфии и т. д., названия деталей машин фигурируют во всех отраслях техники. Но это не значит, что каждый отраслевой словарь может охватить терминологию всех смежных отраслей и терминологию общего характера. Такая задача просто невыполнима. Отсылая переводчика за терминологией смежных и общих дисциплин к соответствующим словарям, лексикографы ограничивают словник отраслевого словаря только специфической терминологией, допуская исключения лишь для некоторых фундаментальных терминов смежных отраслей.

Принцип специфичности терминологии выдерживается, как правило, последовательно. Исключением является, пожалуй, лишь один словарь, изданный более десяти лет тому назад — «Немецко-русский горный словарь» (сост. М. Б. Пинес и др., М., 1961), где заметно сказывается перегруженность общетехническими терминами. По нашим подсчетам, на каждые 100 слов в нем приходится 6 терминов общенаучного и общетехнического характера, как, например, «пульт управления», «эксплуатационная инструкция», «эксплуатационные расходы», «обслуживающий персонал», «устройство», «установка», «приспособление» и т. д. Включение лишней лексики дало свыше 240 000 лишних страниц на весь тираж словаря.

Системность словника есть важнейший показатель качества издания, поскольку системность в большой мере обеспечивает надежность словаря как справочника. Просмотр словарей показывает, что в этом направлении авторами и редакторами прилагается много усилий; однако специфика работы со словарями (напр., поступление рукописи словаря в издательство не целиком, а частями), а иногда и

недостаточное внимание к отдельным терминологическим подсистемам приводят к досадным пробелам в словарях даже хороших словарей. Так, в «Немецко-русском полиграфическом словаре» (сост. А. Д. Троицкий и др., М., 1962) хорошо разработаны подсистемы, группирующиеся вокруг таких основных полиграфических терминов, как *Buchkörper*, *Papier*, *Farbe*, *Druckmaschine*, *Setzmaschine* и др. В то же время не всегда последовательно даны антонимичные пары терминов — в словаре есть *Nachrede* — «послесловие», но отсутствует *Vorrede* — «предисловие», дано *Nachbehandlung* — «отделка, чистовая обработка», но нет *Vorbehandlung* — «предварительная обработка». Превосходно освещены в «Немецко-русском школьно-педагогическом словаре» фундаментальные термины педагогики, группирующиеся вокруг понятий «школа», «учебник», «поощрение», «наказание», но есть отдельные пробелы в спортивной терминологии и терминологии искусства. Так, из названий дистанций бега отсутствует *Mittelstreckenlauf* — «бег на среднюю дистанцию», из разновидностей прыжков пропущен *Stabhochsprung* — «прыжок с шестом», среди жанров живописи не упомянуты *Stilleben* — «натюрморт» и *Landschaft* — «пейзаж».

Дублетности терминов, обусловленной историческими, географическими и социальными факторами, как правило, уделяется нужное внимание. Так, в «Немецко-русском полиграфическом словаре» приведены некоторые из латинских заимствований, являющихся дублетами немецких терминов — *Edition*, *Addenda et Corrigenda* и др., хотя большинство из них — *Cartons*, *Tektur*, *Appendix*, *Interpolation* и т. д. все же отсутствуют. В отношении территориальных дублетов образцом может служить вышеупомянутый «Немецко-русский школьно-педагогический словарь», где с большим вниманием подобраны дублеты терминов, характерные для употребления как в ГДР, так и в ФРГ, Австрии и Швейцарии.

Весьма непросто вопрос о включении терминов, несущих отпечаток буржуазных взглядов типа *Europa-Erziehung* (воспитание «европейского духа»). Он особенно актуален в словарях по общественным наукам. Разумеется, идти по пути исключения всех терминов, отражающих чуждое мировоззрение, было бы неверно. Л. В. Щерба писал: «Мы говорим о советских и о несоветских вещах и не можем не говорить о несоветских вещах, поскольку буржуазный мир не является каким-то мифом, а реальностью, и поэтому

мы должны говорить и о нем»¹⁰. Советские словари включают подобные термины по мере необходимости, сопровождая их соответствующим комментарием.

Если говорить о нетерминологических пластах лексики, то, по-видимому, наличие специфической фразеологии и устойчивых словосочетаний, включение номенклатуры и просторечия обогащает словарь, делает его более ценным пособием для переводчика. Однако до последнего времени в отношении этих пластов лексики единых лексикографических принципов не было. В период 50—60-х годов эти лексические единицы зачастую игнорировались; даже совершенно необходимые терминологические словосочетания попадали в словник в ограниченном количестве. Так, в «Немецко-русском словаре по металлообработке» (сост. Н. Ф. Депутатова и др., М., 1957) на 22 000 слов дается всего около 30 устойчивых сочетаний (напр., *die Kanten bestimmen, außer Eingriff setzen, trichterförmig bohren*), то есть около 0,1%. Конечно, этого недостаточно. «Немецко-русский железнодорожный словарь» (сост. Д. А. Бунин и др., М., 1957) ограничивает словник исключительно терминологией, хотя в литературе по железнодорожному делу чрезвычайно много номенклатурных наименований (напр., *Willison-Kupplung, Jacobs-Drehgestell, Pullmann-Wagen*).

Тенденция расширения словника за счет нетерминологических специфических пластов стала намечаться в 60-е годы и в настоящее время все более укрепляется. Образцом блестящей разработки терминологической фразеологии можно считать «Немецко-русский военно-морской словарь» (сост. М. Я. Цвиллинг и др., М., 1961), где, по нашим подсчетам, количество устойчивых сочетаний составляет 7—8% всего объема. Среди них очень много вербальных сочетаний типа *Boot aussetzen, Dienst haben, Fahrt antreten, Fahrt aufnehmen, in Dienst stellen, Schiff in Schlepp nehmen*. Если вспомнить, что особенностью синтаксиса научной прозы является экспансия имени за счет глагола, сопровождающаяся ослаблением семантики глагола, то вербальные сочетания с *haben, treten, stellen, nehmen* следует признать совершенно необходимой частью словника. Этот словарь дает также довольно много автоматизированных фраз — команд, уставных положений, призывов, рапортов-донесений (*Boot aufs Wasser! Alle Mann an Bord! Mann über Bord!*

¹⁰ Л. В. Щерб а, М. И. М а т у с е в и ч. Русско-французский словарь. М., ГИС, 1956, с. 7.

Alle Fahrt voraus!). Такое богатство фразеологических и устойчивых сочетаний является большим достоинством словаря.

В настоящее время в словник отраслевых словарей стали более широко допускаться номенклатурные наименования. Так, «Немецко-русский полиграфический словарь» дает значительное количество фирменных наименований марок машин и приборов (Monophoto, Elgrama-Klischiermaschine, Strichklischograf, Idotron и т. д.). В «Немецко-русском школьно-педагогическом словаре» есть наименования книжных серий, которые по своему характеру сходны с номенклатурой: Bibliothek der Antike — «Библиотека античного мира», Bibliothek des Lehrers — «Библиотека учителя», Bibliothek der Weltliteratur — «Библиотека мировой литературы». «Немецко-русский патентный словарь» (сост. А. А. Лиллеяли и Б. П. Мясников, М., 1971) содержит наименования патентов, действующих в отдельных странах и группах стран — nordisches Patent, europäisches Patent, Westdeutschland-Patent и т. п.

В отношении профессионального просторечия следует заметить, что работа с ним чрезвычайно затруднена из-за неразработанности проблемы. Необходимость отражения этого лексического пласта в словнике осознается лексикографами, что подтверждается постоянными попытками включения стилистически сниженных единиц в словари, но принципы их отбора, перевода и комментирования до конца не ясны. Большим своеобразием отличаются в немецком языке профессиональные жаргоны, особый образно-концентрированный способ выражения специалистов. Трудность работы с профессиональным просторечием и жаргоном усугубляется тем, что не всегда возможно проведение параллелей с русским языком.

В 50-е и 60-е годы жаргонная и стилистически сниженная лексика включалась более или менее последовательно в военные словари — «Немецко-русский авиационный словарь» (сост. В. В. Горский и др., М., 1959), «Немецко-русский военно-морской словарь» и некоторые другие. В настоящее время во многих словарях этой лексике также уделяется внимание. В «Немецко-русском медицинском словаре» можно найти обиходные названия болезней (Bräune, Fallsucht, Schwindsucht), в «Немецко-русском школьно-педагогическом словаре» помещены жаргонные словечки школьников и студентов (eine lange Leitung haben, aus dem Effeff verstehen), в «Немецко-русском полиграфическом

словаре» нашли место жаргонизмы немецких полиграфистов (напр., жаргонные обозначения различных дефектов набора — Hochzeit, Koralle, Leiche). Вряд ли можно отрицать, что эти лексические единицы (их немного, и они не увеличивают заметно объем словаря) приносят определенную пользу переводчику, облегчая его работу, когда он сталкивается с подобной лексикой, и расширяя его знания о специфике языка интересующей его отрасли.

Нормативы построения словника отраслевого переводного словаря были рассмотрены в связи с целевым назначением этого вида изданий. Предложенные рекомендации, касающиеся терминологичности словника, системности терминологии, расширения словника за счет специфических нетерминологических пластов лексики основаны на изучении лексических особенностей специальной литературы и тенденций развития словарного дела. Как часть общих проблем лексикографии рассмотренный вопрос заслуживает постоянного внимания лексикографов и переводчиков, и его разработка может послужить изданию словарей высокого качества, надежных в работе, компактных и удобных в пользовании.

М. Я. Цвиллинг
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

(В связи с выходом нового «Немецко-русского политехнического словаря»¹)

Из всех разделов прикладного языкознания лексикография, пожалуй, наиболее тесно связана с развитием всех видов человеческой деятельности, ибо именно в словаре, в словарном составе получают свое языковое закрепление новые понятия, отношения и оценки, выработанные обществом.

Переводчику приходится одному из первых сталкиваться с этим новым языковым материалом. Межъязыковые соответствия вырабатываются в ходе международных контактов, осуществляемых в самой разнообразной форме во всех областях жизни — общественно-политической практике,

¹ «Немецко-русский политехнический словарь». М., «Сов. энциклопедия», 1973 (далее — НРПС-73).

экономике, искусстве и культуре, науке и технике, на основе сопоставления и соположения сходных достижений, взаимного заимствования, критического описания и пр.

Естественно, что отдельному переводчику не под силу вобрать в себя этот языковой опыт обширнейших коллективов людей самых разнообразных специальностей. Его возможности имеют свои естественные границы: как количество лексических единиц (или пар эквивалентов), так и широта доступной одному человеку области специальных знаний не беспредельны. В то же время конкретные задачи, стоящие перед любым реальным переводчиком, не могут быть заранее ограничены таким образом, чтобы исключалась возможность его столкновения с незнакомым материалом. В условиях научно-технической революции (НТР) переводчику, в частности, приходится постоянно иметь дело с текстами, отражающими межотраслевые связи наук, взаимодействие порой весьма далеких друг от друга областей техники и т. п.

Деятельность переводчика, следовательно, немислима без непосредственной опоры на лексикографические источники, которые являются ничем иным, как обобщением опыта межъязыковых контактов (в том числе и переводческого), отложившегося в форме эквивалентных связей между словами контактирующих языков.

Представляя собой своего рода синхронный срез лексического состава двух языков в их взаимном соотношении, каждый словарь в то же время является этапом в непрерывном процессе развития межъязыковых связей, питаясь опытом переводчиков, редакторов, референтов и иных специалистов и оказывая обратное воздействие на них как благодаря своей информационной мощи, так и в силу присущего ему общественного престижа. Правда, как уже неоднократно отмечалось, любой реальный словарь есть не более как приближенное отражение объективно существующего словарного состава языков и имеющихся между ними эквивалентных связей, так как сам он тоже создается субъективным творческим актом достаточно ограниченной (в сравнении со всем языковым коллективом) группы людей с учетом реально существующих условий времени, средств и иных факторов, соотносимых с характером и интенсивностью соответствующих общественных потребностей.

Существует немало критериев, достаточно детально рассмотренных в научной литературе по лексикографии, соблюдение которых может обеспечить высокое качество сло-

варя. Однако ни один из этих критериев не действует автоматически, признание того или иного принципа и реальная возможность его последовательного воплощения — это далеко не одно и то же. До тех пор, пока словари делаются людьми, они будут носить отпечаток индивидуальности их составителей, оставаясь, таким образом, своеобразными описаниями языка, лингвистическими (точнее, металингвистическими) текстами, не тождественными описываемому объекту даже при самом тщательном подавлении случайных (субъективных) помех. Объем и отбор словника, метод его подачи, гнездование, квалификация и классификация значений, характер иллюстраций и переводов и многое другое всегда вносится в словарь его составителем. Таким образом, тесная связь между переводческой практикой (как базой для составления словаря) и лексикографической практикой (как ее отражением), а также и обратная связь между лексикографией (как совокупностью источников) и переводом (как формой реализации содержащейся в них информации) — это конкретное воплощение непрерывного процесса межъязыковых контактов.

В этом свете надо рассматривать и аспект рецензирования словарей: рецензент расценивает свою деятельность как объективно необходимое звено в вышеописанном контуре взаимных связей лексикографической и переводческой деятельности, вполне отдавая себе отчет в неизбежности доли субъективизма в своих оценках.

* * *

В общем массиве двуязычных словарей в последнее время все более четко начинает выделяться **политехнический словарь** как лексикографическое пособие особого типа, отражающее бурно протекающий в условиях НТР процесс взаимосближения различных отраслей науки и техники. На протяжении четверти века (с 1948 по 1973 г.) в Советском Союзе большие немецко-русские политехнические словари (НРПС) издавались трижды (в 1948, 1963 и 1973 гг.).

Настоящая статья посвящена рассмотрению нового «Немецко-русского политехнического словаря» и отчасти его сопоставлению с предыдущим словарем такого же типа²,

² «Немецко-русский политехнический словарь». М., Физматгиз, 1963 (далее — НРПС-63).

поскольку именно сопоставление позволяет выявить, насколько словарь отвечает требованиям, вытекающим из его объективной роли в процессе реальных межъязыковых контактов.

* * *

Рецензируемый словарь не является, несмотря на полное совпадение названий, переизданием словаря 1963 года: он выпущен другим издательством, почти полностью сменился состав авторского коллектива. Тем не менее можно говорить об определенной преемственности между обоими словарями — они имеют много общего в характере оформления и, по-видимому, методике составления и редактирования, тем более, что редактировались оба словаря, в основном, одними и теми же специалистами-лексикографами. Таким образом, есть достаточно оснований при рассмотрении данного словаря опираться, в частности, и на замечания, высказанные к его предшественнику³. Первое замечание касалось отражения в словнике новых отраслей науки и техники. Отрадно отметить, что почти все термины, на отсутствие которых указывалось в рецензии, в новом словаре есть. Это прежде всего такие слова, как Information, Algorithmus, Redundanz, Datenverarbeitung, optimieren и другие понятия кибернетики и теории информации. В новом словаре они представлены очень широко и полно — одних только сложных слов с первым компонентом Information в нем 58! Также значительно полнее, чем в старом словаре, представлена электроника, в том числе квантовая и, конечно, полупроводниковая: Mikromodul, Miniaturisierung, Laser, Maser, Holographie, Planartransistor, Dünnfilmdiode и многое другое, чего не было, да отчасти и не могло быть, в словаре 1963 года.

С другой стороны, словарь освободился от определенного балласта, имевшегося в словаре 1963 года. Эта разгрузка была, насколько можно судить, осуществлена по двум основным направлениям. Одно из них — ограничение круга отраженных в словаре отраслей знания. Так, в новый словарь не вошла терминология зоологическая, ботаническая, музыкальная и коммерческая. Такое ограничение представляется вполне оправданным, поскольку даже в широко

³ М. Я. Ц в и л л и н г. Немецко-русский политехнический словарь (рецензия). «Иностранные языки в высшей школе», вып. 3, М., 1966, с. 132—139.

понимаемую систему технической терминологии эти отрасли действительно не входят. Другое направление — исключение из словника малоупотребительных, узкоспециальных и окказионально образованных многосоставных слов (типа имеющихся в старом словаре *Bergbauaktiengesellschaft*, *Doppelpfeilerkopfstaumauer*, *Gesamtausziehewetterstrom*). Это позволило составителям словаря эффективнее использовать объем словаря.

Важным показателем полноты и целесообразности отбора словника является «покрытие» им реальных текстов, соответствующих по тематике и жанру назначению данного словаря.

Для проверки словаря нами были взяты отрывки из трех статей, помещенных в научно-технических журналах не узко специального характера⁴. Результаты этой выборочной пробы оказались вполне удовлетворительными. Так, подавляющее большинство терминов из статьи по применению голографии в технике в словаре отражено — это и специальные понятия типа *Hologramm*, *Interferenzstreifen*, *lichtempfindlich*, *Auflösungsvermögen*, и общетехнические термины: *Maßhaltigkeit*, *Nachbearbeitung*, *Konstruktionselement*, и др. В статье по автомобильному электрооборудованию картина примерно та же — в словаре мы нашли и спецтермины: *Spannungsabfall*, *Unterspannung*, *Wakkelkontakt*, *Übergangswiderstand*, *Klemmenspannung*, *Stromkreis*, и общеупотребительную техническую лексику: *Lebensdauer*, *Funktionssicherheit*, *dimensionieren*. Правда, третья статья — об использовании пластмасс в строительстве дала несколько иной результат. Словарь приводит в основном лишь неспецифические термины, как-то: *Verbundkonstruktion*, *glasfaserverstärkt*, *Polyesterharz*, *Türblatt*, тогда как более конкретные термины: *einhängefertig*, *oberflächenfertig*, *Vollkunststofftür*, *Lüftungsschlitz*, *Stahlzarge*, *Fertigtür*, *Verkleidungsrahmen* и др. отсутствуют.

Таким образом, полной гарантии обнаружения любого термина словарь не дает — да этого и невозможно требовать. Из первых двух разобранных нами статей в словаре не содержится также ряд терминов, среди них есть, на наш взгляд, и весьма употребительные: *Präzisionsteil*, *Laser-*

⁴ „Die Zukunft heißt Kunststoff“. *Hausbesitzerfibel*, 15/1973, Wiesbaden, S. 19; „ORWO-Holografie-Platten rationalisieren Gütekontrolle.“ *Fotografie*, 4/1973, Leipzig, S. 32; „Der Spannungsabfall unter der Lupe“. *Der Junghandwerker im Kraftfahrzeugbetrieb*, 1/1971, Würzburg, S. 12.

lichtquelle, holografieren, Musterstück, Spray, Luftverschmutzungsanalyse (в статье по голографии) и spannungsempfindlich, Gesamtstromkreis, Kontaktstelle, Sicherungsdose, Korrosionserscheinung (в статье по электротехнике). Сопоставление словаря с алфавитным указателем терминов журнала „Wissenschaft und Fortschritt“ за 1971 год также должно было дать показательный материал относительно полноты (или неполноты) его словника. Просмотрев буквы A, B, C, S и U, мы не нашли в словаре, в частности, следующих терминов: Abfallbeseitigung, Abreicherung, Alphaerfall, Brennerei, Chemiemüll, Sandwichelement, Schockwelle и много других.

Уже одно это перечисление свидетельствует о том, что полнота словника НРПС-73 относительная. Среди 110 000 слов мы не нашли также и терминов: abbauwürdig, Anschlußstelle, Nullserie, Zeitlupe, Minibus, materialintensiv, Langspielplatte, Quadrophonie, ruckfrei. Сравнение с НРПС-63 дает порой парадоксальный результат. Abbauwürdig там было — в новом же словаре оно уступило место термину Abbauwürdigkeitsgrenze; Zeitlupe тоже было, но в новый словарь не вошло (несмотря на широкую употребительность наряду с его синонимом Zeitdehnernaufnahme). Сопоставив в обоих словарях статьи, начинающиеся элементом Ausgleich, мы установили, что общее число слов этого гнезда в обоих словарях практически одинаково (85 статей в новом словаре, 86 — в старом). Однако при этом лишь половина слов содержится в обоих словарях (и притом отчасти в разном оформлении и не всегда с одинаковыми переводами). Не включены в новый словарь, например термины: Ausgleichsdüse, Ausgleichsfuge, Ausgleichsgrube, в употребительности которых вряд ли приходится сомневаться, зато даны Ausgleichgruben-Tiefofen и Ausgleichsbremsgestänge, которые и по значению, и по структуре едва ли могут быть отнесены к основному терминологическому фонду языка.

Приходится констатировать, что и в новом словаре, в общем, свободном от значительной части балласта, имевшегося в НРПС-63, отбор словника все же не совсем свободен от случайностей, не отражает достаточно ясно какого-либо последовательно соблюдаемого принципа.

Предпочтительность подачи простых первообразных терминов перед сложными, производными очевидна. Однако помимо вышеупомянутых примеров (Abbauwürdigkeitsgrenze при отсутствии abbauwürdig или Ausgleichgruben-Tiefofen при отсутствии Ausgleichsgrube) в словаре обнару-

живается достаточно много нарушений этого принципа. Так, при наличии Alpha-Zerfallsenergie — нет Alpha-Zerfall; при наличии Rohbauarbeiten, Rohbauvorlauf и даже при Rohbauwagenkasten — нет основного термина Rohbau; при наличии Fernsehportable — нет Portable; при наличии Butterschmalzwerk — нет Butterschmalz и т. д. Едва ли требуются особые доказательства для того, чтобы убедиться в меньшей целесообразности включения термина «завод топленого масла» по сравнению с термином «топленое масло». Отвлекаясь от методологических соображений, достаточно представить себе, какой выигрыш в печатных знаках дало бы последовательное проведение принципа предпочтительности основных терминов.

Сказанное о словосложении в такой же мере относится и к словопроизводству. Если в языке существуют терминологически функционирующие глаголы и прилагательные, то они, естественно, имеют не меньшее право на включение в словарь, чем производные от них существительные, в особенности когда однокоренные части речи отличаются даже особенностями перевода. С другой стороны, если нет никаких существенных различий в значении между, скажем, глаголом и субстантивированным инфинитивом, то включение в словарь обоих слов едва ли целесообразно — объем словаря расходуется на подачу явно избыточной информации. Так, на с. 193—195 из глаголов с приставкой ein- даны только в глагольной форме 16 слов, в глагольной и одновременно субстантивированной форме — 14 пар слов и только в субстантивированной форме — 5 слов.

Усмотреть какую-либо систему в этом трудно — существительные зачастую не отличаются никакими смысловыми переводческими особенностями от глаголов (einbeulen «вдавливать»/ Einbeulen «вдавливание»; eindampfen «1. выпаривать, упаривать; 2. испаряться»/ Eindampfen «1. выпаривание, упаривание; 2. испарение»). Трудно обнаружить последовательность и в подаче отглагольных существительных на -ung. Вполне оправдана, например, подача слова Einbeulung, поскольку оно обозначает не действие, как Einbeulen («вдавливание»), а его результат («вмятина»), также оправдано Einengung «сужение» при einengen. Но зачем давать Einarbeitung в одной статье с Einarbeiten или Einbettung, Einfärbung с ссылкой на Einbetten, Einfärben?

В отношении прилагательных можно установить, в основном, такую же непоследовательность. Explosionsge-

fährlich дается только как прилагательное, а Explosionsfähigkeit — как существительное, при leitfähig есть и Leitfähigkeit. При Kohärenz есть и kohärent, Inkohärenz дается без соответствующего ему прилагательного. При ungleichförmig есть и существительное Ungleichförmigkeit, однако при его антониме gleichförmig существительное не дается.

Другой принцип, необходимость соблюдения которого при отборе словника, в общем, не вызывает возражения, — это принцип терминологической системности. Термины, равноценные по своей значимости в той или иной терминологической подсистеме, должны в равной степени найти (или не найти) отражение в словаре. Слова, обозначающие основные свойства одного и того же объекта или детали одного и того же устройства, ступени одного и того же процесса или подвиды одного и того же вида изделий и т. п. — вот наиболее характерные примеры подобных терминологических микросистем. Чем полнее словарь, тем более благоприятные условия он создает для соблюдения системности в подаче лексики.

В рецензируемом словаре принцип системности в некоторых случаях оказывается нарушенным. Так, при поиске основных терминов, относящихся к оборудованию аэродрома, не удалось найти Kurswegsender (есть только Gleitwegsender), Landeradar (есть только Rundsichtradar). В словаре есть, например, относящиеся к экспонированию термины: Belichtung, Unterbelichtung, Überbelichtung, но нет обязательного в этом ряду Fehlbelichtung.

Растущую роль во всех языках играют в настоящее время терминологические устойчивые сочетания. В немецком языке, несмотря на преобладающую роль словосложения, словосочетания также играют немалую роль в терминообразовании. В словарях, однако, они отражены далеко не с той полнотой, как термины обычного, лексического типа. Так, словарь дает лишь существительное Hintereinanderschaltung, употребительность которого невелика, но не дает сочетания hintereinander schalten (есть лишь in Reihe schalten). Мало в словаре и сочетаний типа elektronisch gesteuert, digital arbeitend, schwingend gelagert, перевод которых по составным элементам не всегда прост.

С другой стороны, в словарь включено довольно большое число словосочетаний, состоящих из термина-существительного и определения-прилагательного. Характерна в этом отношении статья Beton, в которой дано свыше 50(!)

сочетаний с прилагательными. При ближайшем рассмотрении, однако, большинство сочетаний оказывается лишенным какой бы то ни было терминологической и переводческой специфики, а входящие в них прилагательные либо без труда отыскиваются в словаре на своих алфавитных местах с тем же переводом (напр., *frostbeständig*, *feuerbeständig*, *porig*), либо могли бы быть помещены в словаре как отдельные термины (напр., *schwindfest* дано только здесь, тогда как в алфавите помещено *schwindfrei*). Таким же образом построены статьи *Stahl*, *Elektrode*, *Glas*, *Motor* и ряд других. Включенные в сочетания прилагательные либо дублируют материал соответствующих самостоятельных статей, либо же оказываются труднообнаружимыми, если они встретились в тексте не в том сочетании, которое дано в словаре (напр., прилагательное *obengesteuert*). Большое число однотипных сочетаний влечет за собой также и многократное повторение перевода основного слова в статье, что едва ли целесообразно с точки зрения экономии объема словаря.

* *
*

До сих пор мы рассматривали исключительно «входную» часть словаря — состав его немецкого словника, не касаясь вопроса о переводах. Но ценность словаря определяется не только тем, что в нем можно (или нельзя) найти, но и тем, какую информацию он дает «на выходе», насколько полны, правильны и надежны предлагаемые им переводы.

Мы уже отмечали в рецензии на НРПС-63, что для политехнического словаря очень важен возможно более полный охват значений термина применительно к самым различным областям. Однозначность, являющаяся характерным свойством термина в пределах данной конкретной терминологической системы, оборачивается широкой полисемией, как только в поле зрения переводчика или лексикографа попадает непрофильрованный массив текстов по разным специальностям. Различные терминологические системы порой сосуществуют внутри одного и того же текста, что создает немалые трудности в определении значения термина даже в пределах данного текста. Поэтому политехнический словарь должен стремиться к максимальному охвату значений термина в пределах отражаемых словарем терминологических систем.

Если, например, словарь принципиально отражает терминологию кинофототехники, то вполне естественно, что

к слову *Kassette* одним из значений дан перевод «кассета» с соответствующей пометой (*кфт*), наряду с переводами «кессон (перекрытия)» и «футляр». Но если есть «кинофото-технический» перевод к слову *Kassette*, то он необходим и при других словах, употребляемых в той же отрасли. Однако, например, среди семи разных переводов слова *Patrone* нет как раз фототехнического, а между тем *Patrone* обозначает также «кассету» и притом ее разновидность, находящую самое широкое применение.

Если мы рассмотрим статью *Lauf*, то наряду с шестью другими найдем и перевод «ствол (ружейный)». Естественно, что другие части ружья (в силу вышеупомянутого принципа системности) в словаре должны быть зафиксированы. Однако ни в статье *Kolben*, ни в статье *Verschluß* мы их не находим. При *Kolben* перевода «приклад» просто нет, а при *Verschluß*, правда, дается перевод «затвор», но только с пояснением: «фотоаппарата». Ограничительные пояснения (и пометы), используемые по аналогии с отраслевыми словарями, в политехническом словаре не нужны. Пояснения в статьях: *Kurbelhochstand* — «верхнее положение колена вала (на ткацком станке)» и *Kurbelpleuel* — «поводок (в тяжелом ткацком станке)» могут создать ошибочное представление, будто данные термины не применяются в других областях техники.

Вот еще примеры такой односторонней специализации переводов: *Vorspann* — «двойная (локомотивная) тяга» (нет, напр., перевода «ракорд»); *Pistole* — «(сварочный) пистолет»; «(сварочная) горелка» (устройство пистолетного типа с таким названием может применяться и в качестве сверла, дырострела, краскораспылителя, резака и т. д.). *Zubringer* дано только с переводами: «питатель; подающее ... устройство»; «загрузочный ... конвейер». Однако нет переводов, относящихся к автотранспорту и системе дорожных коммуникаций.

Помимо полноты переводов немалую роль играет и продуманность их формулировок — оптимальное сочетание обобщенности и конкретности, нормативность, экономичность и другие сходные критерии. В рецензии на НРПС-63 указывалось на описательный, многословный, ненормативный характер переводов во многих статьях. В НРПС-73, насколько позволяет судить выборочное ознакомление, этот недостаток в значительной мере преодолен. Однако отдельные погрешности имеются и в этом издании. Возьмем, например, вопрос об обобщенности переводов. Если

термин без существенных семантических расхождений употребляется в разных отраслях техники, и перевод его остается в целом одинаковым, то нет смысла дробить его значения в словаре.

К слову *Attrappe* даны в словаре три значения: 1. макет (самолета); 2. *эпн.* ловушка; 3. бутафория. Легко доказать, что фактически мы имеем здесь дело не с тремя, а всего с двумя значениями и что значения 1 и 3 оторваны друг от друга случайно; видимо, в силу специфичной («многоканальной») методики составления данного словаря. Правильнее было бы: «1. макет; бутафория; 2. *эпн.* ловушка».

Статья *Rille* разбита на 13 (!) значений, передаваемых, в целом, 18 словами (не считая определений и пояснений), среди которых, однако, встречаются: «бороздка» — два раза, «желобок» — три раза (с пояснениями: «рифленной поверхности», «шквива», «рессоры») и «канавка» — четыре раза. О том, что такой избыточности в общем-то не трудно избежать, свидетельствует множество вполне рационально составленных статей многозначных терминов в том же словаре (см. напр., *Rinne*, *Rippe*, *Grube*, *Kasten* и др.).

Вопрос о нормативности переводов важен в ряде отношений — во-первых, нормативный перевод избавляет лексикографа от необходимости подачи ненормативных, описательных переводов и дает, таким образом, немалый экономический эффект; во-вторых, он облегчает работу переводчика со словарем, избавляя его от необходимости решать вопрос о выборе оптимального эквивалента; в-третьих, он обеспечивает единообразие перевода взаимосвязанных терминов и, наконец, он обеспечивает выполнение словарем присущей ему нормативной функции, его положительное воздействие на терминологическую и переводческую практику.

Составители словаря, в целом, последовательно проводят принцип нормативности переводов, но допускают в отдельных случаях отклонения, которых можно было бы без труда избежать.

Radioautographie переводится в словаре двумя эквивалентами: «авторадиография» и «радиоавтография»; эти же два перевода в той же последовательности даны и к *Autoradiographie*. Разве одного эквивалента было бы недостаточно? Даже если здесь нет еще строго установившейся нормы, то неспециалист все равно не может решить, что лучше, а специалист и без подсказки словаря способен видоиз-

менить термин так, чтобы он отвечал привычному для него употреблению.

К *Magnesioferrit* словарь также дает два равнозначных термина: «магноферрит» и «магнезиоферрит», к *Magnetkies* — даже три: «магнитный колчедан, магнитопирит, пирротин». *Festkörperfilter* переведено «твердотельный фильтр», *Festkörperkreis* — «твердая схема», *Festkörperlaser* — «лазер... с твердым рабочим веществом», а *Festkörperschaltkreis* — «твердая (твердотельная) схема, схема на твердом теле».

Слово *Maser* дано с переводом «мазер», поясняемым в скобках сочетаниями «квантовый усилитель, молекулярный генератор»; *Festkörpermaser* трактуется уже иначе: «мазер, квантовый усилитель, квантовый генератор». В статье *Molekularverstärker* находим переводы: «квантовый (молекулярный) усилитель, мазер», в статье *Ampliakmaser* снова иной набор терминов, в том числе один новый: «квантовый молекулярный генератор». *Gasmaser* получает вообще единственный перевод: «газовый мазер» (что, видимо, наиболее целесообразно). Таким образом, здесь предлагается на выбор шесть вариантов: «мазер», «квантовый усилитель», «квантовый генератор», «молекулярный усилитель», «молекулярный генератор» и «квантовый молекулярный генератор». Нет сомнения, что в литературе, действительно, бытуют все шесть синонимов, но это не оправдывает их включение в «выходную», то есть рекомендательно-нормативную часть словаря.

В терминологическом фонде современных языков значительное место занимают заимствования. Весьма характерны они и для немецкого языка, причем наиболее многочисленными являются заимствования из английского языка, встречающиеся в больших количествах в изданиях ФРГ. В НРПС-73 мы находим немало таких актуальных англицизмов, как, например: *Tuner*, *Hardware*, *Software*, *Black-box-Method*, *Cockpit*, *Computer*, *Container*. Включение иноязычных терминов в словарь оправдано в той мере, в какой они являются основными или, по крайней мере, равноправными и равноупотребительными (наряду с немецкими синонимами) обозначениями тех или иных специальных понятий. Однако это не означает, что в словарь должны включаться любые иноязычные термины, фактически или потенциально используемые в специальных текстах на немецком языке, ведь среди них встречаются и такие, которые являются всего лишь терминами-цитатами, иноязычными вставками,

вводимыми в немецкий текст под влиянием иноязычного источника, описываемого или обсуждаемого в нем. Зачастую такие термины сопровождаются в тексте пояснением или синонимом, облегчающим их понимание и перевод. При решении вопроса о включении такого рода терминов в словарь следует учитывать их относительно низкую частотность в немецких текстах и возможность их перевода с помощью англо-русских словарей. На основании сказанного можно считать излишним включение в словарь таких слов и сочетаний, как *pop woven fabric*, *picture-fone*, *digit binaгу* (правильнее было бы здесь *binaгу digit*, так как человек, не знающий английского языка, будет искать сочетание в словаре в той форме, в какой встретит его в тексте). С другой стороны, ряд терминов, соответствующих вышеприведенным критериям, в словаре не содержится, например: *Leasing*, *Ticker*, *Paperback*, *HiFi*, *Interface*, *Walkie-Talkie*.

Анализ НРПС-73 позволяет сделать вывод, что этот словарь, несмотря на некоторые отмеченные в настоящей рецензии отступления от строгих лексикографических требований, пожалуй, неизбежные в словаре такого типа и объема, является ценным практическим пособием и в целом отвечает тем задачам, которые стоят перед словарем в реальном процессе широких межъязыковых контактов в условиях научно-технической революции. Вместе с тем данный словарь на своем примере вновь подтверждает положение о том, что выработка принципов технической лексикографии⁵ сама по себе не гарантирует абсолютной оптимальности словарей в натуре. Процесс составления словарей сам по себе настолько сложен и трудоемок,⁶ что основным путем к повышению качества словарей следует считать, по-видимому, оптимизацию самого этого процесса, что в современных условиях не представляется возможным без принципиального перехода к использованию в лексикографическом деле современных средств автоматической обработки информации.

⁵ Ср., напр., И. А. К р у п е н и н а. Переводный научно-технический словарь как тип издания. Автореф. канд. дисс., М., 1974.

⁶ См. Ю. Н. К а р а у л о в. Общая и русская лексикография. Автореф. докт. дисс. М., 1975, с. 20 и след.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Вопросы теории перевода

- В. Н. Комиссаров.* Теория перевода на современном этапе. (По материалам Всесоюзной научной конференции) 3

II. Вопросы художественного перевода

- Ф. И. Маулер.* Некоторые способы достижения эквивалентности. (На материале английского перевода «Евгения Онегина») 13
- Е. К. Нестерова.* Русские переводы стихотворения Э. А. По «Ворон» 22
- Эдгар Аллан По.* «Ворон». Перевод В. М. Василенко 34
- В. В. Библихин.* Опыт сравнения разных переводов одного текста 37

III. Вопросы практики перевода

- С. С. Кузьмин.* Смех как переводческая проблема. (На примере фразеологизмов) 47
- Н. П. Брылева.* Некоторые замечания о порядке слов при переводе с английского языка на русский 58
- А. Е. Мосьяков.* Разложение фразеологизмов и перевод 70

IV. Вопросы технического перевода

- Б. Н. Климзо.* О переводе периодической научно-технической литературы с английского языка на русский 75

V. Вопросы методики преподавания и подготовки переводчика

- Е. М. Штайер.* Desiderata к пособию по переводу 86
- Т. М. Мещерякова.* Подготовка кадров переводчиков в ГДР 93

VI. Вопросы лексикографии

- Ю. К. Якимович.* О нормативах построения словника переводных специальных словарей 106
- М. Я. Цвиллинг.* О некоторых вопросах технической лексикографии. (В связи с выходом нового «Немецко-русского политехнического словаря») 115

Коллектив авторов

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА (ВЫП. 13)

Редактор *В. П. Торпакова*. Издательский редактор *Н. И. Божанова*. Оформление художника *Б. П. Кузнецова*. Художественный редактор *Р. А. Казаков*. Технический редактор *О. И. Камышанова*. Корректор *Н. С. Новова*. Младшие редакторы *Е. П. Политова* и *Г. И. Колодкова*. А13048. Сдано в набор 24. XI. 1975 г. Подписано в печать 17. IV. 1976 г. Формат 81×108¹/₃₂. Бумага тип № 2. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,92. Тираж 12000 экз. Издательство «Международные отношения», 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24. Зак. № 781. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 153014, Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 42 коп. Изд. № 21/75ф